ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 42-й

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 20 (4254)

13 мая 1970 г. СРЕДА

Цена 15 коп.

Москва, 8 мая 1970 года. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства у могилы Неизвестного солдата

Фото Ю. СКУРАТОВА

СВЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

9 МАЯ 1970 года! Праздник Победы в этом году был необыкновенно волнующим, ярким и торжественным. Это был праздник народа — труженика и солдата, народа, который под водительством Коммунистической партии защитил Отечество и разгромил фашизм.

Как и в мае 1945 года, так и в мае 1970 года центром народного торжества была могучая, непобедимая наша Москва. 8 мая, в канун Дня Победы над фашистской Германией, руководители КПСС и Советского правительства пришли к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены и возложили венок «Павшим в боях за свободу и независимость социалистической Родины. От ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР» — гласит надпись на алой ленте венка. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства минутой молчания почтили память советских воинов, которые отдали жизнь за священное дело освобождения Родины от гитлеровских захватчиков, за освобождение народов Европы от фашистского ига.

В этот же день, 8 мая, в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное 25-летию нашей Победы. Сцена дворца была украшена распахнутым алым стягом с портретом В. И. Ленина. Под ним реяли боевые знамена всех видов Вооруженных Сил страны.

В президиуме торжественного собрания были встреченные бурными аплодисментами товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, а также Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан, кандидат в члены Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ Алоиз Индра. Тепло и сердечно зал приветствовал маршалов Советского Союза И. Х. Баграмяна, П. Ф. Батицкого, С. М. Буденного, А. М. Василевского, А. А. Гречко, И. С. Конева, И. К. Кошевого, И. И. Крылова, К. С. Москаленко, В. И. Чуйкова, И. И. Якубовского, адмирала флота Советского Союза С. Г. Горшкова, а также военные делегации социалистических стран.

Участники собрания вставанием почтили память павших на фронтах Великой Отечественной войны. Звучит Гимн Советского Союза. Бурными овациями собравшиеся встретили доставленное во дворец Знамя Победы, водруженное над поверженным рейхстагом в мае 1945 года. С докладом о великом подвиге советского народа выступил министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Он сказал:

— Советский народ гордится тем, что наши Вооруженные Силы с честью выполнили свой долг свою великую освободительную миссию. Они до конца довели победоносную борьбу и увенчали ее грандиозным берлинским сражением. Дружественное советским воинам, всем советским народом победное Красное знамя над рейхстагом возвестило миру не только военную победу Советского Союза над фашистской Германией, но и победу социализма. То было знамя непобедимости и торжества великих ленинских идей!

Обозревая итоги минувшей войны с вершины наших дней, советские люди еще и еще раз с чувством законной гордости сознают, что общественная система социализма, ее экономические и организационные возможности, марксистско-ленинская идеология явились главным источником Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Далее А. А. Гречко говорит:

— Главная цель реакционной буржуазной науки, современных идеологов антикоммунизма и реваншизма — сформировать ложное общественное мнение о советском народе и его армии, отрицать решающую роль СССР во второй мировой войне.

Напрасные старания. Фальсификаторам не удастся вытравить из памяти человечества великий подвиг нашего народа, подорвать огромный международный авторитет Советского Союза, ослабить притягательную силу социализма.

Итоги войны были и остаются грозным предостережением любому агрессору. Они убедительно подтвердили предвидение Владимира Ильича Ленина, что наша социалистическая Республика Советов выдержит все атаки враждебных сил и будет стоять незыблемо, как факел международного социализма, как пример перед всеми трудящимися массами.

...Эти дни четвертьвекового юбилея нашей Победы были полны памятных встреч. Встречались участники войны — пехотинцы и танкисты, зенитчики и моряки, летчики и пограничники, писатели и журналисты.

Волнующая, традиционная, 25-я по счету, встреча писателей-фронтовиков состоялась в Центральном Доме литераторов. На перекличке находящегося «в запасе» писательского батальона раздавались голоса:

— Аркадий Гайдар...

— Пал смертью храбрых!

— Евгений Петров...

— Пал смертью храбрых!

Когда торжественный церемониал был закончен, Главный Маршал бронетанковых войск, Герой Советского Союза Павел Алексеевич Ротмистров сказал:

— Мы знаем, как бесстрашно на фронтах Отечественной войны сражалась советская литература! Примите, друзья-писатели, наше глубокое солдатское уважение!..

Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский прислал участникам встречи, литераторам-фронтовикам, сердечное приветствие.

Открывая встречу писателей и журналистов — ветеранов «Красной звезды», ее редактор в годы войны генерал-майор Давид Ортенберг говорил о высоком значении писательского слова в борьбе советского народа с ненавистным врагом.

...В 18 часов 50 минут вечера 9 мая в стране наступила минута молчания. Все умолкло — даже радиостанции страны прервали передачи. На экранах телевизоров трепетал Вечный огонь славы, пылающий у могилы Неизвестного солдата в Москве, у стены Кремля. Величавый звон колоколов плыл над прекрасной нашей землей. Страна воздавала почести тем, кто отдал свои жизни делу нашей Победы!

А в 9 часов вечера загремел праздничный салют. Небо Москвы охватило зарево огней, напоминая незабываемый салют 9 мая 1945 года.

ОТ ВЫБОРОВ ДО ВЫБОРОВ

Близится день выборов в Верховный Совет СССР. Четыре года, истекшие со времени прошлых выборов, отмечены замечательными успехами на всех участках коммунистического строительства. Обновляется карта страны, растут новые города, новые рабочие поселки...

ОБНОВЛЕННЫЙ КРАЙ

ОБЛИК Тюменской области меняется непрестанно и так резко, что за этими переменами трудно поспеть. Что просматривалось на карте Тюменской области всего лишь несколько лет назад? На многие сотни и тысячи километров — безжизненные, безлюдные просторы тайги и тундры, исчерченные проталинами болот да озер, изрезанные витыми линиями бесчисленных рек, к берегам которых прилепились небольшие села и деревни с непривычными названиями — Трамаган, Аган, Варьеган...

30 миллионов тонн нефти и свыше 9 миллиардов кубометров газа получит Родина в этом году от тюменских нефтяников и газовиков. А ведь всего шесть лет прошло с тех пор, как была добыта первая тонна тюменской нефти.

В конце нынешнего пятилетия Тюмень займет первое место среди нефтедобывающих районов страны. Поистине история не знает подобных темпов освоения нефтяных месторождений в столь трудных климатических и географических условиях.

Этими успехами мы обязаны героическому труду сотен тысяч геологов, нефтяников, газовиков, строителей, летчиков, судоводителей, проектантов и плановиков. В канун Ленинского юбилея за открытие и освоение нефтяных месторождений Родина отметила Ленинской премией еще 16 тюменцев. Все эти люди — подлинные хозяева своей земли. И предстоящие выборы в Верховный Совет для них — осуществление их хозяйских прав и обязанностей.

К избирательным урнам придут жители десятков новых поселков и городов. За последние годы население города Урая увеличилось в 19, а Нефтеюганска — в 28 раз. Построенный на таежном берегу поселок геологов Правдинск называют чудом. В нем есть все, чего требует современная цивилизация. — от благоустроенных квартир до хоккейных площадок и телевышек. Многоэтажные дома, отличные кинотеатры, школы, больницы, магазины строятся теперь в Сургуте, Нефтеюганске, Урае, Светлом. И хотя в организации труда и быта покорителей сибирской нефтяной целины остается много еще нерешенных вопросов, — очевиден крутой рост благосостояния и культуры тех, кто отмыкает подземные кладовые.

Не успели мы привыкнуть к названиям новорожденных городов, а в далеком Заполярье уже рождается новый город газовиков — Надым. У ворот Самотлора среди болот крепнет новый город нефтяников Нижневартовск.

Константин ЛАГУНОВ

МОЛОДОСТЬ ГОРОДОВ

СТРАНА — накануне выборов. Я побывал в Доме союзов, где, по традиции, размещается Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР, и беседовал с заместителем заведующего секретариатом А. А. Козловым. Он рассказал мне о вестях, которые стекаются сюда, действительно, со всех концов страны. Телеграф не знает сейчас более срочных телеграмм, чем выборные. С этой пометкой, опережая другие новости, идут сообщения о регистрации кандидатов в депутаты. На телеграммах — обратные адреса. Среди них — и названия новых и молодых городов, которые вырвались вперед, громко заявили о себе.

— Если рассматривать перечень избирательных округов, — говорит А. А. Козлов, — то перемен сразу не заметишь. Число округов осталось прежним, даже названия их в большинстве сохранились. Перемены — внутри каждого округа. Выросла доля входящих в них городов, увеличилось число горожан-избирателей, а следовательно, доля рабочих, интеллигенции.

За четырехлетие, прошедшее со дня последних выборов, карта страны покрылась новой россыпью городов. «Мы — городская держава» — вот вывод, к которому приходишь, изучая недавно опубликованные результаты переписи.

Недавно я побывал на Мангышлаке, в Шевченко. Этот город словно высечен на пустыни одним ударом. Не имеющий прошлого, с бурным настоящим, он весь устремлен в будущее. Людей, приезжающих сюда со всего Союза, формируют атмосфера трудовой романтики, комфорт современной архитектуры, силуэты атомной станции и опреснителя морской воды. Это город-десант, выброшенный цивилизацией в пустыню, и завоеванный плацдарм — в зелени, стекле и бетоне.

Темиртау за десять лет вырос вдвое. Я помню, как дымилась степь огромным, грохочущим котлованом, из которого вытягивалось тело Магнитки. Я приехал в Темиртау теперь; вокруг стальных и огнеупорных громад рассыпался белоснежный город, и первое, что бросилось в глаза,— множество детских колясок в его скверах и на улицах.

Тольятти, который десять лет назад был лишь небольшим поволжским поселением, сегодня насчитывает 251 тысячу жителей. Население за этот срок возросло в нем в три с половиной раза. Он стал сразу знаменит — уже многолюднее Симферополя, немногим уступает Ашхабаду и, молодой, растущий, оставил далеко позади старинные Владимир, Орел, Тамбов.

Рост городов — показатель прогресса. За этот прогресс, за экономический и культурный взлет избиратели отдадут свои голоса на выборах 14 июня.

А. ПРОХАНОВ

Новостройка в пустыне. Город Шевченко.
Фото И. БУДНЕВИЧА. (АПН)

Юбилейная выставка «Чехословакия—1970»

В Москве, на территории ВДНХ СССР, 11 мая состоялось торжественное открытие юбилейной выставки «Чехословакия—1970», посвященной 25-летию освобождения Чехословакии Советской Армией от фашистских захватчиков.

На открытии выставки присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

Вместе с советскими руководителями на трибуне — член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал, заместитель Председателя правительства ЧССР М. Рушкович, посол ЧССР в СССР В. Коуцкий, другие чехословацкие товарищи.

С речами выступили член Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал.

См. стр. 14

ПРАЗДНУЮТ ГОРОДА-ГЕРОИ

Одесса. Встреча ветеранов Великой Отечественной войны с комсомольским активом, на снимке: генерал-майор в отставке, Герой Советского Союза А. Ратов (второй слева) и генерал-майор в отставке Н. Галай (четвертый слева) с участниками встречи.

Волгоград. Защитники Сталинграда снова встретились на Мамаевом кургане. Справа налево — бывший радист Н. Корнюк, полный кавалер ордена Славы, бывший военный шофер Г. Кульков — наводчик ордена Красного Знамени, бывшая санинструктор Н. Жарких, награжденная орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», и бывший военный врач К. Жетеров.

В Бресте прошел митинг, посвященный 25-й годовщине Победы над фашистской Германией. На снимке: группа ветеранов Советской Армии и Войска Польского в Брестской крепости.

Фото В. ГЕРМАНА, И. ПАВЛЕНКО и Н. СУРОВЦЕВА (фотохроника ТАСС)

ПОДВИГУ НАРОДА ПОСВЯЩАЕТСЯ!

Беседа с секретарем правления СП СССР К. В. ВОРОНКОВЫМ

МАЙ 1970 года останется в народной памяти месяцем радостных торжеств по случаю исторической даты — 25-летия Победы Советского Союза над гитлеровской Германией.

Нынешний праздник Победы — важнейшее событие и в жизни советской литературы, которая, как это хорошо всем известно, в годы кровавых битв с фашизмом, как бывалый, закаленный солдат, сражалась в общем боевом строю за родную Советскую власть, за партию, за наше великое социалистическое Отечество.

— Подготовка к этому празднику,— сказал секретарь правления СП СССР К. Воронков корреспонденту «Литературной газеты», — в писательских организациях страны началась давно, год назад, а кое-где даже еще раньше. Естественно, это прежде всего нашло свое выражение в создании новых, достойных великой темы Победы произведений прозы, поэзии, драматургии. В минувшие годы наша литература обогатилась романами, повестями, поэмами, пьесами, рассказами о народном подвиге в годы войны с фашизмом.

В 1969 году секретариат правления СП СССР принял решение о подготовке к 25-летию Победы, и, надо сказать, оно успешно выполнено усилиями всего многотысячного отряда советских писателей. В этом активное участие приняли союзы писателей всех братских республик, комиссии по военно-художественной литературе, Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы и его местные органы, Центральный Дом литераторов в Москве и писательские клубы, наконец, все печатные органы Союза писателей. Особо необходимо отметить большую инициативу и энергию Комиссии по военно-художественной литературе Московской писательской организации и ЦДЛ, которые провели ряд волнующих литературных вечеров, посвященных памяти выдающихся советских полководцев, интересные встречи с военными разведчиками, фронтовыми корреспондентами и т. д.

Говоря о работе писательских организаций в связи с 25-летием Победы, К. Воронков отметил далее, что в 1969 и 1970 годах Союз писателей СССР совместно с Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота неоднократно направлял писательские бригады в части и соединения, где состоялись памятные встречи с советскими воинами.

— Размах этой работы, проводимой, в частности, Всесоюзным бюро пропаганды художественной литературы, в минувшие два года приобрел значительный масштаб и мы живо ощущаем плодотворность растущих контактов писателей с читателями. Многие писатели неоднократно выезжали в войска, читали солдатам и офицерам свои произведения, делились воспоминаниями о незабываемых годах Великой Отечественной войны. Встречи военных писателей с читателями в последние полтора-два года стали прекрасным свидетельством органической, кровной связи советской литературы с народом, с родной армией. Только Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы в преддверии 25-летия Победы провело сотни таких творческих встреч в гарнизонах и воинских частях, на предприятиях и в колхозах.

— Проводятся ли такие встречи в эти праздничные дни?

— Непременно! В связи с 25-летием Победы Союз писателей СССР командирует М. Алексеева в Волгоград, Г. Бакланова — в Обинск, С. Баруздина — в Одессу, С. Викулова — в Вологду, М. Дудина — в Севастополь, А. Коптяева — в Волгоград, С. Михалкова — в Минск, Г. Маркова — в Барнаул, Б. Полевого — в Калинин, А. Суркова, К. Симонова, А. Твардовского — в Ярославль, Л. Соболева — на Северный флот. Большая бригада московских писателей пять дней будет гостить в Ленинграде. В Москву из Ленинграда прибудет группа писателей—авторов журнала «Аврора». Группа ленинградских писателей, в своем большинстве — участники Отечественной войны, с 20 по 25 мая будет гостить в Петрозаводске. Бригада писателей Дагестана во главе с Расулом Гамзатовым едет в Волгоград. Бригада московских литераторов направляется в города Рязань и Куйбышев...

— Скоро в Москве открывается всесоюзное совещание, посвященное военно-патриотической теме в художественной литературе. Какие задачи стоят перед ним, как будет организована его работа?

— Это совещание состоится 19 и 20 мая. Ему предшествовали региональные совещания в Кишиневе и Вильнюсе.

Союз писателей СССР не впервые проводит такие региональные совещания, и, по-моему, они себя вполне оправдали. Литература наша огромна. Стоит бросить мысленный взор на литературную карту страны, и ее захватывающий масштаб поистине потрясает. Всем писателям часто собраться трудно, а вот группами, используя творческую и территориальную близость, — полезно.

На совещаниях в Кишиневе и Вильнюсе было справедливо отмечено, что военные писатели создали немало больших и ярких книг о великой преданности советского человека Родине, партии.

Всесоюзное совещание откроется вступительным словом Алексея Суркова и докладом Вадима Кожевникова. В обсуждении важных проблем военно-художественной литературы примут участие писатели всех братских республик. В этом большом творческом обсуждении животрепещущих проблем нашей военно-художественной литературы примут участие и представители Вооруженных Сил, пограничных войск, советской общественности.

Стоит хотя бы бегло оглянуться на минувшие четверть века, и каждому станет очевидным, какую ответственную, важную творческую работу ведут советские писатели, запечатлевшие Великую Отечественную войну в большой, талантливой библиотеке произведений. Эта достойная народного подвига литература нуждается в серьезном анализе и осмыслении.

— 25-летие нашей Великой Победы, — сказал в заключение К. Воронков, — советская литература отмечает с чувством глубокой любви к Родине, партии, народу.

КОНКУРСЫ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

■

В соответствии с постановлением коллегии Министерства культуры СССР, секретариата правления Союза композиторов СССР и секретариата правления Союза писателей СССР от 27 сентября 1968 года в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина был проведен Всесоюзный конкурс на лучшие песни и хоровые произведения, посвященные В. И. Ленину, Партии, Родине.

Жюри конкурса вынесло следующее решение:

I. Присудить ПЕРВЫЕ ПРЕМИИ в размере 550 рублей — композитору 2 200 рублей — поэту:

1. За песню «Песня обращается к тебе» — композитору Аедоницкому П. К. и поэту Шафердину И. Д.

2. За песню «Ленин в Шушенском» — композитору Мурадели В. И. и поэту Каменецкому Ю. С.

3. За песню «Ленина помнит земля» — композитору Лепиному А. Г. и поэту Ошанину Л. И.

4. За песню «Мы люди ленинского века» — композитору Тулинову С. С. и поэту Лазареву В. Я.

II. Присудить ВТОРЫЕ ПРЕМИИ в размере 400 рублей — композитору и 123 рублей — поэту:

1. За «Балладу о мужестве» — композитору Могилу Л. Н. и поэту Дубровину Б. С.

2. За песню «Праздничная» —композитору Милорава Ш. Е. и поэту Поцхишвили М. Ф.

3. За песню «Коммунисты, вперед!» — композитору Минкову М. А. и поэту Межирову А. П.

4. За песню «Голос Востока» — композитору Мухатову Вели (Велимухамеду) и поэту Атаджанову Ата.

5. За хор «Клятва» — композитору Флярковскому А. Г. и поэтам Гамзатову Р. Г. и Козлаковому Я. А. (автору русского текста хора).

6. За хор «Свободная встает Россия» (1-я часть кантаты «За Ленинизм») — композитору Флярковскому А. Г. и поэту Татаринову В. М.

7. За оду «Ничего нет священнее Родины» — композитору Шамо И. Н. и поэту Лазаревскому И. А.

III. Присудить ТРЕТЬИ ПРЕМИИ в размере 300 рублей — композитору и 100 рублей — поэту:

1. За хор «Родина» — композитору Агаронникову В. Г. и поэту Симонову К. М.

2. За хор «На площади латышских красных стрелков» — композитору Ермаку Р. Б. и поэту Петеру Янису.

3. За песню «Ленинский декрет» — композитору Кацу С. А. и поэту Гурьину В. С.

4. За «Горскую песню» — композитору Прицкеру Д. А. и поэтам Кулиеву И. Ш. и Дудину М. А. (автору русского текста песни).

5. За балладу «Солдаты, солдаты, солдаты» — композитору Прицкеру Д. А. и поэту Фролину И. Ф.

6. За песню «Всем, кто живет» — композитору Туманяну Е. А. и поэту Сарояну (Мееровичу) Я. И.

7. За песню «Парижская молодая» (Рассказ французского рабочего) — композитору Фельцману О. Б. и поэту Лазареву В. Я.

8. За хор «Бьют куранты» — композитору Эшпаю А. Я. и поэтессе Гриевзон Е. Ма.

IV. Считать целесообразным установить пять поощрительных премий, в том числе — три премии в размере 200 рублей каждая — композиторам и две премии в размере 80 рублей каждая — поэтам, и присудить их:

1. За хор «Русь» (1-я часть из цикла «Четыре стихотворения» на стихи пролетарских поэтов) — композитору Буцко Л. М. и поэту Семеновскому Д. Н. (посмертно).

2. За армейскую строевую песню «На страже дорогой страны» — композитору Ивлеву В. С. и поэтессе Натаевой Т. М.

3. За песню «Портрет» на марийский народный текст — композитору Эшпаю А. Я.

■

Подведены итоги первого этапа Всесоюзного двухгодичного конкурса на лучшее художественное произведение для детей. Он проводится комитетами по печати при Совете Министров СССР и РСФСР, союзами писателей СССР и Российской Федерации, Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота под девизом «Революционные, боевые и трудовые традиции советского народа».

Жюри рассмотрело 492 произведения и присудило первые премии Б. Васильеву (Москва) — за повесть «А зори здесь тихие...», М. Прилежаевой (Москва) — за повесть «Жизнь Ленина», Э. Радзуу (Рига) — за повесть «Огонь в затемненном городе».

Вторыми премиями отмечены П. Гельбак (Вильнюс) — за повесть «Если хочешь стать космонавтом...», В. Мамонец (Житомир) — за повесть «Мальчик и Жар-птица», Г. Гутин (Москва) — за повесть «И жизнью и смертью», С. Соловьева (Москва) — за очерки «Час ученичества», С. Сутоцкий (Москва) — за публицистические рассказы «Слово — полководец».

Третьих премий удостоены Х. Дзесов (Ордженикидзе) — за повесть «Памятник из песни и камня», Ю. Корнилов (Москва) — за «Позму о костре», А. Маркуша (Москва) — за повесть «На земле, в небесах и на море», В. Морозова (Москва) — за повесть «Дом на Монетной», В. Поторацкий (Москва) — за очерки «Гнездо Республиканского», Ж. Ямпольский (Краснодар) — за повесть «Дыхание пер с синими елками», К. Сая (Вильнюс) — за повесть-сказку «Гномы из контрабаса», И. Тельману (Киев) — за повесть «Генерал и поэт», Г. Жолкевер (Москва) — за повесть «Зимородок» — почетные дипломы.

А. ДЫМШИЦ, Е. САПРЫКИНА

НОВЫЕ ОБОБЩЕНИЯ ПО СТАРОЙ СХЕМЕ

ПО ПОВОДУ КНИГИ ВИТТОРИО СТРАДЫ «ТРАДИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

ЗАГЛАВИЕ новой книги Витторио Страды — «Традиция и революция в русской литературе» (Турин, Эйнаудн, 1969) — звучит весьма современно и многообещающе. Исследовать революционное начало в великой литературе, показать, как национальные особенности идейно-художественного сознания взаимодействуют с развивающимся революционным сознанием, — к этому стремятся ныне многие литературоведы. Это во многом вызвано важнейшими процессами, происходящими в наше время в исторической жизни народов.

Вот почему, когда В. Страда в предисловии к своему сборнику предупреждает, что он, не стремясь дать читателям полного представления о России и о русской литературе, постарается поделиться своими «раздумьями о реальных проблемах современности», это тоже звучит заманчиво.

Однако углубившись в чтение книги В. Страды, очень скоро начинаешь понимать, что добрые ожидания не оправдаются. И происходит это потому, что с первых же страниц становится ясно: автор пользуется той методологией, которая не способна привести к объективному освещению избранной им проблемы.

Проблема революционной традиции в русской литературе существенно извлекается В. Страдой. Делаются «выборки», довольно субъективистского характера. Даются отдельные замечания о творчестве Тургенева, Достоевского, Чехова, Горького и Маяковского, затрагиваются произведения Л. Толстого, А. Н. Толстого, Ю. Тынянова. В полном противоречии с мыслью русских революционных демократов, с общепризнанной ленинской концепцией трех этапов освободительного движения в России революционная традиция понимается отнюдь не как традиция революционной борьбы. По В. Страде получается, будто сущность завещанной русскими классиками революционной идейно-художественной традиции состоит в... последовательном преодолении национальной специфики и в тесном сближении их творчества с идеалами и представлениями европейского Запада.

У истоков изобретенной В. Страдой «традиции» поставлен Тургенев. Творца «Отцов и детей» итальянский критик пытается «торжально» противопоставить его современникам — представителям русской революционной демократии. Тургенев изображен у него прежде всего поклонником «шопенгауэровского метафизического одиночества и пессимизма». По В. Страде выходит, будто Тургенев, создавая образ Базарова, пошел навстречу последним новациям западного субъективного идеализма (и поэтому оказался «прогрессивным»), тогда как революционные демократы продолжали «коснеть» в национальной ограниченности, в исповедании уже отошедшей в прошлое гегелевской философской веры. Иначе говоря, В. Страда извращает представление как о Тургеневе, так и о Герцене, Чернышевском и Добролюбове, которых он изображает чуть ли не духовными консерваторами.

Аналогичную игру в контрасты, при которой в ложном свете предстают величайшие русские писатели XX века, предпринимает В. Страда относительно Горького и Маяковского. Маяковский изображается В. Страдой чуть ли не пропагандистом формализма. На другом полюсе оказывается Горький, рассматриваемый в качестве представителя национальной ограниченности и «провинциализма». Горький упрекается за то, что вел борьбу против формализма и, не признавая якобы «самокритики», будто бы утверждал в советской литературе «фальшивый культ оптимизма» и «напыщенный гуманизм».

Противопоставляя Горького Маяковскому, В. Страда проводит мысль, что последний якобы шел против «точки зрения государства» на будущее советской культуры, превратно истолковывая эту «точку зрения государства», как простую «каноонизацию» ценностей прошлого, извратив самую суть творчества Маяковского — поэта революции. В. Страда изображает дело таким образом, будто Маяковский был против интересов Советского государства, будто у поэта были с ним какие-то разногласия.

ПО СУТИ дела, о русской революции и о революционной традиции русской литературы В. Страда и не пишет. В самое понятие «революция» он не вкладывает никакого социально-исторического содержания. По его мнению, о развитии русской классической и советской литературы следует судить лишь по тому, насколько полно в них отражались «новации» философской и эстетической мысли Запада. Степень близости к западному искусству — таков, по В. Страде, показатель художественного прогресса в России.

Как видим, итальянский критик в полном соответствии со старинной реакционной традицией оперирует метафизическим противопоставлением социально опустошенных понятий: Россия и Запад. Своей проповедью единой западной культуры В. Страда сбывается на традиционный для реакционеров путь противопоставления просвещенного Запада «отсталой» России, перекликаясь при этом с рассуждениями ревизионистского толка о том, что Октябрьская революция не установила в России демократии, что победа социализма в «отсталой» России... вообще невозможна.

Взгляды В. Страды на искусство близки к распространенным в буржуазной среде суждениям об «автономности», якобы присущей искусству, суждениям, блистательно развенчанным В. И. Лениным в знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература». В. Страда пытается отставить тезис о принципиальной враждебности искусства всякой идеологии, всякой политике, какой бы класс ее ни осуществлял и в чьих бы интересах она ни проводилась.

Отношение В. Страды к ленинскому учению о партийности искусства имеет свою историю. Еще в 1964 году в книге о советской литературе этот критик пытался «ограничить» значение статьи «Партийная организация и партийная литература», утверждая, что она должна быть «прочитана» лишь ретроспективно, в рамках времени ее возникновения. В новой книге В. Страда, по сути дела, вновь «спорит» против принципа партийности, выступает за «автономию» искусства от партийного руководства. В строках его книги проглядывает раздражение: «...точка зрения государства в Советском Союзе тотально возобладала», социалистический реалиэм держится только на «ограничениях», «социалистический реализм—плод идеологии СССР».

Как это ни парадоксально, В. Страда пытается искать теоретическую опору у Маркса и Энгельса. Он цитирует «Манифест Коммунистической партии»: «...в условиях буржуазного господства национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература».

Эти слова толкуются чуть ли не как подтверждение того, что с преодолением классических, творческих завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Не желая, в частности, видеть принципиально новой основы советского искусства и его новаторских художественных достижений, В. Страда пытается усмотреть в социалистическом реализме проявление духовной «провинциальности» советских писателей. «...Социалистический реализм, — пишет он, — превратился в суровые ограничения, которые выдвигают советскую литературу из сложной мировой литературной жизни... и создали ряд псевдопроблем (например, проблему «модернизма»)». В. Страда убежден, что только так называемый «модернизм» и отказ от («народнического», по его мнению) представления о гражданской, общественной роли литературы могли бы составить залог «творческого» развития литературы в Советском Союзе.

В своем прокламировании вненациональной, внеклассовой, деидеологизированной культуры В. Страда ищет поддержки у... В. И. Ленина. С этой целью В. Страде пришлось, конечно же, существенно «подправить», «переосмыслить» ленинское наследие. Так, итальянский критик пытается создать впечатление, будто В. И. Ленин понимал культуру только как образование и просвещение, как трудовую дисциплину, грамотность, аккуратность в быту и т. п., а вопрос развития духовной культуры в своих трудах не касался. В. Страда старается, таким образом, убедить своих читателей, будто вопросы, связанные с творчеством, «автономны» и не зависят к компетенции партии. В. Страда пишет, что при жизни Ленина якобы процветали «плодотворный бесспордок» в художественной литературе, «свободное соревнование различных групп и направлений».

Трудно не вспомнить в этой связи известное свидетельство Клары Цеткин, всей своей сутью разбивающее в прах измышления В. Страды. «...Мы — коммунисты, — говорил Владимир Ильич Ленин, — Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь». Добавим, что Ленин говорил это именно в связи с проблемами создания новой духовной культуры.

В качестве венца своих «раздумий» В. Страда делает вывод, что Ленин якобы стоял за «естественный синтез буржуазной и социалистической культур, синтез, в котором последняя вбирала в себя первую и в то же время брала от нее начало». Этим признанием В. Страда обнаруживает себя в роли дюжинного представителя буржуазной «теории» конвергенции. Надо ли пояснять, что относительно современного положения дел в идейно-художественной борьбе В. Страда «рекомендует» в культуре социализма интегрировать не что иное, как «культуру» западного декаданса?

ВСЯ схема развития русской и советской культуры, составленная В. Страдой, грубо искажает творчество русского народа и народов Советского Союза. В. Страда тщетно пытается доказать, что в области строительства культуры Советская власть якобы потерпела неудачу.

Самые «раздумья» В. Страды о современности и действительности неоригинальны. Неоригинальны его левацкие фразы, неоригинальны и его приемы. Неоригинальна и его претензия выступать в качестве знатока и интерпретатора истории русской и советской культуры.

История много раз демонстрировала, как прогнозы относительно неудач советского культурного строительства усиленно развевала сама жизнь.

Этого нельзя не напомнить в интересах истины.

РЕПОРТАЖ «ЛГ»

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ — ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

ЕЩЕ несколько дней назад эти залы были полны народа, а сейчас в павильоне уже стоят огромные дизельные грузовики «Интертранса» и «ЗИЛы» - международники — разбирается экспозиция. Международная выставка книг, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, закрылась, и теперь экспонаты (около 20 тысяч!) отправляются в те страны и края, откуда они прибыли.

Директору Международной книжной Тимофею Барашкову довелось быть здесь все дни, начиная с первого, когда на бумаге еще только рисовались контуры будущей экспозиции, и кончая сегодняшним, когда автокараваны собрались в далекий путь.

Экспозицию Грузия украшала деревянная стела-столб «деда-бодзи». «Деда-бодзи» стоят в каждом грузинском доме. Это символ прочности, это своеобразный календарь, в котором все праздники отмечаются зарубками. Вот Грузия и сделала почетную зарубку на «деда-бодзи» — отметила день рождения Ильича. И теперь увозит «горную матицу» на хранение к себе. Кстати, увозят грузинские книжники не только экспонаты. Книга «Грузинские рукописи» (издательство «Литература да хеловнеба») получила премию имени первопечатника Ивана Федорова. В ней — копии тысячелетних миниатюр, редкостных, бесценных. Да и сама книга — произведение искусства. Не думаю, что можно найти другую такую — в выходных данных стоит не только имена составителя, художника, редактора; здесь имена ремесленников, переплетчиков, наборщиков...

Больше всего хлопот у директора украинской экспозиции Бориса Тихонова. У него самые разные экспонаты: и огромные, в два человеческих роста, декоративные панно, и микроскопически маленькие книги.

Крошечный «Кобзарь» трудно разглядеть невооруженным глазом. Это книга-крупинка. Автор самого маленького в мире «издания» — киевлянин Николай Сядристый. В «Кобзаре» — 12 страниц, перевораченаются они с помощью волоска; буквы — толщиной в десятые доли миллиметра. В книжке — пять стихотворений Тараса Шевченко, портрет поэта, предисловие Ивана Франко. Этот экспонат поедет домой в бумажнике...

А теперь немного статистики. Международная выставка книг, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, действовала 21 день. За это время на ней побывало более 400 тысяч посетителей из разных уголков земли. 66 книг, из 305 представленных на конкурс, были объявлены лучшими. Из них дипломов высшей степени удостоены 6. Это книги, выпущенные в Венгрии, ГДР, Польше, СССР, Чехословакии.

Все ли экспонаты уезжают домой? Нет...

— Многие издательства — участники выставки передали свои книги в Музей Ленина, — рассказывает Тимофей Барашков. — И в этом году москвичи и гости столицы, не сумевшие побывать на выставке, смогут вновь увидеть ее... Музей Ленина составит экспозицию из подаренных книг.

В. ПОВОЛЯЕВ

АНКЕТА «ЛГ»

ДВА ВОПРОСА ПИСАТЕЛЯМ

1. Расскажите о судьбе героев ваших книг.

2. Волнует ли вас и сегодня военная тема?

25 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Николай АЛЕКСЕЕВ,

генерал-майор в отставке

1. События военных лет не единожды убеждали меня в том, что из любого положения, даже самого критического, можно найти выход, если тебе не изменят чувство самообладания, хладнокровие и трезвый расчет. В трудные дни испытаний, когда врагу удалось на Вяземском направлении окружить несколько наших дивизий, я познакомился с многими офицерами, рядовыми солдатами, показавшими исключительную силу воли, выдержку, стойкость. В числе их был и офицер разведотдела армии Семен Сергеевич Фещенко. Когда я писал свой роман «Испытание», мне захотелось рассказать об этом мужественном человеке. В послевоенное время Семен Сергеевич долго служил в армии, а в 1966 году в звании полковника ушел в запас. С ним я часто переписываюсь.

Герои моих произведений во многих случаях выступают под своими собственными именами. Например, в повести «Освобождение» — это член Военного Совета Василий Емельянович Макаров, начальник оперативного управления фронта Петр Иванович Иготкин, начальник штаба Александр Петрович Покровский и другие ближайшие сподвижники выдающегося полководца И. Д. Черняховского.

2. Сейчас я работаю над новым романом, который пока условно назван «По зову сердца». Это будет продолжение романа «Испытание». В нем читатель встретится со многими старыми знакомыми, в том числе и с главным героем — генералом Яковом Железновым.

Сдана в издательство еще одна крупная работа, написанная в соавторстве с маршалом Николаем Ивановичем Крыловым и полковником Иваном Григорьевичем Драганом. Это военно-исторический очерк о славных боевых подвигах солдат, офицеров и генералов 5-й армии, которые от Москвы дошли до Кенигсберга и закончили войну на Дальнем Востоке.

МИНСК

Юрий ЗБАНАЦКИЙ,

Герой Советского Союза

1. Почти все мои произведения — особенно на военную тему — в какой-то мере автобиографичны, и почти за каждым литературным персонажем стоит тот или иной знакомый мне по войне человек. Многие из тех, кто воевал рядом, стали прототипами литературных героев, с некоторыми из них я встречаюсь довольно часто и в наши дни. Например, с Василием Егоровичем Степным сталкиваюсь чуть ли не ежедневно, поскольку работаем мы с ним в одном здании, даже на одном этаже, только к нам, в правление Союза писателей Украины, нужно сворачивать в одну сторону, а к ним, в Бюро пропаганды художественной литературы, — в другую. А познакомились мы с ним в черниговской тюрьме — было это в годы подполья на оккупированной гитлеровцами Черниговщине, когда его после нескольких месяцев содержания в «одиночке» перевели в нашу камеру. Позже нас бросили в Яцевский концентрационный лагерь. Мне удалось оттуда бежать, и вскоре я уже командовал партизанским отрядом имени Щорса. Василий Егорович был в лагере одним из руководителей подпольной организации и в феврале 1943 года возглавил восстание заключенных. После побега он добрался до линии фронта где-то в Курской области, перешел ее и начал обратный путь уже в рядах Советской Армии. В звании майора командовал батальоном и полком, отмечен многими боевыми наградами, в том числе двумя орденами Красного Знамени, Суворова третьей степени, Александра Невского, Отечественной войны и другими. На днях в Союзе писателей Украины ему была вручена двенадцатая награда — медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Из бывших партизан, ставших героями моих повестей и рассказов, прежде всего хочу назвать братьев Науменко — они по-прежнему живут в том селе, где в свое время гремела их партизанская слава, — в Высшей Дубечне на Черниговщине; Диму из рассказа «Анка» — Дмитрия Павловича Шаворского: он руководит строительством железнодорожных линий местного значения в Винницкой области; комиссара из рассказа «Лесная красавица» — Василия Филипповича Мольченко, кандидата исторических наук, доцента Киевского государственного университета...

У каждого своя судьба и одновременно у всех одна — кончили воевать, строят мирную жизнь. Из хорошего солдата всегда выходит хороший труженик...

2. Военная тема, конечно, волнует и сегодня. Волнует потому, что не все еще сказано о той войне, и потому, что живем в такое время, когда об этом нельзя забывать.

Сейчас работаю над документальной повестью под названием «Мы не из легенды» — о моих боевых друзьях-партизанах соединения имени Щорса, о высоком моральном духе, о самопожертвовании и истоках героизма, о беззаветной любви советских людей к своей Отчизне.

КИЕВ

Арвид ГРИГУЛИС

1. Многим в своей писательской и военной судьбе я обязан одному человеку. Альберт Христианович Приверт был комиссаром нашего полка Латышской стрелковой дивизии. Как потом мы узнали, он был комиссаром полка и в гражданскую войну, в 1918 году охранял Советское правительство в Кремле. Мужество, воля, забота о бойцах и другие его человеческие качества нашли свое отражение и в рассказах из книги «Сквозь огонь и воду», и в пьесе «Свою пулю не слышишь». Часто герои моих произведений обладают теми или иными чертами характера капитана Приверта.

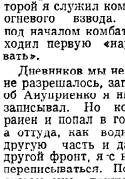
Не могу не вспомнить об одном случае, который едва не оказался роковым для нас обоих. Я как автоматчик сопровождал Приверта из штаба полка в роту. День стоял прозрачный и влажный. Шла вторая военная весна. Мы встретили ее у Ильменя, в болотистой местности, с кустарниками и канавами, которые, впрочем, были неплохо пристреляны немцами. Поблизости то и дело шлепались мины. И вдруг мина упала прямо перед нами. Смерть зашипела в снегу.

Но самым удивительным было то, что мина не разорвалась. — Еще одна не сработала... — произнес Приверт. — Что-то у немцев часто стали появляться невзрывающиеся мины...

Когда мину разобрали, все стало ясным. На месте взрывателя нашли маленький медальон, где было написано несколько слов по-болгарски...

2. В 1941 году меня зачислили в роту связи, и всю войну я провоевал в звании рядового. Тема войны зримо и незримо всегда со мной и, очевидно, не покинет меня. В издательстве «Советский писатель» вышла книга «Осенний дождь», в которой немало стихов, написанных когда-то на передовой, и стихи — воспоминания о войне. Фронтовые костры забыть невозможно. По крайней мере отблеск этого пламени будет и на новом моем сборнике.

РИГА



Анатолий АНАНЬЕВ

1. В моей повести «Малый заслон», где идет речь о прорыве немецкой обороны на шоссе Мозырь — Калинковичи в январе 1944 года, действует командир батареи капитан Ануприенко. Капитан Ануприенко и вправду командовал третьей батареей 1184-го Краснознаменного Сталинградско-Речицкого истребительно-противотанкового артиллерийского полка, в которой я служил командиром огневого взвода. Именно под началом комбата я проходил первую «науку воевать».

Дневников мы не вели — не разрешалось, записывать об Ануприенко я ничего не записывал. Но когда был ранен и попал в госпиталь, а оттуда, как водится, — в другую часть и даже на другой фронт, я с ним стал переписываться. Последнее письмо мне пришло не от него, а от начштаба полка. В письме этом рассказывалось, как погиб капитан Ануприенко на улицах Берлина. Он вывел свою батарею на прямую наводку, и, когда был убит один из наводчиков, комбат сам встал к орудийной панораме. Это случилось 1 мая 1945-го...

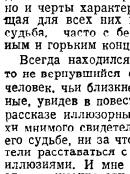
Много лет спустя, когда я взялся за эту повесть, то сделал героем своего первого боевого учителя. И не стал менять его фамилию. Эпизоды, связанные с ним, описаны почти так, как было на деле.

Образ командира полка из романа «Танки идут ромбом» подполковника Таболы сложился, если так можно сказать, из двух живых прототипов — тогдашнего командира нашего артполка подполковника Эристова, умного, высокопрофессионального офицера, и директора одного из целинных совхозов Кустанайской области, с которым судьба свела меня через подтора десятилетия после войны.

2. С военной темой не порываю. Я считаю, что не только писатели моего поколения, но и молодые литераторы, и те, которые придут после них, будут писать и писать войну. Этот величайший подвиг нашего народа, спасшего свое Отечество и весь мир от фашизма. Лев Толстой создал свою бессмертную эпопею спустя более чем полвека после Отечественной войны 1812 года...

Сейчас на моем столе — главы нового романа «Тельтов-канал», над которым продолжаю работать.

МОСКВА



Василь БЫКОВ

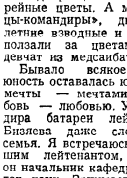
1. В моей литературной практике, пожалуй, с самого начала повелось так, что после каждой публикации на военную тему у меня начиналась переписка с читателями. Рожденные авторским воображением, наделенные случайными именами, образы фронтовиков, как ни странно, немедленно оживали в чьих-то глазах. И нередко при этом совпадали не только фамилии, но и черты характера и общая для всех них военная судьба, часто с безнадежным и горьким концом.

Всегда находился какой-то не вернувшийся с войны человек, чьи близкие и родные, увидев в повести или рассказе иллюзорные крохи мнимого свидетельства о его судьбе, ни за что не хотели расставаться с этими иллюзиями. И мне думается, что именно эти погибшие на войне солдаты и есть прототипы наших военных произведений. Живущие в нашем сознании, они воскрешаются книгами, становятся героями литературы и узнаются читателями.

Несколько слов о тех, с кем проходили мои военные будни. Назову в первую очередь командира орудия старшину Лукьяненко, многие черты которого послужили основой характера старшего сержанта Желтых из «Третьей ракеты». Лукьяненко доблестно отвоевал все четыре года войны и, демобилизовавшись, уехал к себе на Кубань, в колхоз. Прообразом своевольного Лешки Задорожного стал солдат из 924-го СП, жизнь которого трагически оборвалась в одном из боев... Многие черты Кривенки списаны с младшего сержанта Пронина из того же полка. У озера Балатон во время немецкого прорыва мы оба почти в одночасье были ранены выстрелами из «тигра»: я — осколком в руку, а он — пулей в плечо. Потом вместе лечились в госпитале...

2. Исполнилось четверть века со дня нашей Победы, но тема войны не перестает привлекать меня своей неостижимой глубиной. Писать о войне становится все труднее, и дело не только в этой пугающей глубине — от произведения к произведению все больше осознаешь свою все возрастающую ответственность перед живыми и мертвыми.

ГРОДНО



Вадим ИНФАНТЬЕВ

1. ...Я перелистываю свои книжки и еще раз убеждаюсь: в основу каждого, самого маленького рассказа положен действительный факт или событие...

Весной 1942 года на южных склонах Пулковских высот, где на нейтральной полосе даже следов не осталось от бывшей оранжереи, вдруг назло войне и блокаде расцвели оранжерейные цветы. А мы, «отцы-командиры», двадцатилетние взводные и ротные, ползали за цветами для девчат из медсанбата.

Бывало всякое... Но юность оставалась юностью, мечты — мечтами и любовь — любовью. У командира батареи лейтенанта Бялова даже сложилась семья. Я встречаюсь с бывшим лейтенантом, теперь он начальник кафедры, доктор наук. Занимается наукой и Герой Советского Союза Владимир Егоров, который в девятнадцать лет командовал полком. Нянчит внука бывшая разведчица этого полка Тамара Квятковская. Валентина Чудакова, в восемнадцать лет командовавшая пулеметной ротой, нынче — ленинградская писательница, автор книги «Чижик — птичка с характером».

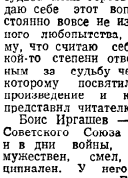
Хочется перечислять и перечислять имена своих друзей, героев написанных и еще не написанных книг.

2. В памяти моих первых 25 лет жизни много военных событий: конфликт на КВЖД, ликвидация басмачества, Хасан, Халхин-Гол, финская и Великая Отечественная... А ныне отцами становятся мои соответственники, родившиеся уже под мирным небом. Кажется, это самый длинный мирный промежуток в истории отечества нашего за все время его существования.

Но во Вьетнаме уже более четверти века не знают, что такое мирные дни. Очаги войны вспыхивают то в одной, то в другой точке планеты.

Долг каждого гражданина не забывать об этом, а советского писателя — тем более. Просто невозможно не писать о людях, уже повоевавших, и о тех, кто решил посвятить всю жизнь защите нашей Родины. Своим творчеством мы обязаны всегда быть рядом с ними...

ЛЕНИНГРАД



Назир САФАРОВ

1. Деятельность военного корреспондента выработала во мне дотошность в установлении факта; все мои блокноты заполнены фамилиями, датами, географическими наименованиями, подробными описаниями боев. Биографии людей писала сама война, надо было только фиксировать их, осмысливать.

Какова послевоенная судьба моих героев? Я задаю себе этот вопрос постоянно вовсе не из праздного любопытства, а потому, что считаю себя в какой-то степени ответственным за судьбу человека, которому посвятил свое произведение и которого представил читателю.

Бойс Иргашев — Герой Советского Союза — как и в дни войны, собран, мужествен, смел, принципиален. У него великолепная семья. Его дети унаследовали лучшие черты его характера.

Завидна и судьба Афанасия Шилина — командира взвода. Он ныне генерал-майор дважды Герой Советского Союза.

К любимому делу вернулся после войны Герой Советского Союза Комал Джамалов. Понимание долга для этого человека всегда выражалось в конкретных делах. Когда-то на переправе через Днепр он один (остальные погибли) под обстрелом немецких орудий вывел плот к берегу и тем обеспечил связь с нашим десантом. В своем колхозе Комал Джамалов так же упорно и самоотверженно борется за подъем хозяйства в трудных условиях полупустыни.

В одном кишлаке работают три фронтовика, достойные того, чтобы о них рассказать читателю, — председатель колхоза Джанынкул Юсупов, бригадир Хамрай Иргашев, тракторист Курбан Арзыкулов. Написал я пока только о Хамрае Иргашеве. Получилось так, что посчитал его пропавшим без вести. Так в моем рассказе и было сказано. И вдруг ко мне приходит живой герой, говорит: мой комсомольский билет, обожженный снарядом, действительно находится в Минске в музее...

2. Мне кажется, что героем новой повести о фронтовике будет Хамрай Иргашев. Во всяком случае мне хочется, чтобы им был этот оживший боец, этот бригадир из самаркандского колхоза.

ТАШКЕНТ

НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

В ПРЕДДВЕРИИ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ, РАБОТАЮЩИХ НАД ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМОЙ, ПРОШЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОВЕЩАНИЯ В ВИЛЬНЮСЕ И КИШИНЕВЕ.

ВИЛЬНЮС

СОВЕЩАНИЕ, посвященное военно-патриотической теме в художественной литературе Советской Прибалтики, открыл Эдуардас Межелайтис.

Военно-патриотическая литература — это не только произведения о «человеке с ружьем». Рамки этой литературы значительно шире. Она вобрала в себя все многообразие книг, раскрывающих истоки народного подвига в гражданской и Великой Отечественной войнах, все многообразие стихов, поэм, рассказов, повестей, романов, пьес, воспитывающих у людей готовность к подвигу. Эти книги — всегда на действительной службе! Об этом говорили в своих выступлениях на совещании секретарь правления Союза писателей Литвы В. Петкявичюс, латышский прозаик В. Кайяк, эстонский критик И. Фельдбах, военный комиссар Литовской ССР генерал-майор П. Петронис, писатели москвич И. Прут, ленинградец А. Розен и многие другие.

Присутствовавших взволновал рассказ народного писателя Эстонии Ааду Хинта о книгах-бойцах, созданных писателями-антифашистами в предвоенные годы.

Такие книги составляют гордость литовской литературы. Впервые тема ратного подвига зазвучала в ней под разрывами фашистских бомб. С. Нерис и П. Цвирка, Л. Гира и И. Марцинкявичюс, А. Венцлова и К. Корсакас, Э. Межелайтис и В. Реймерис, Ю. Балтушис и К. Марукас — один достигшие зрелости, другие только начинавшие свой творческий путь — призывали народ к борьбе, вселяли в сердца людей уверенность в грядущей победе. Как эстафету переняли у них тему ратного подвига писатели среднего и младшего поколений.

Стремление в эпических полотнах широко отобразить картины великих событий с особой силой проявилось в поэме Ю. Марцинкявичюса «Кровь и пепел», в книге воспоминаний А. Венцловы «Буря в полдень», в новом романе нашего замечательного прозаика И. Авижюса «Нашествие» (название условное), в романе К. Марукаса «Для кого взойдет солнце», в лучших книгах К. Боробьева и П. Гельбака.

В жизнь послевоенного поколения на правах друга и советчика вошел «Человек» Э. Межелайтиса, сменивший солдатскую шинель на рабочую спецовку, коммунист, активный строитель нового мира. Мне думается, что именно он привел с собой в литературу героев проникновенных романов М. Слуцкиса, А. Беляускаса. Герои эти предстают перед читателем наследниками идей и лет большевиков ленинской гвардии, воспетых народным писателем Литвы А. Гудайтисом-Гузявичюсом в многоплановых историко-революционных книгах. Такова преемственность традиций, неразрывная связь поколений.

Совещание помогло нам с большей ясностью увидеть и нерешенные проблемы в разработке военно-патриотической темы. В литовской литературе не создано еще крупного художественного произведения о партизанской борьбе в тылу захватчиков. В книгах мы пока еще не видим яркого, полнокровного образа рабочего, ведущего самоотверженную борьбу против оккупантов. Недостает произведений, обращенных к юношеству. И уж совсем мало написано о сегодняшней армии.

Мы считаем вполне назревшим вопрос о создании студии военных писателей, которая сможет работать на тех же принципах, что и Студия военных художников имени Грекова. Ее опыт убедительно показал плодотворность такой формы организации творческого труда.

Дискуссия, развернувшаяся на совещании, показала, что военно-патриотическая тема все шире разрабатывается в документальной прозе, и поэтому справедливым упреком прозвучали замечания генералов И. Мацияускаса и И. Жибуркуса в адрес республиканского Союза писателей, который недостаточно внимания уделяет этому жанру. В республике издано около 70 названий книг документальной прозы, мемуаров, рассказывающих о борьбе партизан, подпольщиков, о героизме советских воинов. К сожалению, мы в Союзе писателей ни разу серьезно не обсудили наиболее значительные книги, не сосредоточили внимание литературной критики на их анализе, не приняли действенных мер к тому, чтобы по-деловому помочь авторам мемуаров подняться в своих произведениях до необходимого художественного уровня. Это важная проблема, и нам совместными усилиями предстоит ее решить.

Совещание в Вильнюсе еще раз показало, что у литераторов, пишущих на военно-патриотическую тему, — общие задачи, общие проблемы. Они обсуждаются на проходящих сейчас региональных совещаниях в других республиках, будут, несомненно, стоять в центре внимания Всесоюзного совещания по военно-художественной литературе.

И. КАШНИЦКИЙ,
председатель Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей Литовской ССР

КИШИНЕВ

В ДЕНЬ открытия в Кишиневе регионального совещания военных писателей одна западная радиостанция объяснила причину этого события тем, что якобы советские писатели отошли от военно-патриотической темы и что молодежь не читает этих книг. В действительности же дело обстоит как раз наоборот: в библиотеках, скажем, республики первое место по «читабельности» принадлежит книгам об Октябрьской революции, Великой Отечественной и гражданской войнах. И именно широкая популярность этих книг выявляет пристальное внимание к военно-патриотической теме писательской общественности.

Литераторы Москвы, Украины, Белоруссии и Молдавии собрались в Кишиневе в канун 25-летия Победы над фашистской Германией, чтобы подвести итог работы за четверть века, обменяться опытом. Речь на совещании шла о разнообразии форм, об углублении содержания литературы о войне, о необходимости всесторонне осмысливать доблесть старших поколений.

Докладчик — заместитель председателя Комиссии по военно-художественной литературе при правлении Союза писателей СССР Матвей Крючкин и содокладчики Юрий Збанацкий (Украина), Павел Ковалев (Белоруссия) и Симион Чиботару (Молдавия) отметили, что все изданные книги объединены стремлением авторов не только правдиво отобразить массовый героизм советского народа в годы войны, но и показать истоки этого героизма, осмыслить великую силу советского патриотизма, дружбы советских народов.

Но не всегда, отмечали участники совещания, добрые намерения авторов находят полное, достойное воплощение. М. Крючкин обратил внимание на то, что в некоторых произведениях об Отечественной войне допускаются нарушения принципа историзма. Иногда людям периода войны приписываются размышления и суждения, характерные для другого, более позднего периода. Оратор напомнил, что одна из важнейших особенностей художественного творчества заключается в правдивом показе влияния конкретной исторической обстановки на формирование человеческой личности и что нарушение в художественном произведении этого принципа обедняет конкретное звучание произведения, подрывает доверие читателя к нему.

Украинский литературовед Дмитрий Шлапак говорил о мемуарной литературе:

— Тема войны, воинского долга и подвига неисчерпаема, она требует не бесстрастного, протокольного описания событий, как это еще нередко встречается в мемуарах, а философского осмысления подвига советского воина.

— Молодые солдаты, — сказал политработник Краснознаменного Одесского военного округа Н. Панферов, — с большим интересом читают книги, посвященные и гражданской войне, и Великой Отечественной. Но вместе с тем они ищут в художественных произведениях героев, действующих в близкой им обстановке. Сегодняшнему солдату нужны новые, современные ему литературные герои.

Белорусский писатель Алесь Кучар подчеркнул, что литераторы, пишущие на военные темы, должны учитывать, что их читатели — по-настоящему образованные, всесторонне развитые молодые люди.

Участники совещания отметили, что писательским организациям, политработникам и издательствам необходимо больше помогать молодым военным авторам, чаще проводить встречи писателей с воинами Советской Армии.

В. КЛОБУЦКИЙ,
соб. корр. «ЛГ»

Дружба

Московский книжный магазин

«ДРУЖБА»

имеет в продаже и высылает наложенным платежом (без задатка) фотоальбом, изданный в ГДР на русском языке

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА. Ц. 2 р. 50 к.

Альбом посвящен 25-летию победы над фашистской Германией всех свободолюбивых народов.

Свыше 300 фотографий рассказывают о восьми европейских столицах (Москве, Варшаве, Бухаресте, Софии, Белграде, Будапеште, Праге, Берлине).

Адрес магазина: Москва ГСП-3, ул. Горького, д. 18.

ЧЕЛОВЕК, АРМИЯ, ЛИТЕРАТУРА

■ ОБОЗРЕНИЕ — НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРОЗАИКОВ ЭСТОНИИ, БЕЛОРУССИИ, МОЛДАВИИ ■ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЛАТЫШСКОГО ПОЭТА ■ ДВЕ СТРАНИЦЫ НА МАШИНКЕ

МАЛЬЧИШКИ С КРАСНОЙ ПРЕСНИ

■ Василий Чичков. «Трое спешат на войну». Повесть. Издательство «Детская литература». М. 1969.

Трое ребят спешат на войну...

Обычно ребячьи замыслы разгадывали еще дома, бегледов ловили на вокзалах и в поездах или возвращали из военкоматов, уличив в подделке года рождения... Этих трех не поймали и не изничили. Двое мальчишек с Красной Пресни, вчерашние девятиклассники, да Нина из Харькова, сбежавшая от «злой тетки», стали солдатами.

Когда-то Аркадий Гайдар так пояснил свое желание написать для ребят о гражданской войне: «Вероятно, потому, что в армии я был еще мальчишкой, я захотелось рассказать новым мальчишкам и девчонкам, какая она была, жизнь, как оно начиналось да как продолжалось, потому что поиздать я успел все же немало». Кажется, что и автор книжки, о которой идет речь, писатель Василий Чичков, человек из поколения, которое было первыми читателями книг Гайдара, — думается, что и он взялся за повесть о минувшей войне прежде всего затем, чтобы передать романтику борьбы и подвига во имя Родины, безоглядной преданности ей, ненависти к ее врагам.

В. Чичков не пугает своего читателя кровавыми картинами войны. Ее бесчеловечность перед повести Николай Денисов обнаруживает в том, что голодает в Москве мама с братишкой Ганькой, что где-то далеко в Сибири, разлученные со своими родителями, живут ребята из его класса, что умирает от немецкой пули в стране воронежским парня Вовка Берзалин, бывший девятиклассник, бывший старшина, а теперь начальник разведки дивизиона, семнадцатилетний лейтенант...

Вместе с героями книги Николаем, Вовой и Ниной перешагнет читатель грань возмужания, которая придет на смену детскому представлению о войне и о человеке на войне.

Добрая книга, и все-таки по ее прочтении шевельнутся в душе некоторое сожаление, легкая досада. Создавая образы своих героев, писатель использует такой прием: ведет повествование от лица Николая Денисова, а главным героем событий ведет стремится выяснить Владимира Берзалина. И вот, противопоставляя характеры двух товарищей, их разное восприятие жизненных явлений и отношение к ним, желая тем самым особенно оттенить чистосердечие, душевную широту Берзалина, тонкость его натуры, автор нерасчетливо увлекается и невольно принижает образ Денисова, обнаруживая в его взгляд вызрастительностью содержащейся в рисунке мысли: вовка протянна человеческому существу, и для того, чтобы уничтожить зачинщиков, спешит вместе со взрослыми на фронт и несовершеннолетние солдаты.

Н. ПОДЗОРОВА

В ТУ ДАЛЕКУЮ И БЛИЗКУЮ ВЕСНУ

■ Георгий Холопов. «Венгерская повесть». Журнал «Звезда», № 4, 1970.

Прежнятов всегда остается с нами — время отсекает лишь второстепенное, главное же с годами видится еще острее. И в какой-то момент возникает как бы второе зрение, углубленное душевным опытом прожитого. И тогда отдельные события сливаются в целостную картину. Такими предстают перед нами страницы «Венгерской повести» Георгия Холопова. Здесь, как и в прежних вещах писателя, повествование ведется от первого лица, фронтовика газетчика, волею судеб оказывающегося на переднем крае, там, где «жарко», в самой гуще событий. Ведь известно, военный корреспондент, на кого этого требуют обстоятельства, принимает бой и делит наравне с солдатами и командирами все тяготы военной жизни. Но он еще и корреспондент, он должен многое увидеть и потом рассказать об этом...

Вероятно, из тех старых фронтовых блокнотов и выросла эта повесть, так достоверно и зримо передающая читателю мой пыров нашей армии, освобождающей народы Европы от фашистского рабства. Фашисты, возможно, тогда, в дни освобождения Будапешта, кстати заняли в корреспондентский блокнот, хотя обрели внутреннюю связь, художественную необходимость. И эпизоды, рисующие взаимоотношения советских солдат и офицеров с венграми, и отношения и венгерских детям, и эпизоды наступления, картины военных дорог — все это разворачивается в живое, увлекательное повествование, которое дает яркое представление о тех героических днях.

Еще будут написаны книги о последнем победном годе войны, книги, всеобъемлюще раскрывающие величие подвига советского народа, но не из таких ли правдивых и точных художественных свидетельств очевидцев создается литература, которая неустанно, настойчиво, с полной самоотдачей ведет, выражаясь военным языком, глубокую разведку этой необъятной темы?

В повести Г. Холопова конкретно, зримо раскрываются гуманизм советского солдата, верность его душе, сознанию великой освободительной миссии, возложенной на него историей. С таким пониманием психологии людей, воспитанных на самой культуре, на высоком уровне гуманизма, увидены автором и написаны Шандор, Эржебет, старуха — венгерская семья, с которой сталкивает военного корреспондента судьба. Писатель показывает, какую помощь населению оказала Советская Армия, какую человечность проявили советские солдаты к детям, старикам, женщинам. Эскизно, словно перелистывая свой фронтовой блокнот, автор создает портреты множества людей, встреченных в дни наступления на военных дорогах, — солдат, офицеров, корреспондента, и перед нами возникает как бы обобщенный образ бесстрашного, благородного, душевного, щедрого воина-освободителя.

Небольшая эта вещь, пожалуй, и многим из читателей возможность прикоснуться к тому героическому времени, и тем незабываемым дням и ощутить свою живую сопричастность и нашей истории.

В. СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ О СОЛДАТАХ МИРА

■ Владимир Осинин. «Западное Берлина». Повесть. Издательство «Советский писатель». М. 1969.

Вот уже почти четверть века советские солдаты и офицеры, оберегая мир, несут службу в Германии. А много ли мы знаем об их житье-бытье, о том, как им там служится? Вот почему Владимира Осинина «Западное Берлина» рассказывает именно об этом.

Главный его герой — фронтовик-офицер Михаил Игнатов попадает в Германию в середине первого послевоенного десятилетия. Он сопоставляет свои впечатления с тем, что на всю жизнь записано в памяти военное лихолетье, пристально вглядывается в окружающее. Автор не «ублажает «острых углов», не обходит стороною трудности, которыми полна жизнь советских воинов за рубежом.

Автор как корреспондент военной газеты в Группе советских войск в Германии пять лет изо дня в день общался с нашими воинами. Приходилось встречаться и с некоторыми из бывших солдат и офицеров гитлеровской армии, с кем в годы войны ему, командиру танковой роты, доводилось иметь дело совсем в иной обстановке. Правдивость, достоверность повествования, острота восприятия всего того, с чем приходилось и сейчас еще нет-нет да приходится сталкиваться нашему человеку с ружьем» в непосредственной близости от ФРГ, где вынашиваются реваншистские планы, — вот что привлекает в этой повести.

В книге много точных зарисовок не только армейского быта, но и жизни новой, демократической Германии, острой борьбы во прогрессивных сил с чуждыми новой жизни элементами, которые в самые первые послевоенные годы порой еще давали о себе знать. Рассказывая об одной враждебной вылазке, В. Осинин рисует сложность обстановки, в какой оказываются в подобных случаях советские воины. Они не вправе подаваться обуревающим их чувствам, обязаны проявлять железную выдержку и самообладание.

В. Осинин убедительно показывает, как росли и крепли узы дружбы советских воинов с теми, кто начал строить новую жизнь на немецкой земле.

...Я давно слежу за творчеством Владимира Осинина — бывшего корреспондента военной газеты. Зрелый поэт, перу которого принадлежат двенадцать поэтических сборников, он в последние годы все увереннее выступает с прозой. Вслед за интересным, получившим у критики положительную оценку романом «Черное солнце» вышла теперь эта интересная повесть о советских людях, живущих вдали от Родины, но всеми своими помыслами и делами безраздельно связанных с нею.

С. САВЕЛЬЕВ

ВОЙНА БЫЛА ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

И. КОЗЛОВ

ВОЙНА против фашистского нашествия была для нашего народа Отечественной, священной. Она велась во имя великой и святой цели. А великая цель порождает и великое благородство — защита социалистического Отечества вызвала массовый героизм советского народа, мужеством и бесстрашием которого восхищен мир. Несмотря на все то страшное и жестокое, с чем нашим людям неизбежно приходилось встречаться в бою, война не превратила их, как это делает со своими солдатами всякая грабительская война (в наши дни, например, война империалистов США против народа Вьетнама), в убийц и человеконенавистников.

Зависимость нравственного формирования личности от идейной сущности справедливой войны отражена в нашей литературе достаточно принципально. Еще в 1943 году, обобщая опыт творчества писателей-фронтовиков, А. Фадеев отмечал:

«В этой войне миллионы советских людей раскрывают самые сильные, благородные, героические стороны своего характера, встают во весь свой человеческий исполинский рост — в боевых делах, в труде, в отношении к родине, к нации, в мышлении о мире, о человечестве, в чувствах своих к врагу, к товарищам по борьбе, к семье, к любимому человеку. Мне кажется, это и есть то главное, что может и должен увидеть и показать советский художник в современной войне».

В последнее время советская литература на военно-патриотическую тему пополнилась еще несколькими произведениями русских писателей, писателей Украины, Белоруссии, Эстонии и других республик. О некоторых из них и пойдет речь в статье — преимущественно в том ракурсе, о котором упомянуто выше: как формировался характер человека в условиях ратной действительности — Отечественной, народной войны.

НА КОМСОМОЛЬЦА Сооккаса — главного героя романа эстонского писателя Пауля Куусберга «В разгар лета» — война обрушилась внезапно и беспощадно. В драматических коллизиях, в атмосфере острых социальных противоречий закаляется и крепнет характер юноши. Сложный мир, в котором жил Сооккас до 22 июня 1941 года, с началом гитлеровского вторжения стал еще сложнее. Картина эстонской действительности первых недель войны нарисована автором правдиво, в резком столкновении противоборствующих сил. Это, с одной стороны, истинные сыны народа, такие, как коммунист Аксель Руутхольм, для которых будущее их маленькой страны — в братском союзе со всем советским народом: с другой, — притаившиеся националисты наподобие Ойдекопца, единокровные братья немецких фашистов, организаторы банд так называемых «лесных братьев».

Но есть в романе и персонажи, не несущие на себе печати столь разной классовой очерченности. Я имею в виду трагический образ инженера Эйдаса, человека, мечущегося между двумя социальными берегами, расчитывающего на особый — третий путь, которого еще никому и никогда не удавалось отыскать по той причине, что «третьего» в борьбе вообще не бывает.

Трудный, очень трудный путь предстояло пройти Сооккасу. Процесс ломки старого социального уклада и установления новых общественных порядков в Эстонии ставил перед каждым человеком задачу — определить свое гражданское место в развернувшейся борьбе, найти точные идейные ориентиры. В самом начале этого пути юношам бывает излишне доверчив, там, где обстоятельства требуют высокой бдительности; порой представляет врага лучше, чем он есть на самом деле. Но жизнь учит. И учит сурово...

Весьма существенным является и то, что у Сооккаса оказываются хорошие учителя. В первую очередь это Аксель Руутхольм — бывший цензор-подпольщик в буржуазной Эстонии, директор предприятия после восстановления там Советской власти, политрук роты истребительного батальона с начала войны. Руутхольм — бесспорная удача автора. С раскрытием этого образа больше всего связано авторских мыслей о судьбах народа, о том, что несли эстонскому народу пришедшие немецкие фашисты, почему войну Советского Союза надо считать справедливой...

В моем столь кратком изложении авторская концепция положительного характера неизбежно эксматизируется. Куусберг порой отнюдь не собивается на схему, он предстает в романе исследователем жизни в ее сложнейших проявлениях, знатоком человеческой души.

В поле его зрения, например, попадает проблема, которая связана с понижением сущности гуманизма, — проблема, возведенная автором в философскую степень. Человечно или бесчеловечно убивать на войне? Следует отметить, что советское искусство никогда не избегало этого нелегкого вопроса, отвергая пацифистский подход к нему. «Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше», — писал в частности, М. Шолохов в послании американским друзьям в 1943 году. П. Куусберг идет в фарватере этой мысли, связывая ее интерпретацию с формированием нравственности своего главного героя. Мир мыслей и чувств Сооккаса прослежен психологически точно. Лишенный статичности, он позволяет читателю познать в движении духовную жизнь юноши, перед которым война обнажила суровые стороны бытия и потребовала принципиального отношения к ним.

Не станем, однако, вникать эту чистую душу, как не винит ее и писатель, за то, что она не смогла сразу принять на себя бремя обязанности солдата на войне. Такова эта душа, совершающая нелегкий путь от мальчишеской нежности к военной суровости. Но и став суровой, она не перестала быть гуманной. «Нет, нет, нет! — восклицает Сооккас в одной из заключительных глав. — Мы не смеем привыкать к смерти, ведь мы защищаем жизнь... Мы обязаны убивать, иначе нельзя, но души наши не должны очерстветь из-за этой ужасной неизбежности».

Этот высокий синтез — победа писателя. И одержана она благодаря тому, что авторские суждения о гуманизме, как и сам процесс формирования характера героя, поставлены в причинную связь с сущностью Великой Отечественной войны — справедливой, освободительной.

Не вдаваясь в полный анализ романа в разгар лета», не могу, однако, не сказать еще об одной особенности этого произведения — о его публицистичности. Кстати, Ю. Смуул в небольшой заметке, предваряющей публикацию романа в журнале «Дружба народов», высказал мнение, что «Куусберг порой сильнее как публицист и мыслитель, нежели как беллетрист». Определение «порой» — весьма эластично, против него, по сути, трудно возразить, и потому я хотел бы лишь точнее установить характер публицистичности романа.

Действительно, публицистическое начало в произведении присутствует весьма и весьма ощутимо. Но присутствует не в виде отдельного пласта, самостоятельного элемента, а как начало, органически пронизывающее собой всю художественную ткань. Тем самым оно тонирует роман, увеличивает объем и силу заключенной в нем мысли художника. Именно художника. В этом, на мой взгляд, проявляется особого рода публицистика романа «В разгар лета» — полемично-то, исследовательского.

ПОМНЮ, однажды замечательный снайпер 11-й гвардейской армии, в которой я пробыл большую половину войны, белорус Макаревич в минуты мечтаний поделился со мной: «Если не убьют меня фашисты, то до конца дней своих мне уже ничего не будет страшно. В любом испытании выдюжу...»

Годы разметали нас, и по сей день не знаю, удалось ли Макаревичу дожить до счастья Победы, но высказанное тогда им чувство — подлинно бессмертно, вошло в мироощущение и характер героев многих произведений о послевоенной жизни нашего народа.

Отчетливо проявилось это качество и в нравственном облике партизанского командира Ивана Васильевича — главного героя романа известного белорусского прозаика И. Шамякина «Снежные зимы».

«Снежные зимы» — по преимуществу роман о современности, но день настоящий тесно и органично переплетается в нем с днем военным, образуя нерасторжимое единство. И дело не только в том, что автор, применяя прием ретроспекции, показывает события военной поры. Органичность и единство обусловливаются нравственной атмосферой произведения, в котором главное — преемственность лучших черт характера, формировавшегося в трудных испытаниях.

Иван Васильевич — умный, энергичный и преданный делу человек вдруг оказывается вынужденным раньше времени уйти на пенсию. Трудно ему избежать чувства личной обиды, однако чувство это не гипертрофировано в герое настолько, чтобы лишить его самокритичности, склонить к нравственной капитуляции. Иван Васильевич достаточно честен, чтобы щадить себя в тех случаях, когда заслуживает осуждения. В трудные часы память неизбежно возвращает его к дням войны, полным самоотверженности, героизма, беззаветного выполнения советскими людьми своего гражданского долга. Этих высоких нравственных критериев в оценке человека Иван Васильевич придерживается и сегодня. Такая строгость и принципиальность сказываются и на его отношении, например, к бывшему начальнику штаба отряда, а ныне научному работнику Будыке.

В суждениях Ивана Васильевича нет предвзятости, нигилистического скепсиса, намерения противопоставить время войны дням текущим. Благородное желание движет им: человек должен стремиться быть лучше, нравственно совершеннее!

Раздумчивость героя — одна из характерных сторон его натуры. Следуя за ходом мысли бывшего партизанского командира, я вспоминал — по прямой аналогии — строки поэта:

А у меня уже виски седые.
Моих раздумий
бесконечна нить...

Да, бесконечна «нить раздумий» Ивана Васильевича о современности и о войне. Роман в значительной своей части написан как внутренний монолог героя, и автор проявляет большое мастерство психологического анализа, хотя, по правде сказать, отдельные сцены несколько и затянуты.

Прием внутреннего монолога в немалой мере накладывает свой отпечаток на раскрытие военной темы в романе. Здесь нет более или менее развернутой картины жизни и боевой деятельности партизан, в центре авторского внимания попадают лишь отдельные эпизоды из жизни отряда — те, которые избирает память бывшего партизанского воина в соответствии с направленностью своих раздумий.

Может быть, память герои чересчур избирательна и односторонна? Не думаю. Ведь выше уже было сказано, воспоминаний подобного рода требовал сам замысел произведения. Роман утверждает преемственность лучших идейно-нравственных качеств советских людей, прошедших суровые испытания войны и сумевших сберечь в себе доброе и требовательное отношение к человеку. Глубокие симпатии вызывают, например, действия партизанского командира, когда он, отложив важные дела в штабе, идет к матери погибшего бравого-разведчика, чтобы в последнюю минуту побыть с ней, поддержать ее. Или другой эпизод: минуя кордоны гитлеровцев, пешком из партизаны приводят из города в свой лагерь доктора и роженицу, которая без врачебной помощи могла погибнуть; достают молоко появившемуся на свет младенцу, спасая его от неминуемой смерти. И все это сопряжено с опасностью, с большим риском, и все — во имя жизни. Многие из таких эпизодов пронизаны героической символикой и ведут к большим нравственным обобщениям.

Истинно нравственное в людях возникает и развивается на основе социалистического гуманизма: то настоящее, что воспитала в людях справедливая война советского народа против фашизма, не меркнет во времени: вызванное человеческой памятью из непочтенного прошлого, оно обретает силу сегодня — в этом я вижу самый ценный вывод из идейно-художественной логики романа.

Но что-то удерживает меня от безоговорочного признания полной победы автора. Что? Пожалуй, излишняя усложненность судьбы брата Ивана Васильевича — Павла, отношений между братьями и партизанской Надеждой Петровной, ушедшей в отряд от мужа-предателя. Сложность здесь нарочитая, скорее для эффекта, чем ради раскрытия, скажем, характера «беллетристической». И в чем то снижающая образ самого Ивана Васильевича...

ТРИНАДЦАТИЛЕТНИМ мальчиком участвовал в войне Игай — герой романа молдавского писателя Владимира Бешлягэ «Крик стрижа». Не ради подвига юный герой переправился первый раз на другой берег Днестра, занятый гитлеровцами, — ему казалось, что там, у родственников, он найдет своего неожиданно исчезнувшего младшего брата. Не ради подвига... Но многогрудная война не обошлась и без помощи Игая (сколько мы знаем героических ребячьих имен тех лет!). Да и сам мальчик затем охотно, по велению своего чистого сердца выполнял поручения командира одного из подразделений советских войск.

Казалось, исходная позиция в исследовании характера определена автором достаточно четко. Однако, когда обращаешься к Исаю — взрослому человеку, ставшему после войны колхозным трактористом, отцом семьи, — четкость эта начинает исчезать.

В самом деле: военное прошлое Исая в глазах односельчан почему-то совсем не оценивается как подвиг, за который человека в нашей стране окружают особым уважением. Эта недоговорённость психологически не раскрыта, не мотивирована. Многое в исповеди Исая о своей судьбе юного разведчика чрезвычайно усложнено, покрыто туманом неясности, болезненности.

Тракторист Исай ведет с сыном мысленный диалог от тех далеких дней, ведет в обстоятельствах, чем-то напоминающих минувшее: сейчас, как и тогда, он перепрыгнул, едва не утонув, Днестр: как и тогда, сознание его оказывается взвинченным до такой степени, что мир реальных вещей, звуков и красок становится каким-то полуреальным, воображаемым — в нем и неуютно, и жестоко, и странно... Подобное совмещение планов не столько создает ощущение психологической достоверности переживаний, сколько говорит о вычурности, претенциозности композиции.

В «Крике стрижа» сплошь и рядом наталкиваешься как бы на заблудшую мысль художника, о чем приходится сожалеть, ибо от подобного изображения воинского подвига автор при всей кажущейся оригинальности своей манеры выигрывает мало, выигрывает по частностям, а проигрывает много.

И во множестве усложненного по неясности прозвучат отдельные выпукло написанные эпизоды, говорящие о бесспорной одаренности молодого литератора. О бесспорной! Свидетельством чему могут быть, в частности, сцены, раскрывающие переполненность детской души, драматизм ее преждевременного мужания, или те страницы романа, на которых изображается, как подросток ищет выхода из положений, что по силам даже не каждому взрослому.

Приходится повторить старую истину: достоинство художественности не в вычурности, а в простоте. Вот почему более привлекательны те страницы романа, где чувствуется острота зрения и наблюдательность писателя, благодаря которым обретаются точность и выпуклость продуманных деталей, достигается реалистическая подробность описаний.

Бессмертен подвиг народа в Великой Отечественной войне. И чем принципиальнее раскрывает искусство социалистического реализма сущность освободительной войны, тем более реалистичными предстают его герои. Воссозданая этот героический период истории, писатели стремятся запечатлеть в глубоко правдивых идейно-художественных образах величие нашей Победы.

«...НА ПОЛЕ ТВОЯ БОРОЗДА»

— они не могут унять тревогу солдат, поминаемых суровые уроки истории. Ею продиктованы призывные, строгие строки:

Иди
и борись без устали,
умри, если будет нужно,
но сделай все,
чтобы вечно,
вот так он выглядел, мир.

Гуманистический порыв этих строк симфонией звучит во многих стихах нового сборника Лукса.

Если в ранних строках о войне (например, в книге «Солдатская кружка») непосредственный отклик на события иногда описателен и в чем-то риторичен, то в стихах на ту же тему, написанных почти четверть века спустя, звучит заповедь поэта, выступающего на перекличке живых и мертвых. В стихотворении «9.5.67» лирический герой окликает одноглаз и сердцем слышит в ответ: «Тут мы! Тут мы!». Память о павших — одна из крепчайших опор совести и гордости поколения советских воинов-победителей, ставших гвардейцами мира.

Воспоминания о войне рассыпаны в сборнике «Борозда»: заповедные слова обращены то к девушке-санитарке, спасшей раненого поэта («Благодарность»), то к тем, кто пал при штурме Берлина («У Бранденбургских ворот»), то к миллионам героев Победы, которые «винтовку сжимая, в кровавом бою добыли 9 мая».

Поэтическому решению нравственно - философских тем особую убедительность придает присущая Луксу естественность бытовой, разговорной интонации, усиленная ритмически свободным движением стиха. Нередко поэт словно ведет раздумчивый разговор сам с собой, вовлекая в него читателя, но никак не навязывая ему при этом никаких категорических выводов или окончательных истин. На такой орбите доверительного, и откровенного общения явственно одерживает победу красота нашей действительности. В этом ключе написаны «Сумгаит», «Сказано», «Я удивлялось» — стихи о вечном творческом беспокойстве души. В них внешне никак не ощутима перекличка со строками о минувшей войне, но по сути своей они восходят к тому же нравственному источнику высокой ответственности перед будущим.

Человечность в мировосприятии Лукса противостоит абстрактно-гуманистической, сентиментально-расплывчатой умиленности всепрощения. Она, выверенная грозами времени, стала органичной нравственной позицией поэта. Отсюда и готов он неустанно славить мир настоящих чувств — «лиризм высоких температур». И одновременно поэт беспощадно ироничен, саркастически неистов в осмеянии пустых обещаний и клятв, лицемерия и покровительства всякой неизжитой еще мерзости. В этом особенно отчетливо проступает внутреннее родство с традицией Маяковского, который был одной из ранних, не позабытых, опор творчества Лукса. В сатирических стихах Лукса обычно присутствует прямой риторико-публицистический заряд, и обличительность накапливается исподволь, изнутри, серией таких чувствительных уколов (очень яркий пример — стихотворение «Гимн асфальту»). У Лукса есть и доброе лукавство, и подкупающая прямодушием самоирония — в этом еще одна краска поэтической человечности его дарования.

В этом сборнике Лукса значительное место занимают строки, рожденные впечатлениями от многих зарубежных поездок и встреч. С ними в его лирику входят тревоги сегодняшнего мира, с его социальными контрастами, острой классовой борьбой, незатихающими войнами на планете. Обласканная веками и миллионами глаз великолепная красота памятников Рима не в состоянии пересилить в поэте реальное видение, от которого перехватывает горло: «У 50 тысяч семей в Риме нет крыши над головой». Так возникает диспут между поэтом и «Господним наместником бога» — собором святого Петра, тот богоборческий пафос, в котором тоже есть искра радости о Маяковском.

Поэма «Дорогу — четыре тысячи первому!» посвящена славным латышским стрелкам, охранявшим Смольный и потом несшим тревожную вахту при переезде Советского правительства в специальном поезде под № 4001. В поэме, написанной с глубоким внутренним напряжением и взволнованностью, нет одного главного героя. Это как бы монументальный коллективный памятник боевой когорте отважных и самоотверженных латышских большевиков-ленинцев. И что особенно дорого в поэме — это обрисованный одним-двумя штрихами образ Ленина в его человеческой близости к гвардейцам Октября.

Сборник «Борозда» открывает читателю новые черты крупного латышского поэта. Значит, за этой бороздой возможны впереди новые...

РЕЗНИК

Валдис Лукс. «Борозда». Стихи и поэмы. Авторизованный перевод в латышского. Издательство «Советский писатель». М. 1969.

ТО, ЧТО ОСТАЕТСЯ

Юлиу ЭДЛИС

ДОЛЖЕН с самого начала оговорить то обстоятельство, что позиция драматурга в обсуждении, проводимом «Литературной газетой», сильно отличается от позиции критика. Критик с приличествующей его профессии категоричностью настаивает на своем мнении о том, каким должен быть этот герой в законченном, завершенном виде. Драматург же свои теоретические построения может выводить лишь из того, каким уже сложился в его пьесах, на основе его жизненного и творческого опыта этот самый герой. Проще говоря, драматург субъективно связан в этом смысле уже написанными или угадываемыми на будущее героями. А уж они-то не простят ему суеслования.

Всеобъемлющую, всестороннюю, объективную картину современной нам жизни не может дать ни один — взятый в отдельности — роман, ни одна пьеса, ни один сценарий, а лишь литература в целом, в ее движении. Так же точно наивно было бы предположить, что некий герой некоей пьесы может вместить в себе — одном! — все то, что в совокупности и составляет те явления жизни (а значит — и искусства), которые мы называем современным характером, современным героем.

Именно поэтому максимально приближенный к жизни портрет современника создается, как мозаика из отдельных, различного цвета, оттенка и фактуры деталей. Он создается из всего многообразия жизненных характеров нашей драматургии, всех ее жанров и направлений в их художественном взаимообогащении.

К тому же ни в чем так не проявляется индивидуальность драматурга, особенности его таланта и мироощущения, как в разработке характеров персонажей — положительных в первую очередь. И зависит это прежде всего от жизненного опыта самого писателя. Нелепо и бесперспективно ставить перед различными писателями одни и те же задачи и ожидать от них идентичных результатов, одинаковых героев. Одного и того же человека — если говорить о живом прототипе драматургического героя — с одинаковой приближенностью к правде, но совсем по-разному увидят и напишут Арбузов, Лаврентьев, Розов, Штейн.

Поэтому дискуссия о герое меньше всего должна походить на лабораторный эксперимент, поставленный в идеально стерильных условиях умозрительности, теоретические результаты которого могут быть императивно перенесены на творчество всех драматургов, без учета разнообразия жанров, стилей, художественных пристрастий и, наконец, характера таланта каждого из пишущих для театра.

Из индивидуальных, конкретных, многообразных и даже в чем-то противоположных друг другу героев, населяющих реальный мир наших пьес, слагается та социальная, историческая категория, которая именуется современным положительным героем.

И все же, если абстрагироваться от конкретных в каждом отдельном случае индивидуальных черт и способностей персонажа, что окажется тем общим, тем обязательным и непреложным, без чего, на мой взгляд, невозможен сегодняшний положительный герой? Что объединяет многообразие положительных наших персонажей — при всей огрубленности самой постановки вопроса — в одну идейно-художественную категорию? Что представляется мне в нем, в герое, наиважнейшим, определяющим?

Его глубоко сознательная, активная, действенная, наступательная в своем жизнеутверждении неудовлетворенность собою. Мне нее всего я предполагаю рефлексию, мучительный самоанализ, самокопание, прустовский изыск — отнюдь! Но я совершенно убежден, что именно эта не импульсивная, но творчески осознанная неудовлетворенность собою, тем, каков ты сегодня, степенью полезности своего труда и размышлений, и движет человека «вперед и выше». Его движет стремление стать лучше, крупнее, сознательнее, полезнее для общества, в котором он живет и в служении которому видит смысл и цель своей жизни. Такой именно человек и может быть образом или, выражаясь более модно, моделью современного героя.

Как правило, уважение и симпатию зрительного зала вызывает отнюдь не то, чего уже добился герой, каким он уже стал, а то, с какой настойчивостью и упорством он стремится вперед, совершенствуется духовно. Самый процесс этой нравственной, умственной, гражданской борьбы за себя завтрашнего, против себя сегодняшнего несет в себе гораздо большую притягательную и воспитательную силу, нежели восхваление и любование уже добытым, уже достигнутым. Персонаж самодовольный, остановившийся, чтобы полюбоваться своим собственным совершенством, не может вызвать ни сочувствия, ни любви. Наряднее — персонаж скорее комический, чем героический.

Не раздвоенный, разъедаемый неуверенностью и зыбкостью, мятущийся меж Сциллой и Харибдой, меж добром и злом персонаж, но человек, сознательно и активно жаждущий стать лучше, мудрее, чище, человечнее, ставящий перед собой самые высокие, самые бескомпромиссные нравственные и гражданские цели, вот каким я вижу сегодняшнего положительного героя. Я вижу его человеком, задающим себе самую трудную духовную и умственную работу, предъявляющим к себе самые бескорыстные моральные требования.

А это требует и от его создателя — от драматурга — нелицеприятной к нему, к герою, требовательности, запрещает ему любоваться и умиляться творением своего пера, смотреть на него снизу вверх со слепым обожанием. Пигмалион — персонаж не менее комичный, чем Нарцисс. Ничего нет губительнее для героя, и прежде всего писателя, чем восклицнуть, потрафляя себе: «Остановись, мгновение, ты прекрасно». Время неостановимо, необратимо, и само его движение «вперед и выше» и есть то единственное мерило, тот критерий, по которому сверяется, соразмерность героя — внутренней, неотвратимой потребности человека в вечном стремлении к нравственному идеалу.

Арбузов в «Иркутской истории» верно заметил: дело человека должно быть «хоть чуточку лучше, чем он сам», — дело в широком, истинном смысле слова: работа, жизнь, цель, мечта. Между героем и его целью, его идеалом должен существовать тот «люфт», то идейно-нравственное, сознательно им понимаемое и оцениваемое расстояние, для преодоления которого ему надо напрячь все свои силы, волю, разум. Нет этого «люфта», этого «воздуха» между героем и человеческим идеалом писателя, между персонажем, каким он есть, каким он вошел в пьесу, и тем, каким он может и должен стать в результате разрешения драматического конфликта, — нет драматургии, нет пьесы, нет спектакля, после которого зритель захотел бы стать лучше.

Я убежден, что при таком подходе к вопросу, обсуждаемому на страницах «Литературной газеты», понятие «положительный герой» перестает быть суммой достоинств, собранием хорошо дозированных и подобранных добродетелей, а, говоря языком выходящих из театральной моды «физиков», становится вектором, определяющим направление движения литературного героя, который и себя, и мир, в котором он живет, хочет сделать разумнее, прекраснее, справедливее, счастливее. И нет выше этой задачи ни у героев, ни у драматурга.

Бескомпромиссная вта неудовлетворенность собою вынешним днем ради себя завтрашнего, ради себя, стремящегося к высокой общественной цели, и есть то непременное качество положительного героя, которое всегда в нем остается, а списывается, амортизируется неодолимой поступательностью времени все в большей степенности, преходящее.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ГЕРОЕ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ

МНЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ ■ СТАТЬЯ РЕЖИССЕРА

СОАВТОР—ТЕАТР

САМА по себе дискуссия едва ли может породить хорошую пьесу. Тем не менее автор, возникший на страницах «Литературной газеты», мне представляется интересным и полезным. Несмотря на различие высказываемых мыслей и мнений, думаю, что многие мои коллеги - режиссеры увидели в них отражение и своих забот о современном репертуаре.

В опубликованных статьях речь идет не столько о драматургии как таковой, сколько о поиске, определении героя в самой жизни, и отсюда — в произведении драматургии.

Вся история советской драматургии — это поиск героя и героического. Что же волнует нас сегодня? Понимание героического как повседневного или исключительного, умение видеть логику героического развития этого понятия, отличать внешние проявления героизма от героической сущности (что, мне кажется, особенно важно для наших дней) — вот задача номер один. Тем более что герои, найденного нами в жизни, от героя, воплотившегося в произведении драматургии, порой отделяет огромная дистанция. Лично мне как одному из тех, кто реализует труд наших драматургов на сцене, хотелось бы в ходе дискуссии услышать слова о конкретном драматургическом воплощении, о вечной и по возрасту, и по значимости проблеме единства формы и содержания. Об этом я забочусь как практик. А в практике и по сей день слишком много хороших замыслов, не получивших хорошего художественного воплощения.

Нас, работников театра, не следует упрекать, что мы ждем пьес только именитых драматургов. Кто же, если говорить откровенно, безразличен к гарантии качества? Но это значит, что мы боимся риска безымянности. Мы ищем вокруг себя, в своих городах. Готовое находим очень редко. Как правило, театру приходится садиться с автором за стол, вооружившись ручкой, бумагой и знанием как общих законов, так и сегодняшних требований драматургии. Широкие дискуссии в прессе полезны для нас хотя бы в этом аспекте. В спорах рождается и уточняется истина...

Наш театр сейчас выпустил спектакль по пьесе местного, куйбышевского автора И. Тумановской «Кто ты, Женька?». В пьесе высказаны серьезные, важные мысли. Реальная жизнь заставляет каждого соизмерять свое бытие с жизнью всего общества. И в пьесе Тумановской существует второй план, где встает этот вопрос о соотнесении личной судьбы человека с его гражданской судьбой. Три возрастных этапа героя пьесы воплощены в трех одновременно существующих на сцене актерах. Этот прием помогает нам зримо утверждать мысль: человек един во всех своих человеческих и гражданских проявлениях.

Пьеса интересна по драматургическому замыслу. Нам казалось, что ее ахиллесова пята — язык, диалог. И только.

Спектакль был уже почти готов, а мы все перекраивали с драматургом диалоги. И по ходу этой работы прояснялась истинная причина нашего беспокойства. Слабость диалогов — обстоятельство как бы вторичное. Любую пьесу можно выправить по частностям. Но ведь случается, что требуется «правка», которая грозит завести очень далеко. В данном случае, «обдирая» с образов не сроснившиеся с ними текст, мы порой обнаруживали, что и сам образ неполноценен.

Вот так порой получают пробоины самые добротные замыслы, натыкнувшись на, казалось бы, мелкие рифы конкретного воплощения. Конечно, без этих «пробоин» пьеса была бы лучше. Но мы нисколько не раскаиваемся, что приняли ее к постановке, что работали над ней, что показали ее нашему зрителю. Там все же есть, что смотреть, есть, над чем подумать.

Случай с пьесой «Кто ты, Женька?» очевидный. Мне, однако, хотелось бы рассказать о казусе куда более тонком. И тоже связанном с проблемой современного героя. Я говорю о пьесе Л. Зорина «Варшавская мелодия». Нередко приходилось слышать, что исполнитель роли Виктора в нашем театре слишком быстро и настойчиво разоблачает своего героя.

Я знаком со многими постановками «Варшавской мелодии». Как это ни странно, но я не могу назвать ни одного по-настоящему удачного Виктора.

Тут, видимо, какое-то недопонимание пьесы Зорина ее постановщиками. Мы уж слишком широко толкуем образ Виктора. Поэтому одни актеры (а вместе с ними и критики) педалируют «отрицательность» Виктора. Другие, наоборот, используют предоставленные им возможности для смягчения образа. Результат, правда, получается одинаковый: ни те, ни другие не дают вырваться на сцену живому человеку.

Дискуссия в «Литературной газете» касается, в частности, и тех сложностей, что возникают перед режиссерами и исполнителями ролей, подобных роли Виктора. Мне не кажется, что в нашей драматургии царит хаос, о котором пишет М. Левин. Но то, что мы, режиссеры и актеры, порой ощущаем потребность в более твердой драматургической и философской почве под ногами. — это факт.

Вчитываясь в статьи, напечатанные по ходу дискуссии, я, опять же как практик, не мог не подумать, что не все еще ясно с проблемой современного прочтения драматургических произведений прошлого, и прежде всего советской классики. Ведь почти при каждой постановке приходится вновь и вновь выяснять свои отношения с современным героем, свои взгляды на жизнь, на назначение человека и его отношения с обществом. Возобновляя пьесу, режиссер, как правило, невольно становится современным соавтором драматурга. А «соавторство» с такими драматургами, как Вишневский, Погодин или Леонов, столь же увлекательно, сколь и поучительно. И если при новой сценической реализации произведений этих авторов у нас часты разночтения, то они уже не от зыбкости почвы, а от сложности, своего рода пластичности материала.

Нередко мы, работники театра, жалуясь на слабости нашей драматургии, сами же к ней относимся крайне бесхозяйственно. Говорим: «Иркутская история» прошла, «Океан» прошел. Сняли пенки и полоснули пасну по полну. Мы снова и снова обращаемся к «Гамлету», «Грозе» или «Чайке», а постановку пьесы Вишневского или Погодина считаем то ли безумной смелостью, то ли «тактической» необходимостью. Другое дело — не каждую пьесу надо ставить заново...

Принято считать, что, какую бы старую пьесу мы ни взяли, на каждом ходе постановки переосмыслить ее с позиций современности. Мне кажется, это нельзя принимать за правило. Вишневского, например, не надо «переосмысливать» — его еще надо доосмыслить, мы еще не во всем доросли до него. Казалось бы, столько раз сыграна «Оптимистическая трагедия», а у нас, когда мы начали над ней работать, было такое ощущение, что в пьесе еще бездна возможностей. Скажем, для многих постановщиков «Оптимистической» главной была борьба Комиссара за Алексея. В этом они справедливо видели воплощение борьбы партии за революционную массу. Но конфликт Комиссар — Вожак таким образом отодвигался на второй план. Я же считаю, что для Вишневского был важнее конфликт Комиссар — Вожак. Ведь Вожак тоже своего рода «комиссар», только анархический. И для Комиссара победить — это значит изолировать Вожака, а не только «создать» Алексея как своего верного и убежденного помощника. И мы заведомо шли на обострение конфликта, ставя пьесу за счет некоторого снижения традиционно-театральной ситуации.

Я совершенно умышленно все роли, кроме Вожака и Сиплого, отдал молодежи. Тем величественнее подвиг Комиссара, женщины, которая тоже была молода... Поэтому в нашем спектакле появился еще один конфликт: молодость — сознательная деятельность. Может быть, в этом мы действительно пошли по пути переосмысления пьесы с позиций современности.

Но даже самая здравая мысль, будучи превращенной в фетиш, может обернуться абсурдом. С одной из постановок нашего театра произошел случай, мне кажется, очень показательный для бездумного увлечения модой на переосмысление. Мы поставили пьесу Бернарда Шоу «Цезарь и Клеопатра». Вскоре появилась рецензия в местной газете «Волжский комсомолец». Ее автор, разнесший спектакль «с благожелательных позиций», проявил при этом весьма странную логику. Он считает, что эту «старую политическую пьесу» театр должен был переосмыслить, переделать на современный лад. Но театр не «переосмыслил», и рецензент с горечью резюмирует: остается одно — и это театр показал—человеческий страсти, столкновения характеров, наконец, рождение характеров. Самая малость! Слава богу, хоть она-то удалась театру.

Счастливы люди, которые, подобно этому критику, так просто смотрят на взаимоотношения драматургии и современного театра. Между тем эти взаимоотношения с каждым годом становятся все сложнее, а споры вокруг них все яростнее.

Проблема современной драматургии отнюдь не узкопрофессиональная. С ней теснейшим образом связана масса вопросов, касающихся развития театра, кино, эстетической науки. И если в ходе дискуссии разрушатся кое-какие наши иллюзии или просто ложные представления, то тем лучше.

П. МОНАСТЫРСКИЙ,
главный режиссер Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького

Т. З. СЕМУШКИН

После продолжительной и тяжелой болезни на 70-м году жизни скончался известный советский писатель лауреат Государственной премии Тихон Захарович Семушкин.

Большая часть жизни Т. З. Семушкина, выходца из крестьянской семьи, была тесно связана с Крайним Севером, и прежде всего с Чукоткой, куда он приехал в середине двадцатых годов как учитель. Он был одним из организаторов первых школ и культурных учреждений на Чукотке, участвовал в создании чукотской письменности и первого букваря на чукотском языке.

Жизни народов Севера посвящено и все творчество Тихона Захаровича, первые книги которого на литературном поприще были замечены А. М. Горьким. По его рекомендации в 1936 году в альманахе «Год XIX» была напечатана повесть о Чукотке, которая вышла затем отдельной книгой под названием «Чукотка» и много раз издавалась как в СССР, так и за рубежом. Но еще большую известность, широчайшую популярность приобрела другая работа Т. Семушкина, посвященная чукотскому народу, — роман «Алитет уходит в горы», удостоенный Государственной премии. Эта книга переиздавалась у нас в стране 26 раз, а также в десятках зарубежных стран. Роман «Алитет уходит в горы», написанный своеобычным, талантливым пером, с эпическим размахом, с глубоким проникновением в быт и психологию чукотского народа, входит, несомненно, в «золотую библиотеку» советской литературы, в число книг, которым обеспечена долгая жизнь.

От нас ушел прекрасный писатель-коммунист, деятельно участвовавший в литературной жизни, не раз выбиравшийся в общественные писательские органы, бывший членом редколлегий литературно-художественных журналов.

Советские писатели навсегда сохранят в своей памяти светлый образ Тихона Захаровича Семушкина.

Секретариат правления Союза писателей СССР,
секретариат правления Союза писателей РСФСР,
секретариат правления и партком Московской писательской организации

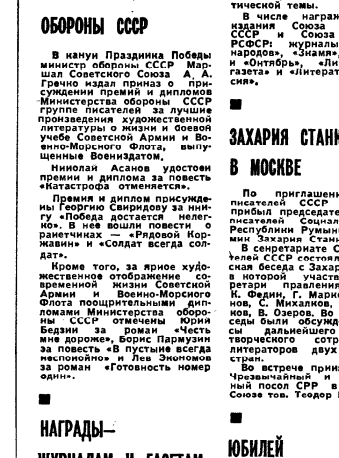


Иллюстрация художника Е. Срынникова к роману Жана Гривы «Человек ждет рассвета». Издательство «Советский писатель», 1970.

ПРЕМИИ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

В канун Праздника Победы министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко издал приказ о присуждении премий и дипломов Министерства обороны СССР группе писателей за лучшие произведения художественной литературы о жизни и боевой учебе Советской Армии и Военно-Морского Флота, выпущенные Воениздатом.

Николая Асанова удостоен премии и диплома за повесть «Катастрофа отменяется».

Премия и диплом присуждены Георгию Свиридову за книгу «Победа достается нелегко». В нее вошли повести о ракетчиках — «Рядовой Коржавин» и «Солдат всегда солдат».

Кроме того, за яркое художественное отображение современной жизни Советской Армии и Военно-Морского Флота поощрительными дипломами Министерства обороны СССР отмечены Юрий Бедзин за роман «Честь мне дороже», Борис Пармузин за повесть «В пустыне всегда неспокойно» и Лев Экземов за роман «Готовность номер один».

НАГРАДЫ — ЖУРНАЛАМ И ГАЗЕТАМ

В связи с 25-летием Победы советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне Министерство обороны СССР и Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота наградили грамотами коллективы ряда газет, журналов и издательств за активную работу по освещению военно-патриотической темы.

В числе награжденных — издания Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР: журналы «Дружба народов», «Знамя», «Москва» и «Октябрь», «Литературная газета» и «Литературная Россия».

■ ЗАХАРИЯ СТАНКУ — В МОСКВЕ

По приглашению Союза писателей СССР в Москву прибыл председатель Союза писателей Социалистической Республики Румыния академии Захария Станку.

В секретариате Союза писателей СССР состоялась дружеская беседа с Захарией Станку, в которой участвовали секретари правления СП СССР К. Федин, Г. Марков, Л. Леонов, С. Михалков, Я. Воронов, В. Озеров. Во время беседы были обсуждены вопросы дальнейшего развития творческого сотрудничества литераторов двух братских стран.

Во встрече принял участие Чрезвычайный и полномочный посол СРР в Советском Союзе тов. Теодор Марнеску.

■ ЮБИЛЕЙ СУЛЕЙМАНА РАГИМОВА

Состоялся юбилейный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию литературно-общественной деятельности народного писателя Азербайджана Сулеймана Рагимова.

Вечер открыл председатель юбилейной комиссии, заместитель председателя Совета Министров республики К. А. Гусейнов. С докладом о творческом пути писателя выступил член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР, доктор филологических наук М. Д. Джафаров.

Литераторы Зоя Кедрина, узбекский писатель Хаким Назир, армянский поэт Геннрих Тумасян, прозаик-татарь правления Союза писателей Туримении Берды Кербабаев, дагестанский поэт Алирза Сандов говорили о больших заслугах юбиляра в развитии советской прозы. Сулейман Рагимов сердечно поблагодарил собравшихся за теплые слова приветствий.

В чествовании писателя приняли участие секретарь ЦК Компартии Азербайджана Д. Г. Джафаров, заведующие отделами ЦК Компартии Азербайджана Т. С. Алиев и А. К. Шарифов.

БАКУ. (Наш корр.)

■ ПИСАТЕЛЬ И ГАЗЕТА

Комиссия по документальной прозе, очерку и публицистике при правлении Московской писательской организации провела на днях встречу ряда публицистов и очеркистов столицы с руководством «Литературной газеты». В разговоре о работе писателя в газете приняли участие Б. Агапов, В. Агранонский, В. Амлинский, Г. Бондарин, А. Борин, Б. Володин, О. Волков, Н. Воронов, М. Ганина, М. Галлай, О. Горчанов, К. Кирамов, С. Львов, Л. Лиходеев, Г. Медынский, М. Поповский, П. Подлящук, Г. Радов, А. Старков, О. Чайковская, Н. Четунова.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

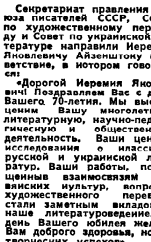
И. Я. Айзенштоку — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу и Совет по украинской литературе направили Иреми Яковлевичу Айзенштоку приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Иреми Яковлевич! Поздравляем Вас с днем Вашего 70-летия. Мы высоко ценим Вашу многолетнюю литературную, научно-педагогическую и общественную деятельность. Ваши ценные исследования о классиках русской и украинской литературы. Ваши работы, посвященные взаимосвязям славянских культур, вопросам художественного перевода, стали заметным вкладом в нашу литературоведение. В день Вашего юбилея желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов».

Поздравляя юбиляра, также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Касымалы Бектенову — 60 лет

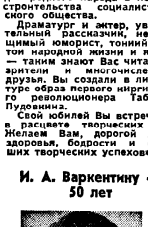


В связи с шестидесятилетием киргизского писателя Касымалы Бектенова секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по киргизской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится: «Уважаемый Касымалы Бектенов! Примите наши искренние поздравления в день Вашего шестидесятилетия. Вы принадлежите к тому поколению киргизской интеллигенции, которое так много сделало для родного народа в период строительства социалистического общества.

Драматург и автор увлекательной рассказчик, неистощимый юморист, тонкий знаток народной жизни и языка — таким знают Вас читатели, зрители и многочисленные друзья. Вы создали в литературе образ острого политического революционера Табалды Пудовкина.

Свой юбилей Вы встречаете в расцвете творческих сил. Желаем Вам, дорогой друг, здоровья, бодрости и больших творческих успехов».

И. А. Варкентину — 50 лет



Писателю Варкентину И. А. исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по советской немецкой литературе направили юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится: «Дорогой Иван Абрамович! Сердечно поздравляем Вас, крупного советского немецкого поэта, переводчика и публициста, с днем рождения. Мы высоко ценим Ваш вклад в многонациональную советскую литературу. Ваши книги, а также переводы стихотворений русских и казахских поэтов получили высокую оценку читателей и нашей общественности. Свой юбилей Вы встречаете в расцвете творческих сил, и мы уверены, что еще не раз Вы порадуете нас новыми произведениями. Желаем Вам доброго здоровья, счастья и радости».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через вашу газету горячо поблагодарить всех, кто поздравил меня с шестидесятилетием со дня рождения и высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Иван ВИННИЧЕНКО

Разрешите мне через «Литературную газету» поблагодарить всех, приславших поздравления по случаю присвоения мне почетного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Е. СУРКОВ

Большое, сердечное спасибо всем моим друзьям и коллегам, ученикам и читателям, всем организациям и коллективам, отметившим мой 75-летие добрыми пожеланиями.

Азиз ШАРИФ

Уважаемый товарищ редактор!

Разрешите через «Литературную газету» от всего сердца поблагодарить всех друзей, организации и читателей, приславших мне поздравления в связи с моим семидесятилетием и награждением высокого звания — народный писатель Узбекистана.

Михаил ШЕВЕРДИН

ПОСВЯЩЕНИЯ ДРУЗЬЯМ

Иван ТАРБА

Трон поэта

Дмитрию ГУЛИА

Гривастые, как будто кони,
Мчат волны близ того жилья,
Где на распахнутом балконе
Стоит плетеная скамья.

На ней сидел поэт когда-то
И, наблюдая пенный вал,
Гул моря, словно гул набата,
Во все года воспринимал.

И, породнив слова с бумагой,
Которые шептал в тиши,
Их сделал песней и присягой
Абхазии — страны души.

Умел поэт, служа народу,
Слова чеканить и гранить,
И обучил саму природу
Он по-абхазски говорить.

В стих обратил он моря рокот,
И звон меча перед мечом,
И боевой орлиный клекот
У землепашца над плечом.

Пусть короля
король на троне
Заменит в очередь свою,
Но кто пред морем на балконе
Займет плетеную скамью?!

Кому под силу сделать это,
Чтоб на земле творить добро,
Кто может заменить поэта,
Присвоив вещее перо?

...А ветер, верный непокою,
Как будто на море ладью,
Порой соленою рукою
Качнет плетеную скамью.

Перевел с абхазского
Янов КОЗЛОВСКИЙ

Поездка в Киев

Олесю ГОНЧАРУ

Бывал я в Киеве, и все ж
Иду, плененный всем вокруг:

И тем, что сам он так хорош,
И тем, что здесь —мой верный друг.
Я в Киевом свиданью рад,
И счастлив я, и молод вновь,
Ах, Киев, Киев, дивный град,
Моя отрада и любовь!
Порой задумчив ты и тих —
Очарование одно,
А в добрых жителей твоих
Влюбился я давным-давно.
И вот иду не наугад,
Мне Киев издавна знаком,
Меня ласкает каждый взгляд
И приглашает каждый дом.
Когда отсюда ворочусь,
Я знаю: как и в прошлый раз,
Хороших мыслей, свежих чувств
Пополнит Киев мой запас.
Я знаю: мне прибавит сил
Рукопожатий теплота,
Беседы бескорыстный пыл,
Сердечной дружбы доброта.
Не потому ли все вокруг
Так нынче радует меня?..
К чему слова? Дай руку, друг!
Весь твой народ — моя родня.

Перевел с абхазского
Вл. ЛИФШИЦ

Воспоминание

Михаилу СВЕТЛОВУ

Он сидит живой передо мною,
С теплым взглядом добрых
глаз своих,
Он читает лица, я не скрою,
Как никто, не ошибаясь в них.
Ни с какой, лукавая, не схожа,
Вот улыбка — сколько доброты!
Чист и прав, как ясный день
погожий,
Скажет слово — можешь верить ты!
Красоту ль отметим ненароком?
Красотой что в жизни назовем?
Красота — живет она глубоко,
В человеке спрятана самом.
Пусть его художник, не к обиде,
Смехотворным шаржем увенчал, —
Я его красивее не видел,
И души добрее не встречал.
Он глаза мозолить не стремился,
Незаметность нравилась ему,
Что имел — с друзьями тем
делился,
Помогал, не зная сам кому.
Никогда он богатеем не был,
Комнатушку для стихов и снов,
Землю он свою имел и небо,
Дружбу как основу всех основ.
Помню, как читал он мне «Гренаду»,
Анекдотом о себе смешил, —
Почему сегодня сердцу надо
Все припомнить? Как оно спешит!
Вновь сидит он предо мной,
как дома,
Пусть, тепло прищурившись,
вздохнет,
Голосом, до боли мне знакомым,
Новые стихи свои прочтет.
В сердце образ, стих его ложатся,
Чтобы там, как память, их беречь,
Не могу я с другом так расстаться,—
Все я жду с ним наших
новых встреч!

Перевел с абхазского
Николай ТИХОНОВ

Горец я

Я, как дерево, что имеет кровное
Место у небесного огня.
Связывает крепко родословная
С горными вершинами меня.

Вот иду — и не вдали, в около
Вижу скалы в дикой алыче.
И кормлю я на запястье сокола,
Облако лелею на плече.

Возвышаются окрест нагорья,
Наподобье родичей седых.
Я — песчинка, и моя история
На груди разыгрывалась их.

Я в горах, встречая утро раннее,
Стоя на заре, не на крови,
Вижу, приходя в очарование,
Мир моей пожизненной любви.

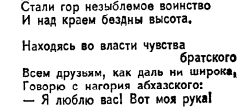
Мчатся реки — в их гортанном
шуме я
Слышу вновь о доблести рассказ.
Поднимал не раз мои раздумия
Вровень с головой своей Кавказ.

И, ведомый по горам не гидами,
Затеплю слово, как свечу.
Раны, нанесенные обидами,
Скальным окружением лечу.

И мерилом чести и достоинства
Для меня как горца неспроста
Стали гор незыблемое воинство
И над краем бездны высота.

Находясь во власти чувства
братского
Всем друзьям, как дань ни широка,
Говорю с нагория абхазского:
— Я люблю вас! Вот моя рука!

Перевел с абхазского
Янов КОЗЛОВСКИЙ



РЕЦЕНЗИЯ

Владимир СОЛОВЬЕВ

ДОСТОИНСТВА И ПРОСЧЕТЫ

О новой книге Евгения Евтушенко

Книгу Евгения Евтушенко «Идут белые снеги...» можно рассматривать как избранное поэта.

Книга эта жанрово разнообразна — стихотворные фельетоны и статьи, поэтические декларации, сюжетно - повествовательные новеллы, громкие программные заявления и тихие лирические признания. Почти каждое стихотворение начинается с обращения или кончается им: Евтушенко обращается к любимой, к другу, к врагу, к самому себе, к стране, к миру, к человечеству, — кажется, что он остро нуждается в собеседнике, но на самом деле ему нужен слушатель, и обращение «Граждане, послушайте меня...» могло оказаться в любом его стихотворении, менялась бы только интонация — от просьбы до настойчивого требования. Впрочем, ему нужен не слушатель, а слушатели, потому что поэт обращается сразу ко всем и ни к кому в отдельности. Адрес его стихов — коллективный, всеобщий, порою даже расплывчатый. Поэт словно и сам не верит, что его стихи могут вызвать индивидуальный отклик: «Голос мой в залах гремел, как набат, площади трясс его мощный раскат, а дотянуться до этой избушки и пробудить ее — он слабоват».

Достоинства и просчеты сопряжены в поэзии Евтушенко в тугой узел. Было бы куда легче и судить, и писать о его творчестве, если бы можно было заметить, как поэт со временем становится глубже, тоньше, мудрее, и отнести слабые его стихи к началу его творчества, а сильные — к концу. Но в том-то и дело, что достоинства и просчеты поэзии Евтушенко одновременны, синхронны: в очередном стихотворении он избавляется от того, что принято называть недостатками, а в следующем возвращается к ним: бывает, что и в одном стихотворении, в одной строфе, а иногда даже в одной строчке соседствуют безусловное и сомнительное. Молодость переходит в инфантилизм, прямота — в прямолинейность, любовь к деталям — в декламацию, драматизм — в мелодраму, быстрота поэтической реакции — в торопливую скорость, а глубина порой оборачивается легкомыслием. И мы так и останемся на уровне констатации этого «двойничества», если не возратимся снова к адресу стихов Евтушенко.

Несомненно влияние его стиха на аудиторию, как и обратное влияние — самой аудитории на поэта. Поэтическая аудитория Евтушенко различна и разнообразна. Обращение к «притчам во языцех» (доступность) порой переходит в скольжение по верхам (поверхностность), и сам Евтушенко за нее себя клянет, называет ее «болезнью души»: «Метался я... Шныряло взад-вперед меня от чьих-то всхлипов или стонов то в надувную бесполезность од, то в ложную полезность фельетонов». Это из Пролога к «Братской ГЭС», но в самой позме поэт и не подумал отказаться от того, в чем каялся в Прологе к ней, и сделал это в полном соответствии со своей поэтической системой.

Широта поэтических и человеческих интересов Евгения Евтушенко часто бывает оправдана вниманием поэта к изменяющемуся миру, к его самым различным проявлениям. И сам Евтушенко понимает противоречивую основу своей поэзии, хотя и не всегда умеет найти верный выход из этих противоречий. Пытаясь объять необъятное, он порой выходит из границ поэтического круга. Поэтому многие стихи Евтушенко, многие его мысли, сюжеты, призывы существуют помимо поэзии. Но наряду с разреженностью поэтического пространства у Евтушенко есть поэтическая сосредоточенность, и тогда с новой силой и безусловной точностью звучат его стихи.

Название «Картинки детства» принадлежит одному стихотворению Евтушенко, но это название легко распространить и на другие его стихи — воспоминания о военном детстве. Есть среди них очень хорошие, такие, как «Настя Карпова», «Баллада о колбасе», «Человека убили». Читатель по этим стихотворным новеллам знакомится с конкретными судьбами людей, причем Е. Евтушенко своеобразно оттеняет сюжеты особенностями детского восприятия. Герой этих стихотворений становится невольным свидетелем чужих драм, вплетенных в общенародную судьбу в годы Великой Отечественной войны; происходит формирование человеческой личности, и потому «солдаты пели, словно школьники, и, как солдаты, пели мы...»; и потому, наконец, рассказывая о судьбе Насти Карповой, Евтушенко заключает: «...пробив мою душу навек, тяжело ее слезы рушились, до земли пробивая снег...» Так «картинки детства» становятся основой многих понятий и взглядов взрослого человека.

Жаль, однако, когда в суровую и непридуманную стихию мальчишеских военных воспоминаний врывается мелодраматическое начало, которое вместо того, чтобы усилить общее впечатление, ослабляет его. Рассказывая, к примеру, о том, как в голодный сорок первый год в Чистополе на базаре стояла очередь за медом и люди отдавали за него последнее, что у них было, Евг. Евтушенко неожиданно рисует сентиментальный и снижающий общее впечатление образ девочки, которая «тянула трохоточку рюмочку с колечком маминым на дне». Впрочем, и публицистическая концовка стихотворения «Мед» также выглядит лишней, ибо описанный факт словно бы и не требует комментария, и декларативное заключение поэта кажется несколько высокопарным и потому неуместным.

И так во всех стихотворных жанрах, которые разрабатывает Евтушенко, — удачи соседствуют с неудачами. У поэта есть лирические стихи-признания, такие, как «Патриархские пруды», «Со мною вот что происходит...», «Одиночество», «Заклинание». В них человеческие чувства проявлены поэзией настолько искренне, глубоко и тонко, что не могут не вызвать ответного переживания. Рассказывая, к примеру, о том, как «в душе в неравной схватке немолодость и молодость сошлись», он вдохновенно бросаю, афористично и в то же время не оторванно от сюжета стихотворения, а в его контексте: «Все резче эта схватка проступает. За пядью отвоеванная пядь, немолодость утрюмо наступает, и молодость не хочет отступать».

Но и среди, что называется, «чистой» лирики встречаются у Евтушенко и безвкусные пассажи, и пустоты, когда стих движется по инерции и поэту явно не о чем говорить, и неоправданные длинноты, и банальности. Вот стихотворение «На мосту». В его основе — простенький факт — на одном из парижских мостов стоит мужчина и женщина, по каким-то зато далеко идущим выводом заканчивается стихотворение: «На мосту, навеки в небо врезанном, на мосту, чья суть всегда свята (?), на мосту, простертом надо временем, надо всем, что ложь и суета...» Прямая речь автора, его ораторский запал, высокая интонация стиха не соответствуют описанному событию, искусственно притянуты к нему, и стих уходит в некую всеобщность, в абстракцию, в ничто.

Следует отметить, что нет жанров, «противопоказанных» Евтушенко. Даже в общественно-публицистической части своих стихов, наиболее уязвимой в его творчестве, Евтушенко может быть и пятнадцатилетним капитаном, инфантильность которого читателя раздражает, в страстным оратором, пафос и темперамент которого заразительны. В многочисленных «заграничных» циклах Евг. Евтушенко рядом со страстными стихами находятся вялые наблюдения, в которых много казенщины и мало поэзии. К последним, в частности, относится стихотворение «Танец живота», все нацеленное на то, чтобы поразить читателя — и не только экзотикой, но еще и сентиментально - щемящими строчками, вроде: «Ну, а после в гостинице жаркой в полумраке рассветном немом на полу ее туфелька сжалась под ботинком с нью-йоркским клеймом». И здесь же стихи, основанные на, казалось бы, всем известных фактах, но в которых Евтушенко выступает уже не в роли усердного конферансье, развлекающего читателя, а вкладывает в разговор с людьми всю свою сердечную тревогу — так происходит во многих стихах «испанского» цикла и в таких «американских» стихах, как «Монолог доктора Спока».

Итак, вынужден повториться: поэтические удачи и взлеты в поэзии Евтушенко выглядят часто неожиданными, внезапными. При этом удачи в его поэзии находятся словно бы в диалектической, полемической связи с ее средним и привычным уровнем. В прекрасном стихотворении «Осень» Евтушенко пишет: «Внутри меня осенняя пора. Внутри меня прозрачно и прохладно, и мне печально, но не безотрадно, и полон я смиренья и добра... А главная нужда — чтоб удалось себя и мир борьбы и потрясений увидеть в обнаженности осенней, когда и ты и мир видны насквозь. Прозренья — это дети тишины. Не страшно, если шумно не бушуем. Спокойно сбросить все, что было шумом, во имя новых листьев мы должны».

Удачи приходят к Евтушенко только тогда, когда он не поверхностно, не легковесно, а с сознанием гражданской ответственности перед читателем отзывается на то, что действительно волнует человека, будь то большое или малое, малое или большое — от «Картинок детства» до войны во Вьетнаме.

ЛЕНИНГРАД

РАЗМЫШЛЯЯ НАД СТИХОТВОРЕНИЕМ

«Околица родная, что случилось?»

Я ХОЧУ сказать несколько слов о стихотворении Анатолия Передреева «Околица», в котором, на мой взгляд, воплотились очень существенные черты сегодняшних лирических исканий. Вот его начало:

Околица родная,
что случилось?
Окраина, куда нас
занесло?
И города из нас
не получилось,
И навсегда утрачено село.

Взрастив свои вишни
и яблони,
Ушла в себя и думаешь
сама,
Зачем ты поместилась
жилища,
Которые — ни избы,
ни дома?!

Перед нами — чуть ли не самый «типичный» образ СОВРЕМЕННОЙ жизни. Когда города невелики, их окраины постепенно — сразу за городом начинаются поля, леса, луга и среди них деревни и села. Но за каких-нибудь два последних десятилетия на пространствах России выросли неисчислимые большие и просто огромные города, которые не могут удержать городскую энергию и атмосферу в своих непосредственных границах. Сила города переплескается, и на километры за его пределами образуется окраина — уже не село, но еще и не город...

Окраина, ты вечером
темнеешь,
Томясь большим сиянием
огней,
А на рассвете
так росисто веешь
Воспоминаньем свежести
полей,

И тишиной, и речкой,
и лесами,
И всем, что было отчею
судьбой...
Разбуженная ранними
гудками,
Окутанная дымной
голубой!

Заметая между сиянием электричества и веянием полей, между гудками заводов и голубой дымной, окраина живет сложной жизнью, в которой переплетены разнородные стихии. Гнет, вялость и себе город — но как быть со «всем, что было отчею судьбой?

Итак, стихи об окраине. Но они не были бы настоящими стихами, если бы дело шло только о «картине», об «образе». Вчитайтесь внимательно — и в первой же строфе вас кольнет ощущение, что речь не только об окраине:

...Окраина, куда нас
занесло?
И города из нас
не получилось,
И навсегда утрачено
село...

Это стихи и о самом поэте, о его судьбе, очутившейся на грани, на пороге, который невозможно не переступать и невозможно переступать. И, конечно, также и о поэте это пронзительное, удивительно русское:

Как будто бы под сенью
этих вишен,
Под каждым этим вязким
потолком
Ты собиралась
только выжить, выжить,
А жить потом ты думала,
потом...

Стихи подлинны потому, что в них вошло, перелилось, обрело свое стихотворное бытие жизненное поведение поэта, его судьба, он сам, размышляющий на этой грани между городом и селом.

Но эти стихи — менее всего «лаборатория», иносказание, символ. Окраина в них действительно «ушла в себя и думает САМА». Просто для того, чтобы ее бытие стало стихотворением, оно должно было сначала войти в самого поэта, в его жизненное и творческое поведение. О том, как это происходит, замечательно говорил Михаил Пришвин.

Он рассказывал, как однажды «пристрастился почувствовать прекрасный солнечный вечер в лесу. Но, как я ни всматривался... я видел только красивость леса без всякого содержания.

...Но вдруг выпорхнула и вспыхнула в лучах вечерних и острых стайка певчих птиц, начинающих перелет свой в теплые края, и лес стал для меня живым, как будто эта стайка вылетела из собственной души, и этот лес стал виденьем птиц, совершающих перелет свой осенний в теплые края, и эти птицы были мои души, и их перелет шел вот было МОЕ ПОВЕДЕНИЕ, образующее картину осеннего леса, пронизанного лучами вечернего солнца».

Именно так и в этом стихотворении: окраина с ее «душой» и с самим ее бытием стали ПОВЕДЕНИЕМ поэта, «образующим» эту «картину» окраины... Как говорит Пришвин в другом месте: «Никаким мастерством... не соединить природу живой. Тут требуется поведение».

Действительная поэтическая ценность стихотворения, написанного Анатолием Передреевым, заключена не в самой по себе мысли об окраине, мысли, которую и емкость которой и стремился показать. Ценность его — в подлинности, в живой плоти того творческого поведения, которое в нем воплощено, дышит в каждой его строке. Живая частица человеческого и народного бытия обрела новое, поэтическое бытие в стихе и раскрылась перед нами так, как будто она САМА себя осознала. А в этом и состоит непосредственная цель поэзии.

Вадим КОЖИНОВ

Евгений Евтушенко. «Идут белые снеги...» Предисловие Евг. Винокурова. Издательство «Художественная литература», М. 1969.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

«ПО ДАТАМ ПРОЖИТЫХ МИНУТ...»

«МЫ роднились значительно позже гражданской войны, — писал Николай Дориэо. — Между ней и нашим детством легли мирные годы, но алый отсвет революции то и дело вспыхивал на наших деревянных саблях, ветер тех героических лет обвивал наши детские лица... Для ребят нашего поколения еще не окончилась гражданская война и вдруг сразу началась Отечественная... И хотя на мне гражданский котелок, я до сих пор считал и считаю себя солдатом».

Биография никогда прямо не проецируется на книги, но без нее трудно понять накал, скажем, известных «Стихов о голом короле», уничтожающий сарказм которых направлен против тех, кто «считает банальными, громкими фразами то, во имя чего мы ходили на бой». Потому неизмеримость поэта — «людям честной отваги»:

Как вы все зависимы
от пустячного быта,
не мелки, не завистливы —
жизнь, как небо, открыта.

Во многом биография все же стала его поэзией, и когда мы читаем строки о елях, думается — они не в меньшей мере о стихах самого Дориэо:

Они пробьются сквозь
метели,
Сумеют молодость
сберечь
И никогда не сбросят
с плеч
Свои зеленые шинели.

Может быть, в первую очередь это относится и его песням.

Песня — она как пароль, обладающий к тому же волшебным свойством превращать незнакомцев в друзей. Назовите любому встречному на выбор любую строку: «Шел солдат...», «Но как на свете без любви прожить», «У нас в общежитии свадьба...», «Огней так много золотых на улицах Саратова», «Ну, что ж сказать, мой старый друг, мы в этом сами виноваты...», «В тихом городе своем...», «Ты надела праздничное платьице...», «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...», «Почему ж ты мне не встретилась, юная, нежная...», «Старинные улочки древней Москвы...» — назовите первому встречному эти строки, и он не только вспомнит фильмы «Простая история», «Дело было в Пенькове», «Разные судьбы» и многие другие, впервые подарившие нам эти крылатые, обошедшие всю землю песни. Любой названный вами отрывок продолжат стихи знают. Их помнят. Они живут, хотя от рождения некоторых из них нас отделяет уже немалый срок.

А если вдуматься — они, эти строки, давно уже стали фактом биографии не его, Николая Дориэо, а тысяч и тысяч тех, для кого они были сложены. Я слышал их и на далеких таежных трассах, и в заваюженном Норильске, и на Красноярской ГЭС, и на борту атомной субмарины, идущей забитым льдами Карским морем. С песнями этими и женились, и грустили, и шли трудными перевалами, и ломали судьбы, и создавали счастье девчат и парней сороковых, пятидесятых, шестидесятых годов.

Не без иронии написал Дориэо, размышляя о превратностях поэтической популярности, немножко грустную миниатюру:

Как много фамилий,
как мало имен,
Поэтов у нас изобилие!
И как нелегко перейти
Рубикон,
чтоб Именем стала
фамилия.

В раздумьях этих легко угадывается тревога: разучиваают по свету тысячи песен, слов которых, даже если слушателю напеть мелодию, тот вспомнить не в состоянии. В лавине озвученных рифм, как обвал, летящей сегодня с экранов телевизоров и сотрясающей эфир, после того как смолкает грохот ударников и оседает музыкальная пыль, остается немногое. И миниатюра Дориэо — не только о славе...

Он давно перешел поэтический Рубикон, а любовь к песенному жанру и преданность ему — в том художническом своеобразии исидимой людям «организации» его таланта, которая чуть приоткрылась мне в одном запомнившемся разговоре.

Произошел он после его явно удавшегося вечера, когда мы шли по ночной Москве, и, может быть, потому, что неистово крутила тогда на Масловке поземка и черные глубокие снега вдруг вспыхивали мерными бликами качающихся фонарей, ему вспомнилась степь из щемящей душу колдовской песни о ямщике.

— Ты заметил, — размышлял Николай, — что старые русские, да и современные песни — это почти всегда новелла, рассказ, повествование? И одновременно всегда характер человека. Песня о ямщике — поэтическая драма. «Дубинушка» — и героика, и судьба, и надежда целого народа. «Утес» — могучий народный характер. В каждой — бездна содержания, мысли, раздумий, которых хватило бы на иной роман или повесть. И в любой из таких песен встает живой, цельный характер. Более того — судьба человека. Вот тебе и «специфика жанра», о которой нередко толкуют те, кто выдает за сию «специфику» либо бессвязный набор слов, либо холодной рукой зарифмованные штампы... А традиция народной песни и стиха живет. У тех же Лебедева Кумача, Исаковского, Фатьянова, Светлова, Смелякова...

В поэзии существует не только секрет собственно поэтического видения, но и секрет, если хотите, «психологически напряженная, решающая важнейшие нравственные проблемы жизни современного общества драма «Утром после самоубийства».

На рабочем столе поэта новая работа — «Место действия — Россия», названная им «поэтическим повествованием». Листая страницы рукописи, я понял — эта драма в стихах вмещает многолетние раздумья поэта над судьбами Родины. И хотя время действия ее — восемнадцатый и девятнадцатый века и среди персонажей пьесы — люди, отодвинутые от нас далекой дымкой истории,— Пугачев, Радищев, Желябов, размышления поэта об истоках русского революционного духа неразрывно сопряжены с нашими днями, со стремлением современников осмыслить свое прошлое и свой завтрашний день.

Так где же начало,
Где оно, начало,
В котором веке
Ленин
начался?

— эти строки — ключ к замыслу поэта. А потому новая драма — продолжение раздумий в его нежных и мужественных книгах «Имя мое — человек», «Седьмое чувство», «Избранная лирика», «Ровесникам нашей победы» и многих других, уже вышедших или находящихся, как «Избранное» или сборник «Свежесть», в печати. Книг, созданных современным поэтом и опаленных ее дыханием:

Минуты мчатся по орбитам,
Мал циферблат сегодня им,
И эта скорость гнала Автом,
Сердцебиением моим!
И может, летоисчисленье
Потомки напрасно
Не по годам,
а по мгновеньям,
По датам прожитых минут.

Ни на минуту не прекращающийся поиск, стремление заглянуть за грань горизонта у Дориэо — не только потребность души, но и естественное творческое состояние:

Я все время живу накануне
чего-то
— накануне строки,
накануне полета.

Годы не проходят бесследно, и все мы в чем-то стареем. Но, встречая «сегодняшнего» Дориэо, радуясь вместе с ним его удачам и огорчаясь случайными промахами, я всегда вспоминаю того, другого Николая. В куртке, запорошенной Дориэо, прямо с аэродрома врывающегося в редакцию «Комсомолки» и спешенно рассказывающего о первых палатках Братска и удивительных звездах над Хатангой. И в «голе», и в «этом» Дориэо, как из пищу, не могу найти разницы: неуспокоенность в искусстве — не просто свойство человеческого характера. В ней, видимо, секрет молодости и стихов, и песен.

Анатолий ЕЛКИН

Георгий БЕРЕЗКО

НАКАНУНЕ БИТВЫ

Передавая «Литературной газете» главу из своего нового романа «Дом учителя», писатель Георгий Березко сказал:

— Моя работа над этим давно начатым романом идет к концу.

Действие романа происходит и на фронте, и за линией фронта, и во фронтовом штабе, и в штабе партизанского отряда, и в Москве, где перекрещивались прифронтовые дороги, и в окопах переднего края. Это будет роман о битве за Москву.

Мне кажется, что в романе прозвучит также тема интернационального братства в борьбе с фашизмом.

Если мне в какой-то мере удастся показать то великое единство народа, партии и армии, которое стало основой нашей победы, я буду считать цель свою достигнутой — в меру моих сил.

— Спроси у него, с каких направлений переброшены сюда новые дивизии? — приказал командующий. — Пусть назовет номера.

И летчик, отвечая, опять заметался взглядом от офицера-переводчика к генералу.

— Он поясняет, что есть дивизии, прибывшие из-под Киева, есть прибывшие из самой Германии, — подполковник повторил несколько номеров. — Об авиации он говорит, что имел встречи с летчиками, летавшими на бомбежку Ленинграда. В настоящий момент он говорит, что их части имеют базу на аэродроме в районе Орши.

Командующий кивнул — это последнее подтверждалось донесением, которое он получил из штаба военно-воздушных сил. По данным разведки ВВС, противник перебросил с Ленинградского и Юго-Западного фронтов на Московское направление до 400 самолетов. Пленный летчик давал, как видно, правдивые показания.

— Спроси, не может ли он пояснить, в чем заключается директива фон Бока? — сказал командующий.

— Он говорит, что имел желание, но не смог добыть копию директивы, — перевел подполковник, — говорит, что у него нет никаких документов, ничего, кроме слова чести.

— Чести? Вот как!..

Командующий гневно взглянул на немца.

На лице пленного отразился испуг: глаза расширились и словно ослепли вдруг.

— Он просит вас поставить его под расстрел, если он дал фальшивую информацию! — перевел подполковник.

С удовлетворением, как на свое создание, он оглянулся на пленного. Тот слизнул с верхней губы капли пота и проглотил. — кадык на его вытянутой шее подскочил и подбородку.

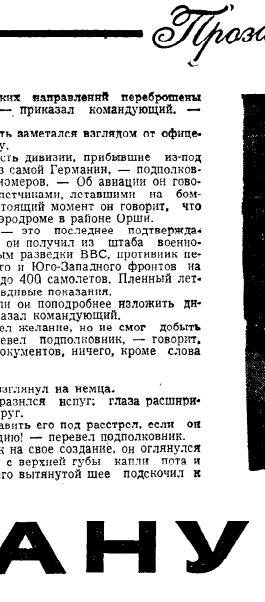


Рисунок С. КУПРИЯНОВА

Зингфогелю вспомнилось, что его самой прекрасной мальчишеской мечтой было получить на войне, когда он станет солдатом, Железный крест; он много и сладко, как и все в их школе, размышлял о военном подвиге и о завидной солдатской награде, даже написал на эту тему сочинение. Он увидел мысленно и свою школу, эту истинно прусскую школу, построенную еще королем Фридрихом II, старым Фрицем, желто-серую казарму с узкими окнами в мелком переплете, сводчатые каменные коридоры, почерневший от времени портрет Фридриха в автовом зале, найзеровскую каску в суконном чехле, которую принес однажды в класс их учитель истории, потерявший руку под Верденом, каменный, пропахший мочой и окурками нужник, где они собирались, чтобы покурить... Было невероятно глупо, конечно, что это детское мечтание о Железном кресте продолжало жить в нем, и когда он подрос и стал читать книги из библиотеки отца. Но и сейчас, в самую смятенную, самую безжалостную минуту, оно вновь ему блеснуло, бог весть зачем, как вспоминается, говорят, перед смертью все то, о чем напрасно мечталось в жизни. Ибо было уже несомненно, что он никогда не получит своего креста...

Подполковник попросил у командующего разрешения курить и, получив его, протянул Зингфогелю открытую коробку «Казбека».

— Бери, бери, не стесняйся! — подбодрил он «языка».

Но пальцы плохо повиновались Зингфогелю, он долго не мог уцепить папиросу, а когда наконец вытащил одну и стал разминать, она лопнула, и табак высыпался. Зингфогель прикусил губу, он испугался, что расплачется... Русский офицер, улыбаясь, закрыл коробку и положил ему на колени, отдавал ее всю целиком.

— Что еще он хотел бы нам сказать? Давайте, давайте, — поторопил командующий.

В других показаниях немца заслуживало внимания то, что руководство всей операцией поручено Кейтелю и Герингу. Становилось бесспорным, что Гитлер придавал новому наступлению решающее значение, торопясь закончить войну до зимних холодов. Кейтель и Геринг, по словам пленного, прилетели уже в Смоленск...

— Разрешите заметить, — возбужденно проговорил подполковник из разведки, — это что же получается? Фельдмаршала Бока побоку, так выходит? — не удержался он от каламбура.

Командующий не оценил, однако, его остроумия, даже не поглядел в его сторону.

— Пусть он сядет, я же разрешил, чего он всхакивает поминутно, — сказал недовольно командующий.

И когда пленный вновь принял свою напряженно-аккуратную позу: колени вместе, руки с набившейся под ногти землей на коленях, — он, не меняя недовольного тона, спросил:

— Почему у нас приземлился? Или с мотором что-нибудь?.. Осмотрели самолет?

— Самолет в абсолютном порядке — ни одной пробоины и горючего вполне хватало, — доложил подполковник. — Новенькая машина.

— Какие же у него были мотивы? А ну переведи ему! — приказал командующий. — Пусть не опасается!

В донесении, лежавшем перед ним, было сказано, что о причине своей добровольной посадки летчик говорить на допросе отказался. Он заявил, что открыть эту причину он может одному только командующему русскими войсками, ему он откроет и свое имя.

Но и сидя в кабинете командующего фронтом, пленный летчик не сразу отважился на признание. Он приседал было и, не произнеся ни слова, опять поспешно сел, вспомнив, что ему приказано сидеть. Может быть, его смущало присутствие третьего лица — переводчика? И командующий прикрикнул, повернувшись к подполковнику:

— Чего он танцует на стуле?! Переведи ему, что без тебя нам вообще будет трудно объясниться. Переведи, что мы не собираемся его выдавать.

Он взволнованное лицо пленного опять прометнулось страх — казалось, он увидел перед собой пропасть, и, словно бы бросаясь в нее, он выкрикнул:

— Ich bin Franz Singvogel!*

— Зингфогель? — переспросил командующий: эта немецкая фамилия ничего ему не сказала. — Ну и что же, что Зингфогель?

— Singvogel! — певчая птица, — перевел подполковник и улыбнулся: у него родился новый каламбур: «Послушаем, что ты споешь нам?»

Впрочем, в этот раз он поостерегся и счел за лучшее промолчать.

— Ich bin der Sohn von Karl Singvogel **, — прокричал летчик.

— Сын Карла Зингфогеля — понятно, — сказал командующий. — Давай дальше!

Ослабевшим, заикающимся голосом пленный стал рассказывать — он как будто лежал уже, разбившись, на дне пропасти. Но затем речь его убыстрилась, в ней зазвучали прерывистые ноты, и он опять все порывался вскочить, а его растопыренные пальцы вжимались в колени.

— Он говорит, что он немецкий патриот... И еще поясняет про честь солдата. Говорит, что он любит свой фатерланд... Но он не имеет никакого желания, чтобы в этой войне победил Гитлер... — едва поспевал со своим переводом подполковник. — Я был, говорит он, три дня в отпуске, дома... Я хоронил свою несчастную мать, я видел своего отца. У меня есть один уважаемый отец, он доктор философии, профессор... Он читает лекции по истории немецкой философии.— Но теперь он уже не читает лекций.

И далее из рассказа Франца Зингфогеля выяснилось, что его отцу грозит сейчас нечто худшее, чем увольнение из университета, и что только чиновные связи его родного брата — члена нацистской партии — спасали его пока.

— Данке... — через силу выговорил Зингфогель: он испытывал стыд и за свою неловкость, и за свои грязные пальцы, и за свой ужасный носовой платок, и за то, что он, как милость, принял эту коробку с папиросами, и за свою нетвердость, немужественность. Все уже было кончено, а значит, надо было держаться — он совершил лишь то, чего не мог не совершить.

— Чудак, Франц! — услышал он голос русского офицера. — Что голову повесил?..

Симпатия, которую чувствовал подполковник к этому во всех отношениях редкостному «языку», сделала его проницательным: с «языком» творилось неладное... И положив по-приятельски руку ему на плечо, подполковник сказал по-немецки, негромко, чтобы не помешать замолчавшему в раздумье командующему:

— Встряхнись-ка! Да ты сегодня для своего фатерлянда, может, больше сделал, чем когда-либо!.. И война для тебя кончилась, жив останешься — тоже не мелочь.

Зингфогель снизу поднял на русского офицера опасливо-искательные глаза: уж очень нуждался он сейчас в участии — пусть только в добром слове!

Подполковник чиркнул спичкой, дал ему прикурить. И Зингфогель с надеждой подумал, что и вправду, может быть, то, что произошло сегодня, было его, Зингфогеля, немецкого юноши, настоящим патриотическим подвигом.

Командующий, непонимяно смотревший куда-то мимо, позабыв уже, казалось, что в кабинете у него все еще находится пленный немец и подполковник из разведотдела. Подполковник осторожно покашлял, чтобы напомнить о том, и командующий нахмурился.

— Можешь увести Франца. Займитесь им там, покормите, пускай отдохнет, — распорядился он. — Переведи ему, что советское командование его благодарит и все, что надо, он в свое время получит. Идите!

Командующий, надо сказать, не держал уже в голове истории этого немецкого фельдфебеля. То, что его действительно интересовало: можно ли доверять показаниям пленного? — он для себя выяснил: немец производил впечатление искреннего человека, он не лгал. А отсюда следовало, что обстановка к началу сражения за Москву сложилась даже более невыгодная, более тяжелая, чем он, командующий фронтом, да и в Ставке Верховного Главнокомандования, оценивал ее. Подавляющий удар мог грянуть совсем скоро — 1 октября, — и нечего уже было думать что-либо существенно изменить в соотношении противостоящих здесь сил. Командующий потянулся к телефону, чтобы пригласить к себе члена Военного совета, и даже не бросил взгляда на уходивших подполковника и пленного летчика. Вперед, прижав руки к бедрам, шагал уставным шагом, вскидывая прямые ноги, Франц Зингфогель; подполковник шел вплотную к немцу.

На несколько минут командующий остался один... Самообладание, привычное для него, как походка, испытанное во многих критических положениях, покинуло его. С мечтательной яростью, с тем чувством, что день за днем в эти военные месяцы росло и кристаллизовалось, с тихим, душащим бешенством он выговорил:

— Мы разобьем их!..

Когда две недели назад его назначили сюда командовать фронтом на центральном, Московском направлении, он пережил честолюбивое удовлетворение. О, он вовсе не был равнодушен к чинам, к наградам, к воинской славе — воздержанный трезвенник, аскетически нетребовательный во всем другом. Но в эту минуту он освободился даже от своего честолюбия, умершего в его решимости, он был снова тем давним, неверотно упрямым, злым хлопцем в треухе с кумачовой звездой.

Члена Военного совета, вошедшего к нему, он встретил, прохаживаясь из угла в угол, — он был необычно для себя взволнован. Ответ на самый главный вопрос: «как, когда и чем?», искавшийся так долго от него, был наконец-то найден! Командующий не догадывался еще, что его отрешенная от всего личного решимость драться — везде, в любых условиях, в любой час, тем, что есть, — и была этим ответом.

— Будем готовить контрудар! — сказал он армейскому комиссару.

ПОЗДНЕЕ ночью командующий распорядился привести к нему пленного немецкого летчика, доставленного сегодня во фронтовой штаб. Этот немец вызывал к себе серьезный интерес. Перелетев на истребителе линию огня и углубившись несколько в наш тыл, он неожиданно посадил свою машину где-то на колхозном выгоне. И без сопротивления сдался бойцам строительного батальона и колхозницам, подбежавшим с огородов. Те его все-таки слегка потрепали, стащили с него шлем, порвали кожаную куртку, но он и тут только закрывался и увертывался. А на допросе в штабе батальона попросил отправить его в высший штаб, так как он, по его словам, имел сообщить нечто весьма важное: назвать свое имя он отказался. И действительно, как доложили командующему, сведения, полученные от этого летчика, были исключительно важными, если только они были правдивыми.

Сейчас на стоя-генерал-полковника лежало отпечатанное на машинке донесение с его показаниями, а перед столом в конусе света, падавшего с потолка от сильной верхней лампы, стоял он сам, фельдфебель германских военно-воздушных сил, — вытянувшись «смирно», прижав к тощим бедрам руки. Это был молодой, лет двадцати двух-двадцати трех парень того лишенного приметных черт облика, который называют спортивным; серое бесформенное лицо его масляно блестело от пота, губы часто беззвучно приоткрывались, и он был похож на бегуна-стайера, еле уже дышавшего на финише своего долгого бега.

— Переведи ему, он может сесть, — сказал командующий подполковнику из разведывательного отдела, который привел пленного. — Пусть сядет.

Подполковник перевел, показал на стул, и пленный, подождав немного, как бы не сразу уразумев, чего от него хотят, опустился нерешительно на сиденье. Составив вместе под прямым углом ноги, он симметрично положил на колени худые кисти рук, испачканные в земле.

Генерал-полковник снова пробежал глазами запись показаний пленного... Было не исключено, конечно, что летчик преувеличивал по причине собственного неточного знания; было возможно и то, что он перелетел с заданием ввести в заблуждение противную сторону, — такое объяснение тоже напрашивалось. Во всяком случае было трудно поверить, что для нового наступления немцы в кротчайший срок сосредоточили, по показаниям летчика, в армейской группе «Центр» ни много ни мало сто дивизий и до тысячи танков: дивизии были полностью укомплектованы, а с воздуха их поддерживал флот в тысячу самолетов, в том числе пятьсот бомбардировщиков. Данные разведки, имевшиеся у командующего, также говорили о том, что, нацелившись на Москву, враг собирался нанести нокаутирующий удар, после которого оставалось бы только «подчищать остатки». Но цифра — 100 дивизий — была все же малоправдоподобной. А день «Х», то есть день атаки, был уже, по сообщению пленного, известен — 1 октября. А это означало, что фронт, прикрывавший прямую дорогу к Москве, опаздывал с завершением всей подготовки к жестокой обороне.

— Спроси у него, — командующий обратился к подполковнику, но смотрел на пленного, — откуда ему, фендрику, все так хорошо известно? Или немецкое командование информирует о своих планах младший комсостав?

Подполковник, голубоглазый рыжеватый грузин в щегольском, обуженном в талии кителе, не скрывал своего отличного настроения. Никто не мог оспорить того, что ему первому посчастливилось получить эти особо ценные сведения, и он чувствовал себя их добавочным «автором». Вообще, этот буквально с неба свалившийся «язык» был дорогой находкой для разведки. И что-то похожее на симпатию, на ласку появлялось в голубых глазах подполковника, когда он смотрел на пленника.

— Мы у него тоже интересовались, откуда?.. — Подполковник словно бы обрадовался такому совпадению. — Фендрик поясняет, что у него есть хорошее знакомство в штабе корпуса. Он поясняет еще, что о близости генерального наступления знает вся немецкая армия.

— Переведи ему мой вопрос, — сказал командующий, — и его ответ — дословно.

Услышав вопрос по-немецки, пленный вскочил и, вновь окаменев в стойке «смирно», переведя взгляд от переводчика к командующему, быстро заговорил. Он догадывался, что русский генерал настроен подозрительно и, не уверенный в точности перевода, все возвышал голос, повторяя по нескольку раз одно и то же.

— Он говорит, что адъютант командира корпуса есть его лучший друг, — перевел подполковник. — Они из одного города, земляки по-нашему, из Кенигсберга. Говорит, что ему стало известно содержание секретной директивы, полученной в штабе корпуса. Директива подписана фельдмаршалом фон Боком, который есть командующий группой «Центр». Он поясняет, что готов ответить головой...

И подполковник опять обласкал глазами пленного летчика, довольный им, как охотник бывает доволен своим трофеем. Спохватившись, он потупился, краснеет, но, предпочитальнее было бы в данном случае, если б «язык» привраз в своих слишком тревожных показаниях.

Командующий всматривался в немца открыто и холодно: этот чересчур нервный, потеющий от волнения парень не походил, пожалуй, на агента, переброшенного для дезинформации — его трепет выглядел безыскусственным. Но кто его в конце концов знал? А то, что он сообщил, было почти невероятно: ведь и немцам совсем не дешево обошелся этот их марш на восток! Командующий отлично еще помнил недавние смоленские бои: солдаты, которыми он там командовал, навалили перед своими позициями целые горы гитлеровских гренадеров. Да и в приграничных боях, и на всем пути от Бреста к Москве немецкие армии непрерывно таяли — это не было прогулкой от Седана к Парижу... Откуда же, из какой прорвы взялись эти сто полных дивизий?

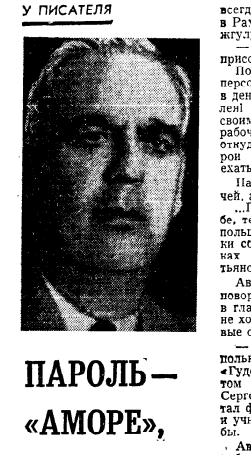
---

*Я — Франц Зингфогель.

**Я — сын Карла Зингфогеля.

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

ПАРОЛЬ — «АМОРЕ», ОТЗЫВ — «ДУЗЛИК»



КОГДА я позвонил Сулейману Велиеву, он ответил, что гостю всегда рад, да вот собрался в Раманы поздравить Оруджгулу...

— А что если вы ко мне присоединитесь?

Познакомиться с живым персонажем романа, притом в день его столетнего юбилея! И вообще — увидеть своими глазами это старое рабочее предместье Баку, откуда вышли главные герои писателя? Конечно, ехать!

На электричке до Сабунчей, а там — автобусом.

...Поселок стоял на отшибе, тем и привлекал подпольщиков: царские ищейки совались с ног в поисках большевистских «смутьянов»...

Автобус сделал крутой поворот, и сразу бросились в глаза крепость на вершине холма. Замелькали первые окраинные домики.

— Здесь помещалась подпольная редакция газеты «Гудок»... А вон, видите, в том домике с верандой — Серго Орджоникидзе работал фельдшером... Лечил — учил рабочих науке борьбы...

Автобус остановился на небольшой площади. Наконец добрались до дома Оруджгулу.

Увы, его не было на месте. Не оказалось его и на кладбище, куда он приходил, как на службу... где огораду исправит, где деревце польет». Мы стояли у двух ухоженных, одетых камнем холмиков, и Сулейман сказал, что это он, Оруджгулу, помог ему разыскать могилы родителей. Такую же услугу старик оказал Васифу, возвратившемуся после долгих странствий домой. Только это уж не в жизни, а в романе...

Мы остановились у гранитного постамента с лаконичной надписью: «Здесь лежит Аббас Алиджан ага. 1885—1945». Это и был сам Усатый ага, герой одноименной повести...

Отсюда я просматривался весь поселок из края в край, вместе с красным — прежним, вернее, остатками его, — того самого, из которого Сулейман некогда вместе с другими раманинскими мальчишками выплавлял нефть и отяжеленных от нее куликов и где потом юный герой повести «Кулик». Куда ни кинь взгляд, во все стороны уходит лес вышек. А вон и 11-й промысел, где работали отец писателя и сам он. Промысел странно безлюден, но качалки-«богомолки», подпрыгивая автоматике, неутомимо бьют поклоны земле, которая вот уже столетие отдает людям свое торючее добро...

И все-таки Оруджгулу повстречался нам. Я сразу узнал его по портрету из романа — сухопарый, на тонких ногах, в папахе, нахлобученной на самые брови... Он приветствовал Сулеймана точно теми же словами, какими встретил Васифа, героя «Узлов»: «Слава аллаху, вновь пошло тебе молоко матери...» Потом мы пили вино и чай с Оруджгулу и его сыновьями; мы обошли поселок вдоль и поперек, Сулейман показал мне дом, где жил, и школу, где учился, и другие памятные ему с детства места:

— Тут вы в гостях у меня...

Здесь он начинался как писатель, когда еще и не помышлял быть писателем. Начало, видимо, было в том, что рассказы отца, других старых рабочих и то, что виделось и волновало, сливалось в один живой, движущийся из прошлого в настоящее и в будущее поток жизни, которому не было конца-края. Люди старых Раманов, рабочие - революционеры, вставали как живые. С воздухом Аншерона, продуваемого ветрами времени, молодой Сулейман «всасывал» в себя ярость угнетенного рабочего человека и «хозяева жизни». Эта тема стала главной.

Ибиш-Кулик — любимый юный герой писателя; и эту его любовь к раманинскому Гаврошу разделили уже миллионы читателей. (Книжка выдержала несколько тиражей в Баку и в Москве, она вышла и в массовой «Школьной серии».) Мы спустились к озеру. «Вот отсюда примерно Фаррух выстрелил. Вон там волны сомкнулись над головой Ибиша. Я был потрясен. Может, это и заставило меня потом взяться за перо...»

Судьба провела писателя Сулеймана Велиева через годы войны и привела в горы Италии, к партизанам, свела с борцами Сопротивления: судьба эта повела его далее по дорогам стран Европы, Азии и «юного континента» — Африки, распахнула окно в мир, столкнула со многими людьми многих национальностей. И всюду вместе с ним были его герои — азербайджанские рабочие, люди сердечной доброты и большого мужества, рабочие-революционеры, поборники свободы, справедливости, братства. Писатель смотрел в широко открывшийся перед ним мир их глазами, оценивал людей и их поступки так, как оценили бы их они.

В романе «Триглав, Триглав...» С. Велиев показал интернациональное боевое, партизанское братство, сражающееся против своего злейшего врага — фашизма. Пафос романа — в воинствующем интернационализме. В центре — образы воюющих плечом к плечу народных мстителей — итальянцев, французов, югославов, чехов, поляков...

В очерке-воспоминании С. Велиева «Путь на родину» домой рвутся, как и он сам, его земляки-побратимы: Мирдамет Сейдов, соратник павшего в бою знаменитого партизана Михайло — Героя Советского Союза Мехти Гусейн-заде, Джебраил, Алигулу... Азербайджанцы, сражавшиеся в горах Триглава, они истосковались по родному краю. «Заметьте, — сказал Сулейман, — Аншерон на одной широте с югом Италии...»

Но путь на Родину проходил для них через земли и края других народов, жаждущих мира и свободы. Так близкой и необходимой стала тема национально-освободительного движения.

...«Поклон тебе земной, Сибирь» — уже самим этим названием очерка многое сказано. В послевоенные годы С. Велиеву довелось пожить и поработать несколько лет в Сибири. И с тех пор непреодолимо тянуло на берега Бодайбинки, в далекую таежную Сибирь, к далеким и ставшим навсегда близкими друзьям. О них Сулейман писал в «Правде»: «Это люди, с которыми хорошо делиться радостью, а в трудную минуту они всегда готовы прийти на помощь».

В Сибири бывали когда-то герои-раманинцы. Здесь был Мустафа из «Усатого аги» — один из тех, кто стоял на снегу под дулами винтовок в страшные минуты ленского расстрела...

Сулейман рассказывает:

— Среди павших на Лене был некий Муса из Шемахи... Некий... Но его кровь на снегу меня жгла... Как и гибель Ибиша от пули хозяйского сынка... Нет, ощущения подростка и взрослого не равноценны, конечно... Но после осознания их. Но я хочу сказать — и это мое глубокое убеждение — писатель, писательство начинаются с всмущения или восхищения, радости или удивления. Я бы сказал — с «ожога». Так, с ожога возмущения, которое потом смешалось с восхищением героями, начался я рассказ «Шалало» о жертвах ленского расстрела, о Мусе и его дружбе с русским рабочим-революционером Федором, о том, как смешалась их кровь в тот трагический день, «растопив белый сибирский снег».

— Задумал роман о сегодняшней Сибири, — рассказывает Сулейман и показывает мне письмо первого секретаря Тюменского обкома партии Бориса Евдокимовича Щербины. Это по поводу вышедшей недавно в Москве новой книги Сулеймана «Огни у Каспия»: «...мне известно, что в Азербайджане знают о вашем знаменитом земляке Фармаиле Салманове, человеке, который многое сделал для открытия тюменской нефти. Человек очень интересный и заслуживает того, чтобы на примере его жизни вдохновлялось молодое поколение. И, наверное, вам, патриоту нефти, стоит вдохнуть аромат сибирского «черного золота»...»

Сулейман загорелся: надо ехать в Сибирь!..

Мы стоим с Сулейманом у подножия Агаг-гаясы и говорим о Васифе — герое его последнего романа «Узлы».

— Васиф для меня — это живое опровержение жадно и суетно «спешащего жить» Балахана, его жизненной философии. «Кто в сорок ползать начинает, в гробу лишь на ноги встанет». Васиф — это верность священным традициям, умение нести рабочую революционную эстафету, решительно ли в чем и нет, где не оступаясь. Это не просто. Даже такому сильному, цельному человеку, как мой Васиф. Пароль — «Аморе», отзыв — «Дузлик» («Любовь» — «Верность»). Так мы приветствовали друг друга в партизанском отряде. Шутя. И все же всерьез. Верность — всегда труд, напряженное развязывание «узлов», всегда борьба...

Вал. БОГУСЛАВСКИЙ

Евг. ГАБРИЛОВИЧ

ЧЕЛОВЕК—КРУПНЫМ ПЛАНОМ

За ленинской строкой. Заметки кинодраматурга

Спектакль о Всеволоде Вишневском

С выставки в Саранске. Картина молодого художника

Лето — пора гастролей

МНЕ кажется, я отчетливо представляю себе этот осенний вечер 1920 года. День, как всегда, был забит до отказа. Ленин вернулся к себе в кремлевскую квартиру поздно. В столовой он застал гостей — Клару Цеткин вела оживленный разговор об искусстве, народном просвещении, образовании с М. И. Ульяновой и Н. К. Крупской.

«Кто-то из нас — я не помню, кто именно, — пишет Клара Цеткин, — заговорил по поводу некоторых особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента».

Можно предположить, что здесь речь шла о широко распространившихся в первые послереволюционные годы массовых зрелищах, массовых празднествах, где при огромных стечениях народа разыгрывались живые картины на темы революции или истории мировой освободительной борьбы. «Улицы — наши кисти. Площади — наши палитры». Вот в разгаре этой беседы об искусстве, обусловленном историческим моментом жизни, Ленин и высказал свое замечание по поводу подлинно великого искусства и зрелища.

«Многие искренне убеждены в том, — говорил Ленин, — что panem et circenses («хлеба и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ,—пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелище — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение... Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Великого искусства достойны те, кто совершил революцию. Они получили право на могучее искусство, созвучное величию их дел.

Однако этим правом нужно еще научиться пользоваться. И, продолжая свою мысль, Ленин говорит: «Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, — конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен».

Это ли не программа культурной революции в стране?! Нам постоянно следует помнить об этой ленинской постановке проблемы эстетического и нравственного воспитания народа.

КИНЕМАТОГРАФ родился как зрелище. Когда в балагане на ярмарке перед людьми впервые ожили фотографии, не могло быть и речи об искусстве кино. Прошли годы, десятилетия...

Кинематограф вырос в гиганта. Но одновременно — странное дело! — мы видим, как в наши дни режиссеры и сценаристы все чаще и чаще осуществляют фильмы, особенно телевизионные, где главным являются приключения, где авантюрная фабула становится принципом и магистралью.

Конечно, есть среди этих фильмов хорошие и даже очень хорошие, нужные и даже весьма, но самое их количество, сила напора настораживают. Такие фильмы зритель щелкает, как семечки, сюет, словно «эскимо», «Прошвырнемся в кинешку!»

Как совместить это с ленинской формулой о великом искусстве?

Мне думается, что истинное глубокое просвещение масс — то, о чем мечтал Ленин,— по силам только кинематографу больших размышлений, пламенного кипения чувств, партийно яркому, убедительному, высокочеловеческому, интересному характерами и сюжетом. Именно фильмы этого рода нам, людям советского кинематографа, надо задумывать, расти, выполнять, поднимать, не поддаваясь инфекции поверхностной зрелищности.

Пусть будут в таких фильмах и ухабы — не все дается сразу, легко и гладко в искусстве. Но это та кровь и плоть, та душа бурлящей, преображающейся и сложной жизни, из самой сердцевины которой и восходит по-настоящему действенная пропаганда ленинских идей.

КОГДА-ТО, на заре кино, Ленин назвал его важнейшим из искусств. Слабость фильмов тех лет очевидна. Но уже тогда Ленин предвидел огромное будущее рождающегося искусства. Всего немногим более года отделяет эти ленинские слова о кино от беседы с Кларой Цеткин. Мне кажется, что между этими двумя высказываниями существует некая внутренняя связь. Важнейшее из искусств не может не быть великим искусством, не может быть щекальцем зрелищных однодневок. И важнейшее из искусств — тоже. Подлинное революционное искусство—это искусство великого биения мысли, неповторимых характеров, пронзительной зоркости художника, разглядывающего не только поверхность событий и человека, но берущего далеко, в глубину. Великое искусство—это как бы второе и третье зрение, свойственное подлинному художнику и переданное им зрителю.

И хочется видеть великое и важнейшее из искусств таким, где интерес зрителя держался бы не на хитрых, но в общем-то давно прототипных сплетениях сюжета, а на исследовании сложных движений души и раздумий нашего человека, свершающего истинный подвиг на ленинском пути. Увидеть подвиг! Но подвиг, на внешне показанный, найденный, так сказать, первым зрением, а подвиг во всем его оркестровом звучании, где и валторны, и флейты, и радости, и волнения, и тысячи споров, и тысячи вспышек, и много разных людей, по-разному думающих, по-разному спорящих, и много разных явлений, по-новому замеченных автором и разъясненных.

Как мечтается, чтобы фабула фильмов (хотя бы порой) стронулась на ретоборе мысли, и зритель следил и участвовал бы в этой схватке. Как хочется видеть во всю ширь экрана не только удивительно снятые пейзажи, бои и погони, но просто двоих людей — просто так разговаривающих друг с другом обо всем, может быть, и не имеющем прямой связи с сюжетом. Обо всем — о современной жизни, об окружающем нас мире, о детях, о смерти, о знании, о том, что такое успех и что такое провал, о том, как прошел день, что принес, что уйес и на какие навел раздумья. Нежинематографичной Ложь! Удивительно кинематографично — сделайте только так, чтобы звучала с экрана не глупая трескотня, а МЫСЛЬ. И чтобы мысль хватала за сердце. И зритель валом повалил на такой фильм — не меньше, чем на «погони».

Сделайте! Надо сделать! Ведь это важнейшее из искусств: так сказал Ленин.

Мысль на экране скомпонтеровал западный интеллектуальный кинематограф, стремившийся передать не только визуально, пластически — невнятный монтаж, иллюзорность кадров, внезапные переходы от прошлого к будущему, от действительности к снам. Но это жизнь мозга (пусть не всегда здорового), а не жизнь мысли. Мысль же, выраженная словами, есть величайшее оружие кинематографа, оружие только-только вступающее в силу. И притом, как смею думать, оружие именно ленинского кинематографа.

МНЕ кажется очень важным в этой связи в первую очередь поговорить о писателе в кино. Их сегодня мало, нитчожно мало, для доводимого кинематографических писателей! А без высокой литературы (кинематографической литературы) не может полнокровно существовать важнейшее из искусств.

Самостоятельная литература нужна кино, как воздух. Глубинное зрение кинематографического писателя, умеющего свободно распоряжаться всеми огромными средствами экрана, должно вскрывать те процессы жизни, свершить те открытия, которые затем передут в лабораторию режиссера и актера. Только так расширяется амплитуда кино, и только так могут родиться фильмы, способные встать в один ряд с большими произведениями литературы.

Основная невзгода нашего кино — это пренебрежение режиссуры к литературной теме сценария, неколебимая уверенность в том, что любой режиссер вправе кромсать, изменять сценарии по своей воле. И уж, конечно, писать его для себя.

Это словно бы сбивает кинодраматурга с ног и какую внутреннюю заставляет его считать свое дело литературой второго сорта. А должно быть в советском кино это делом самой высокой пробы и должны работать здесь писатели сильнейших масштабов, больших мыслей и зорких глаз. Писатели кинематографа! — подчеркиваю этот термин, чтобы не спутали их с теми, которым все равно о чем и как писать для экрана.

Я на своем веку повидал многих выдающихся деятелей кино. Мне доводилось встречаться с В. Пудовкиным и А. Довженко, я работал с М. Роммом, С. Юткевичем, Ю. Райзманом. Я видел, как стремились они привести кино в большой мир глубоких страстей, больших конфликтов, значительных характеров, влить кино в русло великих искусств. Только на этом пути мы сможем выполнить еще один важнейший завет Ленина, высказанный в беседе с Луначарским.

Мы будем вести художественную пропаганду наших идей в форме увлекательных картин, увлекательных масштабом мыслей, силой проникновения в существо проблем, а не поверхностной увлекательностью ловких сюжетных ходов и положений.

ЛЕНИН редко говорил об искусстве. Луначарский писал, что «у Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством... и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве». В тех случаях, когда он касался проблем культуры, он избегал оценок конкретных произведений и чаще всего говорил об общих тенденциях развития, предъявляя искусству счет коммуниста, политика, вождя.

Ленин всегда принципиально — но при этом всегда бережно! — относился к индивидуальности художника, его духовному миру. Это важно для каждого из нас — писателя, режиссера, актера, и, конечно, в первую очередь важно для критиков, наших судей и товарищей.

Мне посчастливилось работать над двумя фильмами о Ленине. Я часто обращался к ленинским произведениям, письмам, к воспоминаниям тех, кто встречался с Лениным. И меня всегда поражали ленинская последовательность в отстаивании позиций, ленинская принципиальность и ленинская скромность. Эти замечательные человеческие качества Ильича должны стать таким же драгоценным нашим достоянием, как его великие произведения.

Сцена из спектакля «У времени в плену». Сысоев — А. Папанов, Всеволод — А. Миронов

Фото Н. ТКАЧЕНКО

Всеволод АЗАРОВ

«ГЛЯДИ ВЕСЕЛЕЙ, РЕВОЛЮЦИЯ!»

АЛЕКСАНДР Штейн написал и Валентин Плучек поставил в Московском театре сатиры пьесу «У времени в плену» с двумя подзаголовками — «Художник и революция» и «Фантазии на темы Вс. Вишневского в двух частях».

Да, это пьеса о Всеволоде Вишневском, известном советском писателе, и о времени, в котором он жил.

Александр Штейн, хорошо знавший Вишневского в мирные, предвоенные годы, по фронту и после победного 1945-го, разрешил в своем произведении сложную задачу. Он поставил в один ряд Вишневского, близких ему людей — тех, кого тысячи читателей, зрителей, знакомых с творчеством писателя, знают по его пьесам «Первая Конная» и «Оптимистическая трагедия», кинофильму «Мы из Кронштадта», блокадным дневникам, раненочем.

Вишневский жил в своих книгах не только как летописец, но и как боец Октября, сражался и погибал вместе со своими героями для того, чтобы мы могли жить вместе с ними в памяти будущих поколений.

В декабре этого года ему исполнилось бы 70 лет.

Творчество писателя-патриота продолжало свою бурную, беспокойную жизнь. По его сценариям снимались фильмы, ставились пьесы, появлялись одни за другим шесть томов собрания сочинений, монографии о его творчестве. Ленинских премий удостаивались воплощатели его творчества на театральной сцене.

Пьеса Александра Штейна не только знакомит зрителя с, возможно, неизвестными ему примечательными обстоятельствами жизни одного из зачинателей отечественной литературы, с героями его произведений, произведений мужества и подвига. «У времени в плену» вводит этих героев в будущее, братает их с людьми наших дней.

Вы помните, как кончается «Оптимистическая трагедия»?

«Держите марку военного флота...» — говорит своим бойцам, умирая, женщина-комиссар. «Комиссар мертв. Полк головы обнажил... Солнце отражается в глазах. Сверкают золотые имена кораблей... Ритмы полка. Они зовут в бой, в них мощь, они понятны и не вызывают колебаний».

Такое же чувство испытываешь, когда на сценукораблъ к Вишневскому и его товарищам поднимаются молодые военные моряки, смена семидесятых годов, гордые наследники революционных традиций. Это те, кто только что участвовал в славных маневрах Военно-Морского Флота «Океан».

Те, для кого и сегодня Комиссар и воспевший его автор «Оптимистической трагедии» — старшие сестра и брат, только чуточку старше; ведь они и бессмертное время первых революционных лет никогда не стареют.

«Гляди веселей, революция», — просили парни с Черного моря, погибая.» Эти слова Всеволода Вишневского вспомнились мне на премьере, и понимаешь, чувствуешь сердцем, почему эта пьеса, совсем не веселая, в которой столько смерей, по праву поставлена на Московском театром сатиры.

Две войны, которые знало поколение Вишневского и не знало уже мое, — империалистическая, гражданская, и те, что уже на нашей общей памяти, — испанская, Халхин-Гол, финская, Отечественная, ленинградская блокада. — все нахлынуло вмиг, пришло вместе с Всеволодом, другом, боевым товарищем.

В пьесе живут два Всеволода: взрослый и Всеволод Маленький, солдатик первой мировой войны.

Таланту актеров А. Миронова (взрослый Всеволод) и Б. Галкина (Всеволод Маленький) мы благодарны за проникновенно угаданный характер Вишневского, тактично и достоверно донесенный до зрителя.

Подросток с его сперва полудетским восприятием войны — и рано созревший в испытаниях, сгоревший в них писатель и воин введены А. Штейном в пьесу естественно. Их речь не авторитатна, хотя почти в каждой реплике, в воспоминании и переживаниях — то, что когда-то сказал в полный голос, а когда-то скупо обронил сам Вишневский.

Владимир Маяковский, предваряя вторую редакцию пьесы «Мистерия-буффъ», писал: «В будущем все играющие, стаявшие, читающие, печатающие «Мистерию-буффъ», сменяют содержание, — делайте содержание ее современным, сегодняшним, сиюминутным».

Александр Штейн, как бы воспользовавшись молчаливым согласием Всеволода Вишневского, приблизил его героев к нам, ввел в наше время, додумал и досказал их судьбу.

Это относится в первую очередь к солдату Егору Сысоеву, учителю и пастаиньку маленького Всеволода (Сысоев уже появлялся и действовал в пьесе «Первая Конная»).

Роль Егора Сысоева замечательно исполняет А. Папанов.

В пьесе «У времени в плену» путь Сысоева неотделим от пути Вишневского на всем протяжении их жизни.

В ленинградской блокаде, в исторические часы капитуляции фашистской Германии товарищ Всеволода по окопам первой империалистической войны делит с ним горе, радость, все испытания.

Сысоев—Папанов мудр и человечен. Не месть царскому офицеру, поставившему его на бруствер под немецкие пули, руководит им, а классовая справедливость. Сысоев—карауьный в парке Царского Села (здесь А. Штейном великолепно использованы для характеристики сатирические решения из «Войны» Вишневского) и Сысоев — прославленный военачальник Советской Армии вылеплены А. Папановым из одного материала. Но какая грань времени отделяет эти близкие и в то же время такие разные образы!

А комиссар Лариса (ее играет актриса Т. Нацкович)—насколько естественно ее существование в спектакле? Здесь разговор особый. Может быть, она слишком юна, моложе Ларисы Рейснер, огненные слова которой произносит, поступкам следует? Молодой артистке с этой ролью нелегко.

И здесь мы вступаем в область противоречий между автором пьесы «У времени в плену» и тем, кому эта пьеса посвящена.

Если следовать аналогии взаимоотношений Ларисы и Всеволода — Комиссара и Алексея в «Оптимистической трагедии», становится ясно, что в пьесе самого Вишневского они мотивированы точнее, чем в произведении о нем. Согласимся, что в том и в другом случае мы имеем дело с фантазией, выдуманной художника. Но и там, и здесь выдумка должна воплощаться на реальной основе.

Не мог и не должен Всеволод, стараясь постичь духовную суть Ларисы, бороваться на ее связи с камерным миром поэзии, откуда она ушла на взбудоленные вихрем революции волжские просторы.

Не мог по двум причинам. Первая: потому что он ушел на фронт Всеволодом Маленьким, читав шим тогда совсем другие книги — Купера, Станюковича... А потом в огненном горниле фронта и Октября ему было подавно не до стихов модных тогда поэтов.

И вторая, наиболее существенная: Александру Штейну, вводящему в пьесу отрывки из «Фронта» Ларисы Рейснер, художника, порвавшего с буржуазным миром, отдавшего жизнь за революцию, должно быть памятно, с какой непримиримой ненавистью говорила она в том же «Фронте» об эстетах из «Аполлона»... «Они же ненавидят нос от революции. Говорить такие пошлые, первобытные слова, как «героизм» — «братство народов» — «самоотвержение» — «убит на посту»! Ах, да не только говорить, но и делать все эти грубо-прекрасные вещи...»

И вспоминать о своем дворянском происхождении (кстати, отец Вишневского был не наследственным дворянином) Всеволодам большому и маленькому на фронтах империалистической и гражданской войн вряд ли приходилось.

Вот солдатского своего «Георгия» за храбрость он с гордостью носил и в ленинградской блокаде.

И еще одна особенность спектакля — песни.

В пьесе «У времени в плену», как и в фильме «Мы из Кронштадта», тоже есть маленький оркестрик. Музыка и стихи Булата Окуджавы. Кажется, все на месте. И, думается, все же — все не так. Может быть, потому, что песня из другого времени. Но ведь моряки 1970 года тоже из него. «Пі командиры все охрипли... Тогда командовал людьми надежды маленький оркестрик под управлением любви...»

А ведь десант шел на смерть, оставляя матерей, любимых.

И Скиталец морей, матрос, пришедший в пьесу Штейна из фильма (эту роль прекрасно исполняет Б. Новиков), говорит своей матери (Т. Пельтцер): «Вы опять меня, мамаша... дискредитируете...»

«Под управлением любви...» Нет, здесь нужна другая нота. Она звучит для нас и для того времени словами поэта: «Но ненавидеть ставь сначала, а после верь любовь!»

На сцене мы видим мать и отца Всеволода, его жену Соню, Ольгу — поэтессу, чьи стихи «Ваня-Коммунисть звучат как реквием. В спектакле много актерских удач, много выдумки у В. Левенталя, художника. Но главную победу здесь одержала тут, творчеству и боевой жизни которого посвящена пьеса.

«Пока мы все — на обоих полушариях — в плену у времени. У нас, в СССР, все отдано революционной эпохе». Это эпиграф из дневника Всеволода Вишневского, цитируемый в пьесе отрывки из «Фронта» Ларисы Рейснер, художника, порвавшего с буржуазным миром, отдавшего жизнь за революцию, должно быть памятно, с какой непримиримой ненавистью говорила она в том же «Фронте» об эстетах из «Аполлона»... «Они же ненавидят нос от революции. Говорить такие пошлые, первобытные слова, как «героизм» — «братство народов» — «самоотвержение» — «убит на посту»! Ах, да не только говорить, но и делать все эти грубо-прекрасные вещи...»

И вспоминать о своем дворянском происхождении (кстати, отец Вишневского был не наследственным дворянином) Всеволодам большому и маленькому на фронтах империалистической и гражданской войн вряд ли приходилось.

ВЕРНИСАЖ «ЛГ»

ПОРТРЕТ СТАРЕЙШИХ

На республиканской выставке произведений самодеятельности Мордовии были представлены работы различных жанров. Многие темы волнуют художников республики — о событиях прошлых лет и о свершениях наших дней повествуют их полотна, скульптуры, графические листы. Здесь мне хочется рассказать об одной картине из показанных на выставке, о картине В. Попкова «Наши деды».

На полотне художника изображены пятеро стариков. Это патриархи мордовской деревни. Вместе им, наверное, за три сотни лет. Но годами не измеришь жизненный путь, пройденный каждым: война, гражданский, Октябрь, годы войны, строительство новой жизни в деревне... И все это на их плечах, их руках. Стоят пятеро стариков в своей деревне, на своей знакомой обрамышлина улице, стоят словно посередине всей земли, которой они отдали всю силу свою, всю жизнь. А она их за это наградила мудростью.

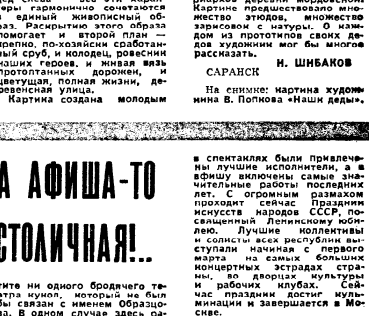
Каждый из этих стариков — характер своеобразный. И неторопливый, рассудительный седобородый в шапке, и сарастический сосед справа, и вьедливый насмешник в полувоенном костюме, и настороженный, «себе на уме» старик в коричневой рубахе, и созерцательный, задумчивый дед слева — все эти характеры гармонично сочетаются в единый живописный образ. Раскрытию этого образа помогает и второй план — молотки, полезайки сработанный суб, и колодец, ровесник наших героев, и живая ваза протопленных дорожек, и цветущая, полная жизни, деревенская улица.

Картина создана молодым художником В. Попковым, шесть лет назад окончившим Казанское художественное училище. Попков вхож в дома по Мордовии. Его привлекли образы старшин — этих патриархов деревни мордовской. Картине предшествовало множество этюдов, множество зарисовок с натуры. С каждым из прототипов своих героев художники мог бы многое рассказать.

Н. ШИБАКОВ

САРАНСК

На снимке: картина художника В. Попкова «Наши деды».



А АФИША-ТО СТОЛИЧНАЯ!..

В РЕДАКЦИЮ пришло письмо из Перми от читательницы, которая просила не называть ее фамилию.

«...Я люблю театр и каждое лето стараюсь использовать для встречи с лучшими гастролерами, а в Пермь приезжают многие известные коллективы, в том числе и московские. Посмотрели бы вы, с каким трудом достаются нам театральные билеты. И как обидно бывает, если после представления чувствуешь, что тебя надули: вывесена-то столичная, а спектакль самый что ни на есть провинциальный. На улицах строят целые рекламные города с портретами кинозвезд в театральных постановках... Кстати, потом оказывается, что звезды-то как раз и не представали. «Гастроли — не коммерческое мероприятие, а творческий отчет», — обычно пишут и говорят руководители театров, предваряя нашу встречу. А на деле выходит наоборот.

Заинтересовавшись историей вопроса, направляюсь в Библиографический кабинет ВТО — уникальное заведение, где можно узнать себя в самые невероятные, но при этом самые точные сведения. Выбираю наугад данные по времени публикации.

Вот что писал Н. Смирнов-Сокольский, не утратив своей, вернувшись из гастрольной поездки по стране: «Примадонна Ольга Зимина, давшая самостоятельный концерт в сравнительно большом южном городе, произвела впечатление, что Опера Зимина в Москве — на Садовой... Она нам-то дорогуша — эта провинция. Терпеливая... Впрочем, о некоторых городах предупреждаю:

— Вы туда не езжайте, там теперь — Шаляпин сбора не сделает.

— Почему? — спрашиваю...

— Помилуйте, Гельцер обявила, а вместо нее девушку какую-то выпустили. Потом дорожки — сестра «свой»...

Теперь ниному там не верят...»

Листаю дальше. Беру журнал «Современный театр» за 1928 год. Здесь помещена подборка писем зрителей под рубрикой «За качество театра на курортах». Речь идет о том, что московские театры, приезжая летом в курортные города, ставят пустяковые пьесы, идя на поводу у невзыскательной части зрителей: «Не могу, товарищи дорогие, ориентируетесь?...» — спрашивает автор одного из писем.

Самое удивительное, что вопрос этот ежегодно варьируется на страницах наших газет.

То, о чем писал Н. Смирнов-Сокольский, не утратило своей злободневности. Нет в Москве Оперы Зимина. Но почти каждый артист-москвич, выезжающий на гастроли, оказывается ученником Станиславского или Немировича-Данченко. А уж балерины — все любимицы Улановой. Вы не встретите ни одного бродячего театра-шоу, который не был бы связан с именем образцовым. В одном случае здесь работают его ближайшие сотрудники, в другом — Сергей Владимирович является автором нужд...

Самые сиромные (и осторожные) именуют себя просто артистами из Москвы. Знай, какое доверие существует у нас по всему столичному. Слышем, как-то казахстанская газета «Ленинское знамя» информировала жителей Петропавловска о гастролях московских артистов, выступающих от... «Академии сценического искусства». Я не видел их выступления, но не могу понять, для чего уравнивать себя в глазах никам уподобляться ансамблю цыган заполярной филармонии, уравнивать себя в «Необыкновенном концерте»?

Коль скоро мы заговорили о цыганах, то хочу вспомнить статью С. Григорьева «Аплодисменты разные бывают», опубликованную в газете «Камчатская правда». Автор рассказывает об огромном интересе, проявленном дальневосточниками к гастролям Московского театра «Ромэн». Каково же оказалось всеобщее разочарование, когда выяснилось, что вместо большого коллектива в Петропавловск-на-Камчатке приехала небольшая группа далеко не лучших актеров этого широко известного театра.

Практика «малых» гастролей, когда театр привозит два-три спектакля, в последние годы стала системой. А они заслуживают поддержки, но при условии, что театры к ним будут относиться серьезно. В феврале этого года газета «Правда», подводя итоги выступлениям Малого театра в Рязани, справедливо писала: «Жаль, что мы не увидели пьес русских классиков, в частности А. Островского...»

Как правило, московские театры приезжают на гастроли в полном составе. Объективности ради следует отметить, что многие из них, особенно в последнее время, подали блистательный пример рыцарского служения искусству. Достаточно вспомнить успешные выступления старейшего Большого театра в Ташкенте или молодого «Современника» в Ульяновске, чтобы убедиться в этом. Обе коллектива посвятили свои гастроли 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и поэтому готовили их с особой тщательностью. Для участия в спектаклях были привлечены лучшие исполнители, а в афишу включены самые значительные работы последних лет. С огромным размахом проходит сейчас Праздник искусств народов СССР, посвященный Ленинскому юбилею. Лучшие коллективы «солнечных» республик выступали начиная с первого марта на самых больших концертных площадках страны, во дворцах культуры и рабочих клубах. Сейчас праздники достигают кульминации и завершается в Москве.

Однако бывает и другое. Если в столице коллективы, как правило, играют ежедневно по одному спектаклю, то, оказавшись за пределами Москвы, иные «пропахтывают» по два, а то и по три представления каждый вечер. Легко ли это? А нам не заметны и вовсе (а с ними и Потеря) бывают подобные «трилели»?

Помимо того, театры, которые постоянно работают в столице, с московским паспортом лишь существуют в стране около десяти коллективов, специально для гастрольной деятельности созданных.

Я приведу отзывы о деятельности одного из них — Гастрольного театра комедии. «Аплеллируя к самой невзыскательной части публики, театр благополучно проводит свои представления до конца и закрывает занавес под жиденькие, вежливые аплодисменты, ...В той борьбе за подлинно художественные вкусы зрителей, которую все мы ведем изо дня в день, Московский гастрольный театр комедии, вовсе не умеющий, а числом... оказал нам отнюдь не дружественную услугу. А результаты этого визита придется исправлять долгими зимними вечерами всем театрам Свердловска сообща», — пишет критик Я. Тубин в газете «Вечерний Свердловск».

Наступило лето. Театры отправляются на гастроли. Любой столичный коллектив, выезжая на гастроли, оказывается в центре внимания; иначе и быть не может. Как бы ни была своеобразна индивидуальность каждого театра, есть нечто общее, что позволяет говорить нам о московской театральной культуре как о чем-то едином. Вот почему так высоки требования, которые предъявляются к московским театрам, репертуару, режиссуре и исполнительскому мастерству любого коллектива, призванного быть полпредом искусства столицы. Необходимо создать такую обстановку общественную атмосферу, при которой подобные «гастроли» были бы невозможны. И это важном государственном деле большую помощь Министерству культуры СССР могло бы оказать и ВТО, собравшее в этом году в Москве на свой очередной съезд.

Гастроли — это и в самом деле великолепное испытание. И только так их нужно рассматривать.

Б. ПОЮРОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

НА ПЕРВЫХ СТРАНИЦАХ

Ярослав КОРЖИНЕК, чехословацкий журналист

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

«В жизни народа бывают исторические дни, которые поистине незабываемы, — писала недавно «Руде право».

К таким выдающимся событиям, бесспорно, относится пребывание партийно-правительственной делегации СССР в социалистической Чехословакии. Прага приняла посланцев великого и миролюбивого советского народа в открытые горячо объятия, как своих самых дорогих друзей и братьев. Дружеская атмосфера, которая окружала советских гостей, достигла высшей точки на праздничном митинге жителей Праги, которые пришли сюда, чтобы выразить свое отношение к нашему самому близкому, самому искреннему и самому верному союзнику. Высшее волеизъявление и стремление нашего народа выражены в торжественном Послании, принятом участниками манифестации в Пражском Граде, как горячий боевой привет и благодарность всему советскому народу за все то доброе, чем он и в прошлом, и в настоящем помогал и помогает нашему народу.

Эти отношения подлинной дружбы убедительно выражены в подписанном Договоре, который обеспечивает длительное плодотворное сотрудничество с испытанным другом и братом, каким для нас является Советский Союз.

Новый Договор сохраняет все положительное из прошлых лет, одновременно закрепляя те изменения, которые произошли в развитии Чехословакии и всего социалистического общества.

Визит советской делегации и подписание Договора совпали с большой и славной годовщиной—25-летием освобождения Чехословакии Советской Армией. Это придало юбилейным праздникам особую значимость и торжественность. Память возвращала людей к маю 1945 года, когда советские воины победоносно завершили Великую Отечественную войну, а вместе с ней и освобождение Чехословакии от фашистской неволи. Эта свобода оплачена жизнью 150 тысяч советских воинов. «Мы никогда не забудем,— сказал в своем докладе на торжественном заседании в Пражском Граде Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, — неисчислимы жертвы, которые советский народ принес во имя спасения наших народов и их свободы».

В эти дни по всей стране жители городов и сел отдавали дань уважения героизму советских освободителей, чтили память павших воинов.

ПРАГА. (По телетайпу)

ЖЕРТВЫ АГРЕССИИ В КАМБОДЖЕ...

...И ТЕРРОРА В США...

Вильям Шредер, Элисон Краус, Санди Ли Шенер и Джефри Миллер — студенты Кентского университета (штат Огайо), убитые солдатами национальной гвардии во время разгона демонстрации протеста против американского вторжения в Камбоджу.

Снимки Юнайтед Пресс Интернешнл

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ

«ДЕЙЛИ МИРРОР»: К ВЛАСТИ В США ПРИШЛИ ВОЕННЫЕ

Английская газета «Дейли миррор» поместила статью Джона Пилджера, по-своему комментирующую события в США. Статья печатается с сокращениями.

Что же действительно происходит в Индокитае?

Почему Америка вторглась в Камбоджу?

Почему убиты четыре студента в Огайо?

Ответ на это надо искать не в Азии, а в самой Америке, где за последние дни потихоньку и неизбежно сменилась власть.

Вторжение американцев в Камбоджу — это лишь одно из звеньев в цепи событий, которое равнозначно захвату военными власти в Вашингтоне — акту, беспрецедентному в современной истории.

Однако сначала давайте оглянемся назад...

Инициатором решения вторгнуться в Камбоджу является генерал Уильям Уэстморленд, начальник штаба армии, который был командующим американскими вооруженными силами во Вьетнаме до тех пор, пока президент Джонсон не снял его с этого поста.

Генерал Уэстморленд — это типичный американский генерал. Он уже давно является глашатаем тотальной войны в Индокитае: преследования «противника» до Ханоя... Его кумир — покойный генерал Дуглас Макартур, который хотел перенести корейскую войну на территорию Китая и пустить в ход ядерное оружие. Президент Трумэн уволил Макартура в отставку за его опасные замыслы.

Как будто по совпадению, одним из наиболее громогласных сторонников идеи генерала Макартура о сбрасывании бомбы на Китай был еще неопытный тогда сенатор по имени Ричард Никсон.

У Никсона был и по-прежнему сохраняется особый интерес к Азии.

В 1954 году, как сообщали в то время вашингтонские газеты, Никсон, занимавший тогда пост вице-президента, побеспокоил президента Эйзенхауэра в его гольф-клубе, чтобы проинформировать о том, что он «предварительно» одобрил план Комитета начальников штабов сбросить атомную бомбу на Вьетнам (предшественник Вьетконга), бойцы которого готовились к разгрому французской крепости Дьенбьенфу.

Этот план Никсона и генералов был уже настолько хорошо разработан, что президент Эйзенхауэр, как сообщали, преднамеренно организовал «утечку» этого сообщения в печать, чтобы дискредитировать этот план и помешать вице-президенту и его военным друзьям зажечь третью мировую войну.

В годы правления президента Кеннеди Пентагон начал наращивать свою сеть «офицеров связи с законодательными органами», то есть, другими словами, лоббистов, задачей которых было и по-прежнему остается соблазнять политических деятелей большими военными контрактами в обмен на их голоса в палате представителей и в сенате.

При Кеннеди, Джонсоне и Никсоне эти военные «администраторы» конгресса весьма успешно справляются со своим делом.

Азию поддерживают в состоянии кипения... 40 центов из каждого доллара национального бюджета идут на создание все новых и новых партий оружия и на испытания большего числа ядерных бомб, чем когда-либо раньше.

Влияние Пентагона тем временем возрастает. Сейчас на долю Пентагона приходится половина всех государственных служащих, а его контракты обеспечивают существование примерно 22 000 компаний, выпускающих оружие, и на деньги Пентагона кормится один из каждых пяти американцев.

И все это время круг власть имущих сокращался. К 1968 году 44 миллиарда долларов, потраченных на вооружение, достались всего лишь 110 компаниям. В правлениях этих компаний заседают 2 200 генералов и адмиралов.

Однако в марте 1968 года генералы потерпели неожиданную неудачу.

Группа самых влиятельных людей в Америке изменила свое отношение к войне. Эта группа называлась старшей консультативной группой по Вьетнаму и представляла священную крепость — Уолл-стрит.

На заседании в Нью-Йорке, продолжавшемся два дня и одну ночь, члены этой группы проголосовали за то, чтобы уведомить президента о своем решении противодействовать этой войне. Две недели спустя президент Джонсон с неохотой прекратил бомбардировки Северного Вьетнама и ушел от власти.

Генералы, казалось бы, потеряли «своего человека».

Однако затем на этот пост пришел Ричард Никсон со своим особым интересом к Азии.

Но ведь это—новый Никсон, говорили нам в то время. При своем вступлении на пост президента он даже пообещал закончить эту войну и действительно начал возвращать американские войска на родину.

Впрочем, любопытно отметить, что с тех пор, как Никсон занял этот пост, бомбардировки американцами Южного Вьетнама в действительности усилились.

До прошлой недели (то есть до вторжения в Камбоджу. — **Ред.**) для Америки еще существовал какой-то выход. Официально, по крайней мере, эта война все еще была ограничена Вьетнамом, а американскому народу заявляли, что военные усилия союзников успешно передаются южновьетнамцам.

На прошлой неделе генералы запечатали и этот выход.

Генерал Уэстморленд «продал» президенту идею вторжения в Камбоджу, убедив его в необходимости уничтожить тайную штаб-квартиру верховного командования Вьетконга.

Впрочем, убедить его в этом было не так уж трудно.

Итак, Камбоджа стала теперь частью этой войны, и американские войска продолжают продвигаться к северу, преследуя это неуловимое верховное командование...

После всех этих лет разочарования, которое терпели военные, можно сказать, что их подлинные цели уже почти видны.

Американцы, считающие, что война заканчивается, вовлечены в более широкий и более опасный конфликт, которого они не желают.

Захват власти свершился полностью.

ПОЛИТИКА · НРАВЫ · БЫТ · НАУКА · КУЛЬТУРА · СПОРТ

ПРЕССА·70

РЕПЛИКА

СМЕРТЬ «РЕВЮ ДЕ ПАРИ»

«Мы с сожалением извещаем наших подписчиков и читателей, что «Ревю де Пари» («Парижское обозрение») перестает выходить в своем обычном виде». Этим обращением редакции открывается апрельский, последний, номер одного из старейших французских «толстых» журналов.

«Ревю де Пари» был основан в 1829 году как издание, призванное соперничать с знаменитым журналом «Ревю де де монд» («Обозрение двух миров»). В прошлом веке «Ревю де Пари» для раза на недолгие сроки закрывался, но с 1894 года журнал выходил без перерыва. В нем печатались произведения Бальзака, Дюма-отца, Теофиля Готье, Андре Моруа, выступали многие известные публицисты и критики. Проникнутый духом буржуазной респектабельности, «Ревю де Пари» «сохранял,—как пишет его редактор Соленж де ля Бом в газете «Фигаро литерер»,—высокое качество материалов, стремясь заинтересовать людей самых разных направлений и вкусов».

Чем же вызвана гибель серьезного журнала с такими давними традициями? Редакция объясняет ее «вкусом наших современников к иллюстрированным изданиям», конкуренцией радио и телевидения и даже «кризисом цивилизации».

Но дело не в этой высокой метафизике: «Ревю де Пари» пал жертвой беспощадной борьбы монополий печати. Огромный издательский концерн Ашетт купил прогорающий журнал и просто присоединил его к своему «роскошно иллюстрированному» ежемесячнику «Реалитэ», который рассчитан на вкусы обывателей «общества потребления».

«Почему же в наше время не может выжить журнал с широкими литературными интересами?» — спрашивает Соленж де ля Бом. Ответ на этот вопрос ясен: монополиям нет никакого дела до изящной словесности, ведь главное — сбыть товар и положить в карман прибыль.

Л. ПАВЛОВ

ПО СЛЕДАМ СЕНСАЦИИ

И СНОВА «ДЕЛО ВЕРЫ БРЮНЕ»

ШТРАУС ЗАМЕШАН В УБИЙСТВЕ?

Десять лет назад, на третий день пасхальной недели, в комфортабельной вилле неподалеку от Мюнхена было обнаружено два трупа — хозяина дома врача Отто Прауна К его экономки Эльфриды Кёо. Вначале возникло предположение о самоубийстве, однако спустя некоторое время по обвинению в убийстве были арестованы бывшая возлюбленная Прауна — Вера Брюне и ее друг Иоганн Фербах.

Западногерманская пресса, уделившая огромное внимание загадочному убийству, заранее вынесла обоим обвиненным приговор, соответствующим образом настроив общественное мнение. Толпы возмущенных граждан осаждали здание суда, требуя сурового наказания Брюне и Фербаха. Однако следствие по делу об убийстве, как отмечают специалисты, велось крайне небрежно. Суд проявил явную предвзятость, а улики, которыми оперировало обвинение, были весьма неубедительны. Оба подсудимых упорно отрицали свою вину. Тем не менее они были приговорены к пожизненному заключению.

Этот «самый сенсационный процесс в Западной Германии за весь послевоенный период» до сих пор еще продолжает будоражить умы. В прессе то и дело появляются статьи о «деле Веры Брюне». Ему же посвящены три изданные в ФРГ брошюры, на одну из которых, по требованию «King» Френсиса Иозефа Штрауса, недавно был наложен запрет.

Неожиданный интерес к этому темному делу бывшего министра и одного из наиболее консервативных деятелей ФРГ далеко не случаен. Автор книги, мюнхенский писатель Ульрих Зоннеман, занявшийся тщательным изучением материалов процесса, обнаружил в архивах копию письма, адресованного Штраусу, в то время еще министру обороны, неким Роже Хентгесом. Этот матерый спекулянт оружием, который после войны стал выполнять роль посредника между зарубежными торговцами оружием и боннскими правительственными кругами, писал Штраусу спустя несколько дней после убийства Отто Прауна: «...Вам, многоуважаемый господин министр, очевидно, известно, что я не имею и не хочу иметь никакого отношения к данному делу и что я не был предварительно проинформирован о намерениях ваших (выделено. — **Ред.**) двух доверенных лиц. Я против подобного применения силы. Существовали и другие, более изящные возможности образумить нашего контрагента».

В своих устных показаниях Хентгес следующим образом комментирует это письмо. В день убийства он вместе с личным референтом Штрауса полковником Вернером Реппенингом и подполковником Шредером прибыл в Мюнхен и отправился в загородный дом Прауна. Увидев нежданных гостей, Праун вытащил револьвер и пытался стрелять, но Шредер выбил у него оружие из рук. Дальнейшего развития событий Хентгес не видел, так как Реппенинг увлек его к машине. Присоединившийся к ним спустя некоторое время Шредер сказал, что «поставил на место» Прауна. Только через несколько дней Хентгес узнал о совершенном в ту ночь убийстве.

Попутно Роже Хентгес откровенно рассказывает о своем участии в грязных сделках боннского министерства обороны. В 1957—1960 гг. он тайно доставлял в ФРГ миллионные суммы и передавал их министерским чиновникам и частным лицам. Он называет размеры врученных сумм и ряд имен, в том числе недавно умершего Реппенинга, а также Отто Прауна, который (согласно других свидетельств) совмещал врачебную деятельность со спекуляцией оружием.

Показания Хентгеса вот уже несколько лет официально запротоколированы. Однако к ответственности не привлечены ни он сам, ни лица, которых он называет. И, как отмечает Зоннеман, «особенно бросается в глаза, что, узнав о подобном обвинении, ни Штраус, ни его коллеги по кабинету не сочли нужным привлечь Хентгеса к ответственности за клевету. Штраус предпочел хранить молчание». Лишь в январе 1970 года, когда стало известно содержание книги Зоннемана, Штраус энергично стал добиваться запрета «некоторых содержащихся в ней утверждений».

Зоннеман вполне резонно усматривает аналогию между этим делом и нашумевшим в конце прошлого века делом Дрейфуса. Одни из самых оголтелых западногерманских реваншистов Штраус, претендующий на право вершить политическими судьбами Западной Германии и Европы, уже не впервые оказывается замешанным в грязные аферы, связанные со взяточничеством при закупке вооружения. Вполне закономерно, что теперь его имя всплыло и в связи с самым тривиальным уголовным делом—«ликвидацией» ставшего неудобным сообщника. А вину, как и в деле Дрейфуса, свалили на невиновных.

До сих пор Штраусу всегда удавалось выходить сухим из воды. Как будет на сей раз — покажет время.

Н. БЕТЛОВА

ШТРИХИ

Как Джузеппе стал знаменитым

Сотни семей бедняков приезжают ежемесячно из экономически отсталых южных районов Италии в промышленные центры Севера, где они надеются найти хоть какую-нибудь работу. Но и здесь эмигранты чаще всего пополняют армию безработных и голодающих. К их числу относится и семья Синьориле, приехавшая недавно в Милан в поисках заработка. Вряд ли кто-нибудь обратил бы на нее внимание и тем более сфотографировал для журнала, если бы не печальный случай. По дороге в школу двенадцатилетний Джузеппе (первый слева) потерял сознание и был доставлен в больницу. Врачи установили, что у мальчика голодный обморок и крайняя степень истощения.

Снимок из итальянского еженедельника «Вие нуове»

Музеи Пабло Пикассо

Пабло Пикассо с присущей ему иронией однажды заметил: «Я мой взгляд, изнания в живописи не имеют никакого значения. Важны только находки». И лучшие его находки давно признаны шедеврами современного искусства.

Поразительна творческая энергия 88-летнего Пикассо, который ежедневно работает по двенадцать часов. Картины, скульптуры, гравюры, керамика, рисунки, книжные иллюстрации — таковы разнообразные интересы выдающегося мастера.

Недавно во французском городе Авиньоне, в залах дворца, где в средние века находилась резиденция римского папы, открылась выставка работ Пабло Пикассо, исполненных в прошлом году. Выставка, на которой экспонируется 165 картин и 50 рисунков, вызвала огромный интерес. На открытии присутствовала делегация ЦК ФКП.

В эти дни французская пресса оживленно комментирует решение художника передать музею его имени, основанному в 1963 году в Барселоне, 800 работ, большинство из которых относится к ранним — «голубому» и «розовому» — периодам его творчества. До сих пор эти картины хранились у родственников Пикассо. Испания — родина художника, однако Пикассо поклялся, что ступит на ее землю только тогда, когда она освободится от диктаторского режима. Пикассо не присутствовал на открытии своего музея в Барселоне, а в прошлом году отверг просьбу испанского правительства передать на хранение в Мадрид всемирно прославленное полотно «Гернику».

По сообщению еженедельника «Экспресс», во Франции также обсуждаются предложения о создании музея Пабло Пикассо.

Пабло Пикассо с женой

ЛИЦА

СКВОЗЬ ФАКТЫ

ПОЛКОВНИК ЦЯНЬ И КИТАЙСКИЙ СПУТНИК

Органы китайской пропаганды сообщили, что запущенный недавно со строго засекреченного космодрома искусственный спутник Земли весом в 173 килограмма каждые 114 мин нут передает мелодию известной песни «Алеет Восток».

На необъятной территории Китая с его 700-миллионными людскими джунглями не многим известно, что такое спутник вообще и почему Мао решил отправить его на орбиту, ежегодно расходуя для этой цели шесть миллиардов долларов. Большинство не знает также, что означает шесть миллиардов долларов и сколько людей могли бы получить питание и образование за эти деньги. Впрочем, подобные соображения, разумеется, не беспокоят председателя Мао. У него на первом месте политика, и он уверен, что «винтовка рождает власть». Отныне он, его близкий соратник и их дорогие жены — Цзян Цин и Е Цюнь * уже не довольствуются винтовками. Теперь у них есть стартовые площадки, ракеты и искусственные спутники.

Две счастливые семьи, правящие Китаем, хоть и имеют эти «игрушки», знают о них довольно мало. Знание таких вещей передоверено в основном Цянь Сюэ-шеню, ядерному физику, выпускнику Массачусетского и Калифорнийского технологических институтов, которому втихую в 1955 году было разрешено вернуться в Китай после двадцатилетней службы в армии и разведке США *. Цянь Сюэ-шень не распевает «Алеет Восток», хотя он и был избран членом Центрального Комитета КПК в мае прошлого года. Он все еще во многом американский интеллигент, который предпочитает проводить время в кругу своих коллег, получивших образование и подготовку в Соединенных Штатах, и немецких специалистов. У него есть все, что пожелает его душа...

Китайцы приступили к осуществлению своей ракетно-ядерной программы в 1956 году, год спустя после возвращения на родину Цяня. С тех пор многие таинственные китайские миллионеры, живущие за границей, зачастили в Пекин, где совершали сверхсекретные сделки о поставках каких-то товаров. Хотя доктор Цянь заложил основы этой программы с помощью схем и записей, прихваченных из Массачусетского технологического института, организационная работа по выполнению поставленных задач началась лишь в 1964 году, когда Франк Крапф, бывший глава восточноевропейского отдела МИД ФРГ, а ныне посол ФРГ в Японии, приступил к секретным переговорам с группой экспертов, направленных Цянем в Швейцарию. После переговоров Крапфа в Швейцарии несколько западногерманским торговцам оружия были направлены приглашения приехать в Китай. Цяну, который прослужил несколько лет в Западной Германии в качестве офицера американской разведки, удалось уговорить известного поставщика вооружений Ганса Иохима Зайденхнура и боннские власти проявить интерес к отчаянным нуждам Пекина в ядерно-ракетном потенциале. Зайденхнур сумел в свою очередь убедить компанию «Рестлер» в Швейцарии продавать Цяню и его людям необходимое современное военное оборудование.

После того как эта торговля стабилизировалась на уровне двух миллиардов марок ежегодно, Бонн предложил Цяну воспользоваться услугами виднейшего ядерного специалиста Западной Германии доктора Бертольда Зелигера. Цянь, его бесконечно любимый председатель и его ближайшие соратники немедленно приняли предложение, и доктор Зелигер тут же отправился в Китай. Это было в 1966 году. Западногерманский специалист по ядерному оружию чувствовал себя ущемленным оттого, что он не мог испытывать ракеты у себя на родине. В Китае же Цянь и Бертольд могли испытывать ракеты, ядерные боеголовки и подобную всячину, сколько их душе угодно.

Начиная с 1966 года американские разведывательные спутники регулярно сообщали о строительстве в Китае огромных площадок для запуска ракет. Американцы знали, что с помощью Бертольда китайцы создали баллистические ракеты среднего радиуса действия уже к началу 1968 года...

...Весь мир, и особенно соседи Китая, должен рассматривать эту космическую авантюру прежде всего на фоне почти взрывных темпов развития военного потенциала в стране, где людям ежедневно твердят, что председатель более могуч, чем солнце, и что бедные люди должны обходиться без просвещения и медицинской помощи. Каждый внимательный наблюдатель... согласится, что китайский спутник имеет только военное значение.

«ЛИНК» («Звено», независимый еженедельник индийской прогрессивной общественности. Издается в Дели.)

* Супруга Линь Бяо.

* Цянь Сюэ-шень был полковником ВВС США.

Академик В. А. ТРАПЕЗНИКОВ

«ГЛАГОЛЫ» УПРАВЛЕНИЯ: ЗНАЕТ — МОЖЕТ — ХОЧЕТ — УСПЕВАЕТ

Герой Социалистического Труда академик Вадим Александрович Трапезников — первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, директор Института проблем управления. Широко известны его труды о комплексном изучении этих проблем, о практическом совершенствовании действующих систем управления.

Специальный корреспондент «Литературной газеты» писатель Александр Борин попросил академика В. А. Трапезникова остановиться на вопросах психологии в современной науке управления.

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Пожалуй, это самая трудная и неопределенная, хотя и очень важная часть нашей науки. О многом мы здесь еще не знаем и лишь догадываемся.

В основе всяких процессов управления лежат объективные законы. Они действуют в живой природе, в технике, в обществе. Существуют строгие характеристики, которые определяют поведение управляющего и управляемого объектов. Пока речь идет о технических системах, выявить эти характеристики относительно несложно. Поведение управляемого самолета и управляющего им автопилота можно описать математически. Достаточно теоретически и экспериментально исследовать их реакцию на отдельные, как говорят специалисты, «возмущения»: изменение высоты, скорости, крена и т. д. Чем точнее это будет сделано, тем полнее и строже определится весь процесс управления.

Но когда от техники мы переходим к управлению общественными процессами, к управлению комплексами, большими системами, то охарактеризовать, заранее описать поведение отдельных единиц становится практически невозможно: таких единиц здесь миллионы. Приходится рассматривать поведение всей группы, а затем предугадывать, каково будет наиболее вероятное поведение отдельных людей в управляющем или управляемом звене.

В отличие от предметов техники, психологические «параметры» живого человека безгранично широки, многообразны и неопределенны. И если бы даже каким-то чудом нам удалось их математически описать, в действие пришли бы не подзаимнее программированию многочисленные факторы — этические, нравственные, моральные... Словом, все то, что свободного человека отличает от машины из железа и проводов.

Математическое описание поведения человека допустимо лишь в простейших случаях. Например, может быть учтено запаздывание реакции летчика при управлении самолетом. Однако здесь проблема скорее физиологическая, чем психологическая.

Но мы хотим большего, мы хотим заранее узнать, как человек поведет себя в сложных, многозначных и неэлементарных условиях общественной жизни, хотим установить объективные характеристики для этого самого капризного и «неуправляемого» звена всей системы управления.

Сложность явлений, отсутствие адекватных математических описаний пока еще делают этот процесс в значительной мере искусством. Однако он все в большей степени становится наукой, все больше опирается на прочные и серьезные основы, и в том числе на основы познания человеческого поведения. Одна из особенностей человеческого поведения — способность адаптироваться. Это значит, что свои поступки мы в той или иной мере приспосабливаем к окружающим условиям, к обстоятельствам, к внешней среде. Я бы сказал, что наше обычное, нормальное поведение — это своеобразный компромисс между возможностями, заложенными в обстоятельствах, и нашими внутренними потребностями.

Конечно, понятие «внутренние потребности» — весьма непростое. Я думаю, оно складывается из трех главных факторов: во-первых, наши поступки определяются сознательностью, дисциплинированностью. Во-вторых, мы испытываем стремление к максимуму удовольствий. И, наконец, внешнему стараемся обойтись минимумом возможных неприятностей. Подробно останавливаться на каждом из этих факторов вряд ли стоит, они ясны. Хочу только сказать, что дисциплина человека — результат и его воспитания, и влияния среды, и в какой-то степени — продукт его наследственного генетического кода.

Стремление к максимуму удовольствий нельзя понимать элементарно: удовольствия могут быть сложными, многообразными — физическими и духовными, материальными и моральными. Например, для творческого человека величайшее удовольствие — сам процесс творчества. Неприятности тоже, к сожалению, имеют достаточно богатую, широкую палитру, и жаловаться на их однообразие, видимо, не приходится.

Итак, возможное поведение человека как звена в системе управления — это сумма, результат трех перечисленных факторов: его сознательности, дисциплины, стремления к максимуму удовольствий и желания ограничиться минимумом неприятностей. Когда строится любая система управления, включающая человека, надо предвидеть, как, исходя из этих факторов, он поступит в той или иной ситуации, нужно учитывать силу каждого из них.

Издавая закон, устанавливая то или иное правило поведения, нужно предугадывать, как человек будет на него реагировать. Найдет он пути, чтобы это правило обойти, если оно ограничивает его действия, ведет к росту «неприятностей», или, наоборот, использует новую ситуацию, чтобы в конце концов увеличить свои «удовольствия». Полагать, что каждый будет пунктуально соблюдать новое правило, забывать о способности человека адаптироваться было бы наивно. А раз так, то при выработке нового правила или закона нужно давать ему формулировки, учитывающие адаптационные свойства человека.

Возможное поведение человека зависит и от построения самой системы управления. Я имею в виду хорошо известное ученым понятие обратной связи. Что означает оно в данном случае? Если действие человека через какое-то время отразилось на нем самом, то, значит, обратная связь подействовала. Пусть человек в итоге выиграет от собственного поведения, пусть, наоборот, проиграет — важно лишь, чтобы результат его действий не прошел мимо него. Если обратной связи нет, если на человеке никак или почти никак не сказывается правильное или ошибочное его действие, то он станет жить по принципу «а нам все равно».

Откуда в наших условиях возникают различные черты бюрократизма, глубоко не свойственные социалистическому обществу, его законам и принципам? Причина, видимо, в том, что в некоторых звеньях системы управления отсутствует или не срабатывает обратная связь, что на этих участках система управления построена неправильно, несовершенно.

Воспитание людей, работников в коммунистическом духе — одна из первостепенных задач Коммунистической партии, всего нашего общества. Надо, однако, учитывать, что система управления, со своей стороны, может способствовать осуществлению этой благородной задачи, а может в каких-то случаях и мешать, тормозить, препятствовать.

Способность системы управления воспроизводить в людях ту или иную психологию, вырабатывать те или иные черты характера, нам никак нельзя игнорировать, сбрасывать со счетов. Хочу особенно подчеркнуть строгую объективность этого процесса. В нем выражается принцип, сформулированный К. Марксом: бытие определяет сознание. Система управления, общественный строй всегда, неизменно оказывает на нашего мнения, делает и создают характеры людей, являются как бы своеобразной «индустрией» общественных нравов.

Надо так отладить систему управления, чтобы она воспроизводила в людях, в работниках нужные нам черты характера: деловитость, творческую смелость, чувство ответственности, стремление к правдивой информации... К счастью, плановые начала, господствующие в нашем обществе, делают и самое систему управления плановой управляемой, позволяют целенаправленно ее совершенствовать, а стало быть, в конечном счете, научно и осознанно воспроизводить драгоценные черты человеческого характера.

Разумеется, «воспитание через управление» — это процесс обычный, нормальный, медленный, свойственный «обыкновенным» этапам развития. В жизни нашего общества бывали и особенные периоды, чрезвычайные — революция, Отечественная война, — когда великое нравственное и эмоциональное напряжение всего народа позволяло в короткие сроки, выковывать множество прекрасных, незаурядных натур. Но это уже разговор специальный...

КОРРЕСПОНДЕНТ. В своих статьях вы приводите любопытную формулу управления: «Знает — может — хочет — успевает». Расскажите, пожалуйста, о каждом звене этой «глагольной» формулы.

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Что означает глагол «знает»?

Начиная что-то делать, человек прежде всего должен знать, что и как ему делать. То есть сперва необходимо сформулировать цель и выбрать средства ее достижения. Задача чрезвычайно сложная. Слишком часто еще цель у нас определяется примерно так: «Надо, чтобы все было хорошо». Нередко догадаться: подобный лозунг слабо вооружает работника, мало ему помогает.

Выбрать конкретную цель затруднительно оттого, что в реальных условиях осуществление одних хороших целей, как правило, препятствует достижению других, тоже хороших целей. Классическая «вилка»: поглавившись за количеством продукции, хозяйственник рискует ее качеством, а занявшись как следует качеством, теряет нередко в количестве. В подобных противоречивых ситуациях руководитель может принять решение случайное, далеко не лучшее с точки зрения всего народного хозяйства.

Что здесь можно предложить?

Не вдаваясь в подробную аргументацию — а она имеется и строится на научных положениях, — скажу, что в социалистических условиях главная задача, главный показатель, достижение которого так или иначе приводит к решению всех прочих народнохозяйственных задач, — это рост темпа научно-технического прогресса.

Леонид Ильич Брежнев в докладе «Дело Ленина живет и побеждает», говоря о развитии социалистической экономики, подчеркивал: «Главное, что для этого нужно, — это ускорение научно-технического прогресса».

Интересно отметить: темпы роста уровня жизни населения страны и научно-технического прогресса практически равны. Поэтому деятельность системы управления тогда окажется вполне плодотворной, когда каждый руководитель будет твердо знать: чтобы «все было хорошо», надо в первую очередь наращивать темпы научно-технического прогресса.

Поднять уровень всей работы по управлению, привести его в соответствие с современными научными требованиями — это задача огромного значения для развития экономики, это один из главных резервов нашего роста.

(Из речи Л. И. БРЕЖНЕВА при вручении ордена Ленина Харьковскому тракторному заводу)

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но не поторопится ли иной недобросовестный руководитель «дезарнуть» технической новинкой, мало заботясь о том, как она реально служит народному хозяйству? Уже сегодня бывают «случаи, когда кое-кто шумно рапортует о создании уникальной «чудо-машины», после чего ее, горемычную, доводят еще долгие годы, затрачивая уйму средств и сил. Случавшиеся в прошлом чисто количественные приписки в наш век науки и техники могут уступить место приписках, так сказать, «научно-техническим».

Если система управления — это в определенном смысле «завод нравственности», то, вероятно, в ней самой и должны быть заложены объективные тормоза, препятствующие безнравственному поведению работника?

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Безусловно. Систему управления нужно строить так, чтобы реальные «максимум удовольствия» и «минимум неприятностей» для человека наилучшим образом согласовывались бы с широкими нравственными требованиями нашего общества. Для этого, например, надо, чтобы общественное признание действий работника зависело не только от сроков создания технической новинки, но и от ее действительной полезности. Надеяться, что в людях можно воспитать любовь к качеству одними разъяснениями и уговорами, наивно. Такую черту характера должна объективно, автоматически воспроизводить система управления.

Как это осуществить на деле? Вопрос сложный. Один из возможных путей следующий: должна быть проведена аттестация выпускаемой продукции всех министерств, распределение ее на три категории с учетом мирового уровня — так, как это сделано Министерством электротехнической промышленности. Соответственно сложится и цена. При определении научно-технической деятельности надо будет иметь в виду, насколько вырос удельный вес продукции высшей категории и, наоборот, как уменьшился удельный вес изделий низшей категории. Потребуется также принять во внимание: освоение новых технологических процессов; рост экспорта продукции; создание перспективной техники, обеспечивающей будущий скачок производительности труда; главный экономический показатель отрасли, характеризующий достигнутый ею научно-технический прогресс, и др.

В результате удастся составить наглядную «таблицу прогрессивности» различных министерств, всех их главков и подразделений. Естественно, место в такой таблице определит и необходимые воздействия на работников — от министра до заводского инженера.

Мы говорили о внешнем оценочном «пособе». Однако система управления должна предусматривать и «автоматическую» оценку всех работающих на основе повсеместно действующих экономических факторов. Для этого нужно углублять и совершенствовать экономическую реформу и структуру управления.

Впрочем, это относится и к следующим звеньям — «глаголам» управления.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Второй глагол — «может»?

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Да. Только знать, что делать, — руководителю мало. Вопрос еще в том: **может** ли он практически осуществить необходимые действия, вправе ли он принимать нужные решения? В частности, волнующая нас проблема преимущественного развития научно-технического прогресса тесно связана с объемом конкретных прав хозяйственного руководителя.

Очень важно, например, чтобы министерства получили право выделять на научные исследования и разработки, на создание экспериментальных стендов и полупромышленных установок любые средства в пределах их общего фонда зарплаты и капиталовложений. То есть чтобы все иные ограничения были здесь сняты. Ведь наука, технический прогресс — далеко не роскошь, отнюдь не накладные расходы. Это, наоборот, самая эффективная область вложения средств, в несколько раз более эффективная, чем обычные капиталовложения. Это в наше время — главный кормилец, главный источник повышения уровня жизни в стране. Какой же, спрашивается, смысл искусственно связывать себе руки?

Понятие «может» в системе управления — очень важное и сложное. Ну, скажем, такой вопрос: кто и кому может давать распоряжения? Если работнику вправе приказывать сразу несколько начальников, то он, надо думать, постарается не послушаться ни одного из них. Вероятно, действеннее всего система, когда у одного начальника несколько подчиненных, каждый из которых руководит следующим строго ограниченным числом людей.

Или другая проблема, связанная с глаголом «может». На каком уровне могут приниматься те или иные решения? Вероятно, продуктивнее всего система управления, при которой максимум решений принимается на возможно низком уровне. Чем больше информации используется внизу, тем она действеннее, производительнее. Излишние справки и отчеты, мертвым грузом перегружающие «верхние этажи» системы управления, как правило, никем и никак не изучаются, не рассматриваются. Реальной отдачи от них нет, они лишь создают иллюзию кипучей деятельности.

На «верхние этажи» нужно поднимать лишь обобщенную информацию. Здесь должны приниматься решения широкого плана, вырабатываться главные цели, вся стратегия управления. Именно на это следует здесь расходовать силы и время.

Совершенствование звена «может» также важно для воспроизводства в человеке нужных, полезных нравственных качеств. Если звенья «знает» и «может» в единой системе управления взаимно не согласуются, не связаны, если работник «знает, но не может», а следовательно, практически не несет ответственности, то печальным результатом становятся равнодушие, пассивность, привычка имитировать бурную деятельность взамен плодотворной работы.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы говорили о глаголе «может» в смысле «имеет право». Но ведь существует и другой аспект: может — умеет. Иной раз видишь, как человек просто не готов, не способен пользоваться своими правами, старается их всячески занизить, сузить, а иногда и переложить решение вопроса на вышестоящего...

Скажем, начальником главка назначают вчерашнего директора завода. Качественно нового умения, способностей к новому, стратегическому руководству с должностным повышением такой человек может и не приобрести. Изменение своих прав в таком случае он воспринимает чисто количественно. Вчера он руководил тысячей людей, сегодня — ста тысячами. Вчера распоряжался миллионом рублей, сегодня — ста миллионами. Других, более существенных прав руководителя он не замечает и замечать не желает, ибо все равно не способен ими пользоваться.

К чему может привести такая личная неспособность начальника главка? Вероятно, к сокращению реальных прав подчиненных ему директоров. Ибо, не умея действовать новыми, стратегическими методами, оставаясь все тем же вчерашним директором, только «раздвинувшим» в сто раз, этот человек неизбежно начнет теснить своих директоров, отбирать у них их «управленческий хлеб»...

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Такое случается. Но в рассмотренном вами примере порок возник у руководителя не в тот момент, когда его повысили в должности. Плохой начальник главка — это скорее всего плохой вчерашний директор. Действуя на посту директора завода, он, видимо, не давал самостоятельно работать начальникам цехов, отделов, постоянно пытался решать их задачи.

Система управления должна предусматривать выявление способных руководителей на малых участках управления и дальнейшее продвижение только способных людей.

А то бытует иногда представление, будто способность к руководству появляется у всякого, кого назначают на высокую штатную должность. Кого бы на нее ни назначили, тот, мол, сразу и сделается способным... Ничего подобного. Объективное воспроизводство системой управления нужных нам качеств так далеко, к сожалению, не распространяется...

Для работников управления я ввел бы правила, применяемые к водителям автомобилей: показал себя неспособным, допустил «аварию» — лишайся «водительских прав»...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Третий глагол — «хочет»...

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Это звено управления связано с системой стимулирования и системой оценки деятельности человека. Некоторые относят к стимулам только разные блага и преимущества. Но разве не стимулирует человека и сама его ответственность?

Чтобы работник действительно захотел выпускать только качественную продукцию, мало, видимо, хорошо его за нее поощрять. Надо еще, чтобы за выпуск некачественной продукции этого человека ожидало бы строгое, ощутимое наказание.

Иными словами, достигая каких-то полезных, желаемых обществом результатов, пусть человек увеличивает «максимум своих удовольствий». Но он должен знать: не сумей он этих результатов достичь, для него неизбежно, обязательно расширится «минимум неприятностей». Ибо если неприятности не будут прямо связаны с желаемыми нами целями, то воспитательный их эффект окажется слабым и случайным. Неприятности, так сказать, пропадут впустую...

При этом надо иметь в виду: важно так построить систему стимулов, чтобы человек или группа людей хотели именно того, что полезно и выгодно всей управляемой системе — заводу, министерству, всему обществу. Система критериев, по которым оценивается и стимулируется деятельность человека («правила игры»), должна быть исключительно продуманной.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но, вероятно, человек не относится пассивно, безразлично к тому, за что ему предлагают отвечать? Скажем, отвечать за количество продукции руководитель за долгие годы уже привык, делает это более или менее охотно, а «непривычную» ответственность за темпы научно-технического прогресса или за высокое качество продукции он иногда старается встретить в штыки, избежать ее, всячески от нее уклониться... Психологи, занимающиеся наукой управления, видимо, не могут сбросить со счетов и такие понятия, как «хотеть отвечать» и «не хотеть отвечать»...

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Это естественно. Опыт проведения хозяйственной реформы свидетельствует о том, что, несмотря на многие вполне категорические законоположения и нормативные акты, некоторые руководители пытаются сослаться на показатели, организационно и психологически ими уже освоенные. Что же поделаешь! Это в природе человека — хотеть отвечать за то, за что он умеет отвечать, или ему кажется, что умеет... Как с этим бороться? Только одним способом — созданием системы управления, которая в конце концов заставила бы человека принять порядок, удобный не только ему, но и всему обществу, заставила бы его адаптироваться к новому положению вещей. Лучшего способа я не знаю...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Четвертый глагол — «успевает»...

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Да, это четвертое, последнее звено формулы успешного управления. Цена времени сегодня особенно высока. Расчеты показывают, что каждый сэкономленный рубль приносит народному хозяйству около 15 копеек в год. У нас средний срок внедрения научно-технических идей в жизнь составляет примерно восемь лет. Сокращение этого срока вдвое, в том числе за счет убыстрения строительства, дало бы народному хозяйству огромную экономию, измеряемую несколькими десятками миллиардов рублей. Задача эта разрешима. Но как заставить людей «хотеть успеть»? Здесь опять-таки следует идти двумя путями. Во-первых, нужно создать автоматически действующие экономические стимулы, например, ввести высокую плату за незавершенное строительство, учитывая ее заранее. При соблюдении планового срока плата за «незавершенку» возвратится государству, а при сокращении или, наоборот, затяжке срока она отразится на финансовом состоянии строительной организации со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-вторых, оценку деятельности строительных организаций нужно проводить в сопоставлении со сроками строительства, принятыми в мировой практике. Все это заставило бы «хотеть успеть».

Чтобы надлежащим образом реализовать формулу «знает — хочет — может — успевает» и тем самым резко ускорить темп научно-технического прогресса, нужно осуществить ряд кардинальных экономических и других мероприятий, улучшающих систему управления, в том числе обеспечивающих автоматизм действия стимулов. Но этот вопрос выходит уже за рамки сегодняшней беседы...

А сейчас возвратимся к звену «успевает». Понятие «успеть» — категория не только экономическая. Здесь, как и в каждом звене формулы управления, имеется обратная связь с нравственными, моральными качествами работников. С одной стороны, хорошая система управления воспроизводит в руководителе важнейшие черты — умение действовать быстро, оперативно, всячески в нем поощряя это и наказывая, напротив, за медлительность, нерасторопность. С другой же стороны, быстрота, спорость работника активно сказывается на самой системе управления, помогает улучшать ее, совершенствовать.

...В сущности, речь идет о классическом марксистском принципе: отношения людей, складывающиеся в процессе управления, — это значительная область производственных отношений, общественный базис. Образуемая же им надстройка — мораль, нравственность, право — активно, в свою очередь, на этот базис влияет.

Вот почему работа по совершенствованию системы управления, проводимая сейчас партией и правительством, так важна для плодотворного коммунистического воспитания людей. И, наоборот, повседневное, умелое коммунистическое воспитание необходимо для совершенствования, отлаживания всей системы государственного и хозяйственного управления.

Каждая весна для земледельца — это напряженный труд и нелегкие заботы. У нынешней весны есть примечательная особенность. Творческая работа в поле сплелась с творческим поиском новых путей повышения эффективности общественного производства, претворения в жизнь широких задач развития и совершенствования колхозного строя, намеченных на III Всесоюзном съезде колхозников.

Речь идет сегодня не только о нахождении наилучших агротехнических и технологических приемов в борьбе за урожай, но и о совершенствовании экономических и социальных отношений в дереженском коллективе, о полном использовании моральных и материальных стимулов.

Со своими размышлениями о нынешних проблемах сельской жизни выступают сегодня в «Литературной газете» сибирский писатель Леонид Иванов, московская писательница Наталия Четунова. Комментирует письмы читателей, приславших отклики на статью «Тайны «городского притяжения»...», автор этой статьи — воронежский писатель Евгений Дубровин.

О ЗЕМЛЕ-КОРМИЛИЦЕ И ЕЕ ХОЗЯЕВАХ

Леонид ИВАНОВ

ЕЩЕ из начальной школы вынес я твердое убеждение, что у нас очень много земли, больше, чем в любой другой стране. И, надо думать, по этой причине никогда не пытался даже осмыслить: а что означает это самое «много»?

И вот с трибуны Всесоюзного съезда колхозников прозвучала тревога: земли-то у нас в стране, оказывается, не так уж много, на душу населения приходится менее одного гектара пашни... А если заглянуть вперед, когда население страны увеличится на десятки миллионов?

Я порядочно уже походил и поездил: и по тесным полоскам нечерноземья, и по просторным полям Сибири и Северного Казахстана — повидал всяков. Видел и радивых хозяев, которые, быть может, и не знали вовсе высшей математики насчет земли, однако все силы свои положили на то, чтобы, приумножить земельные богатства, помочь земле родить лучше, щедрее. Но, к сожалению, видел и нерадивых.

Ранней весной прошлого года мне довелось — не впервые — побродить по своему родному Удомельскому району, что в Калининской области. Вот высокий берег Деменецкого озера. Отсюда видно, что на другом берегу озера, на более низком, буйно зеленеют озимые, чувствуется жизнь. А вот здесь, на высоком берегу, жизнь как бы замирает...

Давно с детских лет, знаю я этот берег Деменецкого озера. Бегали мы сюда и рыбу удить, и полюбоваться барскими садами, невиданными цветами в этих садах. Здесь располагалось тогда несколько барских усадеб.

Если раньше дорога от станции сюда (двенадцать километров) занимала узкую полоску в три-четыре метра (каждый хозяин в особо соблазнительных для объезда местах ставил сошники или выкапывал яму, чтобы никто не смог заехать на его полосу), то теперь она расползлась вширь на двадцать, а то и на сорок метров. Шоферы и трактористы не стесняются насчет объездов, отнимая от пашни многие гектары. И вроде некому уже охранять поля от расхищения. А иначе, как хищениями, эти объезды и не назовешь: они изрыты глубокими колеями и для обработки уже непригодны.

На высоком берегу Деменецкого озера запустение. Заметны еще остатки каменных фундаментов; видны небольшие куски распаханной земли, но основные-то пашни заброшены. И, видно, недавно заброшены, потому что на полосах выделяются гряды — следы некачественной обработки трехлемешным тракторным плугом. Теперь здесь пасут скот. Позднее руководители колхоза «Знамя труда» объяснили мне, что большие им негде пасти скот: бывшие пастбища совсем заросли кустарниками, лесом.

Я знал, что колхоз «Знамя труда», которому принадлежал озеро и все земли вокруг, значился в числе передовых, а вот же: запустили сенокосы и выпасы, и теперь пашню отдают под выпас скоту... Но самая большая беда — что и эта бывшая пашня, став пастбищем, начала уже зарастать кустарником.

Бреду дальше по когда-то хорошо укатанной, но теперь стирающейся с лица земли дороге, в сторону хутора Андрейково. В двадцатые и тридцатые годы крестьяне здесь расковыряли несколько массивов земли, отняли у лесов десятки гектаров пашни. Перед войной на хуторе было уже двенадцать домов. Ныне нет ничего, все разъехались, а осоевшие земли постепенно забрасывались, возвращались, так сказать, в лоно природы, потому что у колхоза не хватало сил на их обработку.

А еще дальше — хутор Пряслово. И здесь в двадцатые годы мужики корчевали леса, прирезали пашню. Теперь же даже и у совхоза недостало сил — ничего не пашется, все заброшено, зарастает кустарниками. Ну, а дальше можно и не ходить, дальше дорога-то бывшая, и та заросла.

Я беседовал с руководителями колхозов и совхозов — хозяевами этих земель. Все говорят одно: своими силами не остановить уже наступление кустарников (а это значит и болот). И вот ведь до чего дошло: на территории бывшего колхоза «Великий Октябрь» (он теперь в совхозе) под выпасами значилось 430 гектаров, теперь же используется не более 60, все остальное заросло ольхой.

Потеря выгонов едва ли не самое большое несчастье этих мест. Заросли выпасы, скот начали пасти на сохранившихся еще участках сенокоса, в результате зимой не имели сена. Да и сенокосных угодий кое-где не хватает уже даже для выпасов. Стали использовать пашню, что привело к сокращению посевов зерновых. За последние годы в нечерноземной зоне площадь пашни сократилась на многие тысячи гектаров. Спрашивается — для чего мы подымаем целину, если одновременно теряем уже окультуренные земли?

НА СЛЕДУЮЩИЙ день я отправился в противоположную от Деменецкого озера сторону, на поля колхоза «Ударник». И здесь мне показалось как-то светлее, просторнее. Неподалеку от дороги десятка два людей реденькой цепочкой двигались по полосе, то и дело отвешивая поклоны земле. Чем же они занимаются? Подойдя ближе, понял: собирают камни с клеверного поля. В былое время все крестьяне выходили на сбор камней, мешающих при косьбе клеверов.

Многим жившим в Сибири или на юге страны все это может показаться странным. Однако почти для всей нечерноземной зоны, для Прибалтики и Белоруссии камни — бедствие. Однажды мы с колхозным агрономом решили проверить: какую площадь пашни они отнимают? На нескольких полосах очертили участки по сто квадратных метров. И замерили. И ужаснулись! Камни-то закрывают до 5—6 процентов пашни!

Что же выходит? Убери все камни — и уборочная площадь увеличится на 5—6 процентов, уничтожатся рассадники сорной растительности. А какая большая экономия будет достигнута за счет более производительного использования техники! А какая экономия на ремонте плугов и машин, которые из-за камней раньше времени выходят из строя! Потому-то молодицы и очищают поля от камней.

В тот же день председатель артели Евгений Александрович Петров возил меня с местами, где, как он выразился, идет разбор завалов. Это вот что: поля, окруженные кустарниками и деревьями, каждый год расширяют во все стороны. Мощный трактор со скрепером сдвигает в сторону заросли. Обычно это вырванные для пашни метров 15 — 20, иногда и больше. «Завалы» потом разбирают, деревья идут на дрова, их отдают бесплатно колхозникам, поэтому всегда есть охотники разбирать. Освободившаяся площадь распахивается, удобряется увеличенной дозой навоза, чтобы быстрее ввести ее в строй.

Нельзя сказать, что колхоз таким путем сильно увеличивает площадь пашни, но каждый год не менее 15 гектаров все же прибавляется. Каждый год! За последние десять лет более чем на 150 гектаров, или на 6 процентов!

К сожалению, примеров подобного хозяйского отношения к земле в этих местах не так уж и много. Здесь для организованного наступления на кустарники и на камни маловато своих сил, а имеющаяся в районе МСС пока не способна сдержать буйное наступление кустарников.

При виде зарастающих полей и лугов местные жители невольно думают о своем родном крае как о бесперспективном. Не потому ли эти места особенно сильно обезлюдели?

СОВСЕМ иная картина на сибирских просторах. Раздолье! В недавнем прошлом распахано земель, пожалуй, даже больше, чем следовало бы. Но вот беда: и сибиряки не могут похвастаться высокими урожаями. Земли здесь богаче, чем в нечерноземье, однако урожаи ничуть не выше. И невольно на память приходит известное изречение: нет плохой земли, есть плохие хозяева.

На противоположных концах Западной Сибири расположились Курганская область и Алтайский край. За первые пять лет массового освоения целинных земель (1954—1958 годы) курганцы собрали средний урожай зерновых по 7,9 центнера с гектара, а алтайцы — 11,7. И тогда такую разницу в урожаях считали нормальной, потому что на Алтае земли несравнимо лучше. А вот картина с урожаями последних четырех лет: Курганская область получила более 16 центнеров зерна с гектара, а Алтайский край — почти в два раза меньше.

Конечно, не все у нас плохие хозяева, но, думается, порядочно еще и нерадивых, и просто беспечных. Известно, что в Западной Сибири и Северном Казахстане в последние годы урожайность полей не растет (исключение — Курганская область), а если где и растет, то очень незаметно. И многие слишком уж спешат объяснить это неблагоприятными погодными условиями. Повод для таких рассуждений подается свыше. Посмотрите доклады председателя Госплана на сессиях Верховного Совета за последние годы. На моей памяти один или два случая, когда в докладе не упоминалось о неблагоприятных погодных условиях для урожая. А на местах этот довод быстро подхватывают те, кому выгодно «погодными условиями» прикрыть свои грехи.

При таком самопрощении вроде и не видит, что при тех же самых условиях настоящие хозяева земли снимают добрые урожаи. Можно сослаться на конкретные примеры.

В совхозе «Боевой», который последние 10—15 лет снимает самые высокие урожаи в области, вот уже четверть века урожайными делами ведает заслуженный агроном республики Николай Михайлович Климанов. Силу разработанной им агротехники проверили на прирезках — на землях двух соседних колхозов площадью около 10 тысяч гектаров. До этого колхозные поля родили в два-три раза слабее, а теперь выравнялись: в прошлом году, который для этой зоны считается не очень благоприятным (область собрала менее десяти центнеров с гектара), совхоз «Боевой» намолотил почти по 22 центнера. Прирезки получили почти по 20 центнеров.

В чем же секрет?

Этот вопрос я задаю Климанову при каждой встрече. А он всякий раз в ответ улыбается:

— Вы опять о секретах? У нас же пока самая примитивная агротехника, настолько общепвестная, что... — Он разводит руками. — Вы же знаете: удобрений вносим мало, килограммов по десять на гектар...

— Но у вас освоены правильные севообороты.

— Так ведь севооборотов-то дело тоже элементарное. Кто же не понимает, что без правильных севооборотов нельзя рассчитывать на рост урожаев?

Однако кто-то еще не понимает, потому-то очень мало еще у нас освоено правильных севооборотов.

Может ли кто-нибудь в промышленном производстве произвольно нарушать технологический процесс: скажем, исключать отдельные циклы, переставлять очередность их? Нет, конечно. А на земле можно!

Все еще находятся «горячие головы», которым наплевать на урожай, им бы, по старой привычке, «провернуть» посевную с перевыполнением. А при правильных севооборотах перевыполнить план можно только за счет сокращения парового клина или при дорогой распашке многолетних трав, которых, после известного похода на травы, и без того возделывается еще мало. Короче говоря — за счет нарушения правильных севооборотов, истощения и засорения поля.

Вот ведь какую картину можно наблюдать: освобождают от работы агронома, директора совхоза или председателя колхоза (по любым причинам), и в акте сдачи дел отмечают все — сколько недостает ниг, лопат, уздечек. Но никогда в актах не отмечается состояние земли: засорена ли? Наведен ли на ней элементарный порядок? Введены ли севообороты?

Не пора ли уже правильным севооборотам придать силу закона? А тех, кто этот закон нарушает или побуждает, пользуясь властью, других нарушать, привлекать к самой строгой ответственности как за умышленную порчу народного достояния? И вообще, ответственность за нарушение порядка на земле должна быть не только моральной, но и материальной. А пока у нас заведено так: собрали вдруг хороший урожай — все руководители хозяйства получают большие премии. А развели сорняки и тем самым снизили урожай — никакого взыскания. Разве что пожурят через газету или на собрании.

Нужен строгий спрос за порядок на земле!

Искусственный дождь (поливные пастбища в Марийской АССР). Фото В. Войтенко. С выставки работ фотокорреспондентов ТАСС, посвященной III Всесоюзному съезду колхозников.

Наталия ЧЕТУНОВА

ДЛЯ ВСЕХ — ДЛЯ СЕБЯ

III СЪЕЗД колхозников, прошедший в канун Ленинского юбилея под знаком торжества ленинского кооперативного плана, окончательно убрал с пути нашего колхозного крестьянства остатки неверных представлений о некоей неполноценности кооперативной собственности в системе социализма. Съезд наметил пути дальнейшего развития колхозной демократии, укрепления хозяйственной самостоятельности колхозов, их высвобождения от ограничений и установлений, не свойственных природе кооперации, сдерживающих развитие социализма в деревне.

В предшествовавшие III Всесоюзному съезду колхозников дни на страницах «Советской Чувашии» среди портретов семерых лучших представителей чувашских колхозов — Героев Социалистического Труда — я увидела и умное, энергичное лицо Андреева, моего старого друга председателя колхоза «Знамя труда».

По-прежнему его колхоз намного опережает средние показатели колхозов республики по производительности труда, по норме чистой прибыли. Но Андреев и теперь больше думает не о пройденном, а о предстоящем. Обо всем, что мешает идти вперед.

— Следили за дискуссией в печати и бригадах и звеньях, Евгений Андреевич? — спросила я после первых приветствий и добрых вестей о хорошем урожае, об определившейся уже возможности еще поднять оплату трудодня, о построенных в колхозе новых школах, общежитиях, клубе, магазине и многих других колхозных делах.

— Что ж, все в общем-то хотят лучшего, — не сразу ответил Андреев. — Жаль только — не все идут от сути дела, не на тех дорогах ищут! Суть ведь не в том — звено ли, бригада ли? Суть в том, что такое колхоз — и кто такой колхозник. Если колхоз — кооперация, значит, зарплаты в нем быть не должно. И норм. Есть, как правильно сказано в Примерном уставе, трудовое участие члена колхоза в создании коллективного продукта.

— А трудодень? — спросила я.

— Трудодень — не зарплата. Трудодень — индивидуальная доля созданного всем коллективом дохода. Трудодень — мера труда, а не его оценка. Оценка наступает в конце года, после того как создан продукт всем коллективом создаем, коллективом и распределяем. Что в неделимые фонды — для дальнейшего развития хозяйства, для страховки от неурожаев, от всяких неожиданностей. А что — для личного потребления.

— Значит, вы против защищаемого многими председателями перехода колхозов на гарантированную денежную оплату по нормам и расценкам совхозов? — спросила я.

Андреев взглянул на меня почти с горечью:

— А я-то думал, вы давно все поняли, — сказал он упавшим голосом. — А вы вдруг: «переход на гарантированную»... Разве вы забыли, что мы еще с пятьдесят восьмого года установили гарантированный денежный доход для каждого работающего? Но при чем тут нормы и расценки совхозов?

Я попросила поподробнее объяснить, почему он находит столь важным для развития кооперативных форм организации и оплаты труда в колхозе. Ведь многие предпочитают вместо трудодня оплату за отдельные виды работ, за операции, принятую в совхозах. Андреев сказал:

— Хитрости тут нет. Меня давно, еще, пожалуй, с детских, мальчишеских, навсегда покорили доводы Ленина в пользу кооперации: простота, понятная каждому крестьянину, хозяйственная выгодность кооперации. Переход к социализму и коммунизму совершается здесь естественным, в чем-то даже привычным для российского крестьянина путем. Ведь издавна была знакома мужику складчина, «помочь». К ним испокон веков прибегала деревня во всяком трудном деле. И это позволяло и бедняку не только получать, но и оказывать в свою очередь помощь другим своим трудом, даже в нищете оставаться «хозяином». Кооперация и опирается на эту исконную привычку крестьянина по-хозяйски трудиться на земле.

Колхоз для Андреева неизменно остается КООПЕРАТИВОМ, где нет места психологии наемного работника, интересующегося только своей зарплатой, а не результатом работы, где крестьянин остается хозяином, собственником, только не частным, а коллективным. Здесь «мое» и «наше» не разделяются, здесь крестьянин сам работает, сам и владеет кооперативным богатством. Каждый член колхоза трудится и хозяйствует наравне со всеми другими.

— Трудодень — не пустая выдумка! Не только и даже не столько лишь способ учета «трудодыходов» или количества отработанного времени! — помолчав, снова горячо заговорил мой собеседник. — В этом названии — худо ли, хорошо ли, лучше пока не придумали — выразилась суть кооперативной формы труда в колхозе. Суть эта действительно сильно искажалась, вытаптывалась в пору увлечения администрированием. Когда все за колхозников стали решать сверху. Чувство хозяина земли, конечно, тогда у колхозника ушло... Да и трудодень стал лишь «палочкой». Вот и забыл крестьянин о колхозе думать. Стал искать, куда бы наняться.

— А сейчас?

— Сейчас постепенно дело меняется. Но не легко, понятно. Не сразу, не во всех колхозах. И все же наш нынешний трудодень с трудоднем тех грустных времен ничего общего, кроме названия, не имеет.

— При денежной оплате теряется НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ,— подчеркнул Андреев,— связь индивидуального дохода с общественным продуктом, то есть личного интереса с общим. А эта непосредственная, очевидная связь пока еще нужна! — слишком часто и много мы ее нарушали. Она должна стать привычкой. Сразу такое не делается! Требуются годы практики. Ведь надо привыкнуть работать для общества в полную силу, точно так, как работаешь для себя. Порой даже с большей отдачей сил, потому что здесь вместе с личной необходимостью должны действовать сознание долга перед обществом, честь, чувство ответственности.

Я спросила Андреева, могут ли колхозники «Знамени труда» при желании получить всю определенную на трудодни долю дохода деньгами.

— Конечно! — воскликнул он. — Стоит лишь заявить о таком желании. В принципе совершенно несущественно, в деньгах исчисляется трудодень или в натуре. Трудодень, повторяю, есть доля индивидуума в общем кооперативном котле. В какой форме доля выдается — не имеет значения. В наших конкретных условиях большинство предпочитает часть получать натурой. Ведь скот держат. А продукция у нас первоклассная. И без хлопот. Денег и без того хватает.

— Сколько и чего полагается на трудодень?

Оказалось, по килограмму пшеницы, по два кило ржи, по килограмму гороха, килограмму сена, четыре кило соломы и по три рубля.

— А не сдерживается ли,— спросила я, — рост производительности, интенсивность труда тем, что у вас нет норм, нет обязанности выполнить определенную на трудодень работу в определенное же количество времени?

— Наоборот. В сельском хозяйстве нормы, влекущие за собой оплату за операции, а не за конечный продукт, плохо влияют на качество работы, приводят к быстрому износу машин. Если тракторист знает, что он получает оплату за каждый вспаханный гектар, то он не думает, сколько продукции дает гектар, а торопится вспахать побольше — хорошо ли, плохо ли, может, на износ машины — но побольше бы! Вспахал — а там хоть на нем ничего не вырастет, доходу-то он не с урожая получает. У нас по-другому. Вы же знаете, как заботятся наши колхозники об умножении колхозного богатства, как берегут каждую кроху колхозного добра. Думаю даже, — помолчав, добавил Евгений Андреевич, — они обиделись бы, если бы кто-нибудь предложил им установить нормы выработки.

В «Знамени труда» окончательный расчет производится по трудодням после уборки урожая — расчет по конечной продукции. И тут-то становится ясно: если ты пахал, окучивал, убирал недобросовестно — урожай низок и все получат доходы меньше, чем могли бы, с тем числе и ты сам.

Живая, личная заинтересованность в общем успехе повышает требовательность коллектива и ответственность каждого перед ним, воспитывает инициативу, чувство товарищества — все те моральные качества, которые и делают человека гражданином социалистического общества.

Евгений ДУБРОВИН

ТАЙНЫ «ГОРОДСКОГО ПРИТЯЖЕНИЯ»...

ПИСАТЕЛЬ КОММЕНТИРУЕТ ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ

КАК водится, отклики пришли самые разные: раздумчивые, взволнованные, одобряющие, несогласные. Есть и сдержанные, есть и язвительные. Из числа последних — пример.

«Сколько лет жуете эту тему?» — спрашивает пенсионер В. П. Тимофеев из Пензенской области. И отвечает: «52 года».

Неверно. Не пятьдесят два года, гораздо меньше. Долгое время уход крестьян из села в город был делом естественным, вполне соответствующим задачам хозяйственного развития страны. И кое-кому из экономистов село представлялось бездонным колодцем людских ресурсов.

Однако довольно быстро показалось оно. И вовсе не потому, что молодежь вдруг вся перекочевала в город, а потому, что в те годы на наших полях и фермах было еще слишком мало техники, хромала агрономия, была низка производительность труда. Ручной труд требовал большого количества людей, и их стали всячески, в том числе и административными, путями на селе удерживать.

Второй этап оттока из деревни в город начался, когда пришедшая в колхозы и совхозы современная техника «освободила» еще один пласт сельского населения.

Но быстро обнаружилось, что масса техники, индустриализация производства в свою очередь потребовала специалистов. Вот тогда-то — несколько лет назад — и заговорили о том, как удержать в селе молодого человека. И не просто молодого крестьянина, а, прежде всего грамотного человека, специалиста.

Почему же тянется деревенская молодежь к городам? Разумеется, сколько писем — столько и ответов. Та же В. Н. Тимофеева в своем сердитом письме утверждает: люди уходят из села лишь потому, что в селе... чаще случаются несправедливости, чем в городе. В доказательство своей правоты В. Н. Тимофеева приводит длинный список всевозможных нарушений, свидетелем которых ей довелось быть: неправильное начисление заработка, произвол председательских «любимчиков», обиды при распределении жилья и так далее.

Нельзя не признать: доля правды здесь есть.

В самом деле, если молодой специалист, мягко выражаясь, «не сошелся характером» со своим руководителем, деться ему в селе некуда и он вынужден уехать в город. К счастью, «вождевой стиль» руководства все больше уходит в прошлое. На смену директорам и председателям с «громким басом» приходят грамотные администраторы. Принятый III съездом колхозников новый Примерный устав расширяет колхозную демократию, делает руководство колхоза более коллегиальным, закрепляет права молодых специалистов. Но дальнейшая демократизация села — процесс, безусловно, сложный, постепенный, и ему надо всячески помогать.

Юрист В. Шестов из Оренбурга видит «корень зла» в жилищных трудностях.

Одно-, двух-, трехкомнатные квартиры, что обычно строятся сейчас в центральных усадьбах, колостяку не положены. Но и углы у частных хозяев молодому человеку не подходят. На селе нужны общежития, пишет Шестов, гостиничного типа, с комнатами на одного—трех человек, с центральным отоплением и другими коммунальными услугами.

Интересное письмо прислал заместитель начальника Докшицкого районного производственного управления сельского хозяйства Витебской области В. К. Коляга:

«Раньше главной ценностью для крестьянина являлась земля... С детских лет ему прививалась любовь к ней. Хотя труд крестьянина был одним из тяжелейших, он давал удовлетворение.

А как растет будущий хлебороб в наши дни?

Детсад. Условия для развития ребенка отличные. Но на ферму вести детей нельзя. Там навоз, грязь, может ударить лошадь или перепугать бык. Познание сельского хозяйства для сельских ребят ограничивается сбором цветов и сказкой про деду и репку. Воспитание вполне приличное, но теоретическое.

Школа. 10 лет учебы обо всем понемногу. Римские императоры, греческие философы, тычинки и пестики, атом и лягушки. Наука объединяет, та «единственная наука, которую с детства проходим прежде крестьянский сын, остается в стороне.

При самом высоком уровне механизации хорошо ухаживать коровой, а навоз остается навозом с тем же специфическим запахом. Значит, не всем ехать «за туманом», кому-то надо возить навоз. Если нет любви к сельскохозяйственному труду, надо иметь хотя бы чувство долга. Так дайте воспитывать это гражданское чувство с детских лет».

Что и говорить — письмо во многом правильное. Однако в главном с автором все-таки не хочется соглашаться. Молодежь уходит из села не только потому, что ей с детства не привили любви к земле, — кстати сказать, это очень распространенное заблуждение. Автор письма уверен, что достаточно создать единую квалифицированную программу подготовки хлебороба, поручить ее составление ветеранам села, и тогда, дескать, воспитанная по-новому молодежь не будет покидать родные места. В доказательство своей правоты В. К. Коляга описывает, «как было раньше».

Сейчас новые времена. На поля пришла мощная техника, удобрения, передовая агрономия, хотя отрицать роль опыта, интуиции, теоретических знаний — крестьянских начал нельзя. Хотим мы или не хотим этого, но поле постепенно станет как бы цехом единого гигантского завода, где действуют сложнейшие экономические, психологические, социальные взаимосвязи. И тут на одном воспитании «тяги к земле» далеко не уедешь. Хозяином земли становится не «человек от сохи», а инженер, ученый, механизатор. Ничего не поделаешь, такой уж у нас век. А если мы это признаем, то надо стремиться к механизации тех видов труда, которые кажутся унизительными современному человеку. И упирать ныне на то, что, мол, навоз есть навоз, вряд ли уместно: грязные и утомительные работы пора передавать машинам, даже если это и вызовет временное удорожание сельскохозяйственного производства.

Итак, на наш взгляд, продолжение широкой механизации и создание аграрно-промышленных комплексов, о которых говорилось ранее в статье «Тайны «городского притяжения»...», —единственно верный способ удержать в селе молодежь, привлечь туда специалистов и вообще решить многие из проблем, о которых говорилось выше. По этому пути и идет — хотя и медленней, чем хотелось бы — наше сельское хозяйство.

МНЕНИЯ

ЧИТАТЕЛЬ
О РАБОТЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

УЧЕНЫЙ
О ПРИЧИНАХ ПЕРЕМЕНЫ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

ЮРИСТ
О РОЛИ СТОРОН В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

ПИСАТЕЛЬ
О ТОМ, КАК БОРОТЬСЯ С ПЬЯНСТВОМ

ПОЧТА РЕДАКТОРА

ЦЕНА МОБИЛЬНОСТИ

Широко известно, что Кант, Лавуазье, Гельмгольц, Пастер и многие другие ученые, в различные периоды творческого пути меняли свою научную специальность. Фермы говорил, что ученый должен каждые 10 лет менять специальность, так как со временем он исчерпывает себя и потому должен дать дорогу молодым. Его же идеи в новой области могут принести большую пользу.

Научно-техническая революция характеризуется тем, что возникновение новых отраслей и направлений научной деятельности происходит интенсивнее, чем накопление знаний в старых отраслях.

В этой связи все большее значение приобретает способность ученого к профессиональной мобильности

Как же выглядит эта проблема в социологическом аспекте? Что, в частности, показало конкретно-социологическое обследование использования научных кадров Ленинграда и Риги, проведенное в 1968—1969 годах? В ходе этого обследования был осуществлен анкетный опрос 1400 научных работников академических и отраслевых научных учреждений. Лишь треть из них работает над темами, полностью соответствующими их вузовской специализации. Остальные изменили содержание своей деятельности, а некоторые перешли в довольно далекие отрасли знания.

Степень соответствия тем научной работы и специализации в аспирантуре значительно выше — 79 процентов.

Довольно разнородные картины обнаружились в различных отраслях науки и научных центрах. В институтах биологического профиля, например, степень соответствия вузовской специализации несколько выше, чем в институтах, занятых исследованием проблем физики и химии.

Каково же значение профессиональной мобильности? Как оценить эту проблему исходя из задач научно-технического прогресса? Вопрос и здесь можно дать однозначный ответ. Необходимость переквалификации чаще всего проистекает из самой сущности научно-технической революции, когда возникают или отпочковываются новые научные направления. Половина научных работников ленинградских институтов Академии наук СССР, изменивших специальность, сообщила, что сегодня тематика их работы не соответствует вузовской специализации потому, что они «начали работать во вновь возникшем направлении в науке». При этом профессиональная мобильность ученых является фактором положительным, способствующим ускорению научно-технического прогресса.

Но возможно изменение научной специальности и по другим причинам. Тут могут быть и трудности в устройстве на работу по специальности, распределение после окончания вузов (осуществляемое, кстати, нередко вразрез с интересами и склонностями выпускника). Это, так сказать, вынужденная мобильность, которая во многих случаях может противоречить требованиям научно-технического прогресса.

Анализ причин переквалификации молодежи в возрасте до 30 лет в академических институтах Ленинграда показал, что 38 процентов вынудило изменить специальность полученное после вуза назначение, 11 процентов не удовлетворяла тема, по которой они специализировались в институте, и лишь около 30 процентов перешли в новое научное направление, то есть изменение специальности у большинства не связано с потребностями научного технического развития.

Ну а как на самом ученом сказывается переквалификация? Опять-таки, это зависит от ее причин. Работающие в новых направлениях затрачивают на научные исследования больше времени, чем те, кто изменил свою специализацию по другим обстоятельствам так, среди сотрудников ленинградских академических институтов, работающих в новых научных направлениях, более 54 процентов затрачивают ежедневно свыше 3 часов на научные исследования после окончания работчего дня, а среди тех, кто не смог подыскать работу по специальности, эта категория составляет 36 процентов.

Однако надо учесть, что в любом случае профессиональная мобильность связана с преодолением научных, организационных и психологических противоречий.

Одна из специфических особностей переквалификации в науке состоит в том, что она оказывается наиболее плодотворной, когда осуществляется не административными методами. В этом трудности планового перераспределения кадров.

Трудности, связанные с изменением специальности, в известной мере зависят от гарантиров подготовки научных кадров.

Если система образования основывается на прогнозе научно-технического и профессионального развития, то издержки и трудности переквалификации уменьшаются. Однако в той или иной мере подготовка научных работников всегда будет отставать от роста новейших научных направлений. Поэтому на первый план выдвигается требование подготовки мобильных в научном и психологическом отношении кадров.

С. КУГЕЛЬ,
кандидат философских наук

ПАССАЖИР ДЕСЯТОЙ ПОЛКИ

ВНИМАНИЮ МИНИСТРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ СССР Б. П. БЕЩЕВА

ОЗНАЕМСЯ в статье «Обыкновенный пассажирский поезд...» («ЛГ», № 15, 1970) мы рассказали только об одной чаше «железнодорожного» эксперимента. О том, с чем сталкивается, что переживает, как чувствует себя пассажир на пути из Москвы в Волгоград и обратно. Была и вторая часть...

Со всех девяти московских вокзалов отправились в путь его анкет. «Каким образом вы достали билет? Сколько времени пришлось затратить на его приобретение? Как вам сталось? Как быстро вы получили поставленные приоритетности? Тихо ли было в вагоне? Чисто ли?» Словом, та же программа, что и у участников эксперимента, о котором уже рассказывалось. Вопросник увезли с собой в пассажирских, скорых и фирменных поездах те, кому досталась десятая полка (выбор пал на них случайно) в плацкартных, купейных и мягких вагонах.

Нам ответил каждый пятый. Почти все ответы были сердитые. Собранные данные, решили мы, не представительны: вернул анкету только тот, кого обидели. И, наверное, обидели серьезно. А остальные — восемьдесят процентов? — промолчали, не отвечали. Возможно, потому, что были всем довольны. Ведь известно, что в книгу отзывов пишут главным образом рассерженные люди. А мы не хотели обижать железные дороги напрасно. Потому что пассажирский поток пиал лишь о плохом. О том, что:

в поезде Москва — Хабаровск нумерация вагонов построена так: за пятнадцатым и четырнадцатым идет двадцатый, потом — шестнадцатый и тринадцатый. Люди мечутся из конца в конец перрона, силясь разобраться в этой сложной системе. А в руках у них, естественно, тяжелые вещи;

на станции Ржев в поезде № 94 (Рига—Москва) на три свободных места было продано 15 билетов;

в поезде № 15 (Москва—Луганск) инвалид Отечественной войны попытался воспользоваться кнопкой для вызова проводника, но в ответ получил короткое: «Здесь нянек нет»;

в скором поезде № 9 (Сочи — Москва) ночью, когда на промежуточных станциях входили новые пассажиры, проводники поднимали такой шум, что никто не мог спать.

Статья «Обыкновенный пассажирский поезд...» была опубликована без этих фактов (нам показалось достаточным тех, которые дал первый эксперимент). А потом в редакцию хлынул новый поток писем. Конечно, их тоже написали те, кого железная дорога обидела, кому испортила настроение, о ком не позаботилась. И не только пассажиры десятой полки. Этот стихийный эксперимент оказался настолько широким, что его данные, по мнению специалистов, вполне репрезентативны. Мы решили воспользоваться ими, а заодно привести и некоторые из тех, которыми располагали раньше.

Проблема номер один — пустующие полки. Подавляющее большинство читателей встревожено тем же, чем и участники рейдовых бригад: отчего в кассах, как правило, билет достать трудно, а в поездах почти всегда есть свободные места? Фраза: «Каково же было мое (наше) удивление, когда с большим трудом достав «последний, «единственный» билет, я (мы) обнаружил (обнаружили, обнаружила), что в вагоне полно свободных мест» — с небольшими стилевыми и эмоциональными вариациями фреймом проходит буквально через все письма.

«Нам с женой надо было доехать из Урюпинска в знакомое вам Поворино. Билетов нет. Только сели, где-то в углу зала слышим крик: «Билеты дают!» Я — к кассе. Там уже никакой очереди, идет рукопашный бой. Вышел из него помятым, но гордым — «обиленьким». Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что в вагоне занято еще только одно купе» [Р. Шаванин].

«Совсем недавно, в апреле, ехал из Рыбинска в Москву. Кассирша объявила, что билеты на нижние места проданы. Каково же было мое удивление, когда в вагоне этих самых нижних оказалось полным полно!» [Ф. Жмулев].

«С трудом достал «единственный» билет на верхнюю полку мягкого вагона. В очереди меня считали счастливцем. Каково же было мое удивление, когда во всем вагоне оказалась еще только одна гражданка, и я занимал верхнюю место. Так вдвоем мы и ехали от Минеральных Вод до Харькова» [А. Смирнова].

Но читатели не просто удивляются. Они вникают в суть дела («Это не совсем верно, что не дает кружка шестая или стата полка, как вы пишете. Дает, и еще какой! Только, увы, собирает его не государство» — В. Папуш).

Один из читателей пытается проследить, какой путь проходит информация о свободных местах, прежде чем поступает к пассажиру, с волнением ожидающему ее у билетной кассы. Первый этап: проводник подает сведения бригадиру поезда. Второй: бригадир складывает полученные цифры и дает телеграмму начальнику станции. Третий: начальник станции — касса — пассажир. Каждый действует в меру своей расторопности и просто честности.

Давно изобретены машины-автоматы, способные очень быстро подсчитать информацию о количестве проданных, возвращенных и оставшихся в кассах билетов. В Министерстве же путей сообщения СССР они никак не выйдут из стадии затянувшегося эксперимента. Подсчеты ведутся вручную. И кто же поручится, что уставший за рабочий день кассир не совершит ошибки, пересчитывая оставшиеся билеты? Ошибки эти множатся, переходя из рук в руки, от инстанции к инстанции, обременяя для государства миллионными потерями.

«Неужели все это так и будет продолжаться?» — спрашивают авторы писем, — пассажиры будут спать на жестких вокзальных лавках, а поезда ходить с пустыми полками, а Министерство путей сообщения — «принимать меры, которых пассажиры не ощущают, и тем самым расписываться в собственном бессилии!» [М. Бушнов].

Муж с женой решили доехать в гости к детям на Дальний Восток, и им очень захотелось совместить приятное с полезным: увидеть наконец всю Россию! Было принято твердое решение: туда — самолетом, обратно — поездом. И не обыкновенным пассажирским, а фирменным, со звучным именем «Россия».

Так путешествие задумывалось. А вот каким оказалось.

«Поздно вечером 7 февраля, — пишет А. Островский,— мы спустились на полутемный перрон Владивостокского вокзала. У перрона во мгле нас ожидал покрытый грязью поезд. И хотя посадка была давно объявлена, войдя в вагон, мы тоже оказались в полумраке — горели только лампы дежурного, ночного, освещения, да и те вполнакала.

Постелей нам, конечно, не стелили — дело в том, что нас обслуживала только одна проводница. Другая спала».

И, наконец, самое большое разочарование. Наступило утро. Путешественники кинулись к окнам. Только напрасно: но они пытались что-либо рассмотреть сквозь пыль и копоть, покрывшие стекла.

В общем, семидневного приятного «турне» в комфортабельном «фирменном» поезде не получилось.

«Все, наверное, помнят, как появились «фирменные» — чистые, прибранные, с вышитыми занавесочками и хорошенькими проводницами, напоминающими стюардесс. Прошло совсем немного времени, а некоторых «фирменных» уже не узнать. Как же так — ведь мы надеялись, что похожими на них вскоре станут и все другие». Этот вопрос, к сожалению, задает не один только тов. Островский. Редакционную бригаду усиленно приглашают проехать по многим направлениям в разных поездах и вагонах.

Например, в том прицепном «прямом» вагоне, которым добираются из Семипалатинска в Москву. «Тем, что зимой здесь очень холодно, и летом духота, от которой хоть падай в обморок, нас, пожалуй, уже не удивишь, — пишут нам Ширяевы, Ибрагимов, Молдагазинов и Некрасовы. — вы это видели. А вот «удобства», доехав до Рубцовска, простоять 12—14 часов (в то и сутки) в тупике, где нет ни столовой, ни магазина, где и чаю-то негде выпить, такого вы еще не испытывали».

Предлагаются и такие «испытания»:

зайти в новое светлое здание вокзала в Казани и выяснить, во-первых, почему из девяти касс здесь обычно работают только две и, во-вторых, в какой из них, скажем, можно приобрести билеты на любой поезд, идущий через Ульяновск. В. Павлов, предлагающий редакции провести этот эксперимент, уверяет, что ответа нам получить не удастся;

познакомиться поближе с любым южным направлением: Сочи, Баку — Москва, Ташкент — Москва и другим и убедиться, что главная забота проводника здесь не пассажиры, а цветы и саженцы и фрукты [Н. Морозова];

воспользоваться таким «удобным» видом услуг, как отправка чемодана по билету». «Хорошо, — уверяет В. Положиленко, — если он прибудет через 9—10 дней после вашего приезда. Мой запакованный мотоцикл ехал за мной 18 дней»;

побывать в запобулярной Воркуте и осмотреть местную «достопримечательн о с т ь»: железнодорожную платформу, «отстоящую от нижней ступеньки вагона по меньшей мере на метр, — как сообщает Н. Нембург. Надо быть хорошо подготовленным спортсменом, чтобы одолеть эту высоту с тяжелым чемоданом в руке»;

поездить из Москвы в Ленинград разными поездами — скажем, вторым, двадцать восьмым и тридцатым. «За одни и те же деньги, — установил Н. Головин, — можно получить и максимум удобств — чистоту, яркий свет, застеленные постели, чай (поезд № 2) и полное их отсутствие

Но странно, меньше всего заинтересованность в начавшемся разговоре проявили как раз те, кого он больше всего касается по должности. Письма читателей стали приходить в редакцию через два-три дня после опубликования статьи. Уже давно поступили отклики из самых далеких пунктов страны. Не пришел только ответ с Ново-Басманной улицы, расположенной в центре Москвы, — там помещается Министерство путей сообщения СССР. И мы так и не знаем, что намерены предпринять руководители министерства для устранения тех нарушений железнодорожных правил, о которых сообщала газета и о которых с такой досадой рассказывают нам пассажиры. Речь идет о хозяйском использовании того, что так щедро предоставляет государство в распоряжение Министерства путей сообщения СССР, — превосходных, мчащихся с необычайной скоростью поездов, комфортабельных уютных вагонов, благоустроенных вокзалов...

Со дня опубликования статьи «Обыкновенный пассажирский поезд...» прошло больше месяца. Своим молчанием руководители министерства нарушают установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года порядок отвечать на критику, на заявления и жалобы трудящихся в срок до одного месяца.

ОТ РЕДАКЦИИ

Как ни странно, меньше всего заинтересованность в начавшемся разговоре проявили как раз те, кого он больше всего касается по должности. Письма читателей стали приходить в редакцию

ТРИ СТАТЬИ, ПРИЗЫВАЮЩИЕ К УСИЛЕНИЮ БОРЬБЫ С АЛКОГОЛИЗМОМ

Ю. ВОЛКОВА «ЮКАЯННАЯ ЧАРКА», «ЛГ», № 4;

В. ПОМЕРАНЦЕВА «ТРЕЗВЫЙ ПОДХОД К ТРЕЗВОСТИ», № 9,

Б. ЛЕВИНА «СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АЛКОГОЛИКА», № 11),

ВЫЗВАЛИ ОБШИРНУЮ ПОЧТУ. ЧИТАТЕЛИ АКТИВНО ВКЛЮЧИЛИСЬ В ОБСУЖДЕНИЕ ПОДНЯТОЙ ПРОБЛЕМЫ. СЕГОДНЯ МЫ ПЕЧАТАЕМ ПОЛЕМИЧЕСКУЮ СТАТЬЮ ПИСАТЕЛЯ А. СМИРНОВА-ЧЕРКЕЗОВА И ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

«ПИТЕЙНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ»

НЕДАВНО в «Комсомольской правде» я вычитал, что из 626 клиентов московских вытрезвителей 330, больше половины, напились в запрещенных местах, то есть в подъездах, скверах, во дворах и еще где-то, но не дома, не в гостях и не в ресторане. И мне вспомнилась одна встреча в подмосковной электричке.

Напротив меня сидел пожилой человек, как потом оказалось, горновой с «Серпа и молота». Мы разговорились. Я понял, что он «на взводе», но чуть-чуть, просто потерял строгость, обычно ему присущую, судя по глубоким морщинам на лбу.

— Была вот у нас пивная, — рассказывал он. — Закрыли. Мол, негоже рядом с заводом. Конечно, есть у нас архаровцы: как за ворота, так — в пивную, да с поллитронкой, пальнется «ершом» под завязку и пошел чудить. Прежде, бывало, уговаривали таких сами, без милиции. Коленкой под одно место и — иди, проветрись! Теперь их стало побольше, а мы как-то подобрели, вернее сказать, равнодушнее стали.

— Это одна сторона дела. А вот другая, — продолжал он. — Вышли мы сегодня с приятелем. Получка в кармане. Хорошо бы пивца попить, да на улице зимой не торгуют. Взять в магазине? А пить где? Он на Таганке живет, я—в Томилино. И ведь с пивом самое приятное — посидеть, поговорить, а мне сегодня особенно нужно было. Нет, не получается, знает, у вас с пивом, давай придумаем чего покороче в попроще. Правду сказать, долго не думали, прихватили третьего, взяли поллитронку, вышли за угол, вакуснли рукавом и — по домам. Так-то вот... И не прошлось высказать приятелю, что на душе лежит. Теперь вам придется рассказывать, больше некому. Если позволите, конечно, — добавил он улыбнувшись...

Вспомнилась мне в другая встреча, уже не с человеком, а с городом, на строительстве которого я когда-то работал, чем всегда горнусь.

Молодой Мнасс (а есть еще и старый, ставший пригородом) — город при автозаводе, город-работяга, в красивый, расположенный в самом живописном месте Южного Урала. Года три назад и вновь побывал там, обошел многие клубы и дома культуры, кинотеатры и библиотеки, познакомился со многими интересными людьми: инженерами и рабочими, ступенчатыми и их преподавателями (в Мнассе два техникума и филиал Челябинского политехнического института), с музыкантами из двух музыкальных школ, с художниками, с актерами народных театров, с журналистами. И убедился в том, что Мнасс — город современный, способный широко удовлетворить материальные и духовные запросы своих жителей.

Но вот я наблюдал там такую сценку. В послеобеденные часы на главной улице города, у пивного ларька всегда стояла толпа мужчин. И довольно большая, человек до сорока. Зрелище в общем-то довольно привычное и для Москвы, но здесь меня неприятно поразила одна особенность: люди пили пиво не из кружек, а из стеклянных консервных банок. Проходя мимо, я чертыхался: неужели в Мнассе нет копеечных пивных кружек?

Однажды я оказался у пивного ларька днем. Перед ним не было ни души. Я было решил, что нет и пива, — дело у нас обычное, — но продавщица мне в ответ молча кивнула на три огромные бочки во своей спиной.

— Отлично! — сказал я. — Налейте мне кружечку или три бидонсти банчику.

— Пиво продается только на вынос, гражданин, — сказала продавщица.

— Но я взрослый день живу, как люди пьют здесь пиво из консервных банок. Где же они их берут?

— Не знаю, гражданин. Это меня не касается.

Надо полагать, устроители подобных ларьков с продажей пива «на вынос» рассуждают так. Зачем, дескать, человеку пить пиво на тротуаре? Летом там пыльно и жарко, зимой холодно. Не лучше ли ему принести пиво домой? И жена будет довольна, что муж не шатается неизвестно где и с кем, да и ему самому будет приятно потягивать пиво из стакана, а не из чьей-то грязной банки, и не стоя, а сидя, никуда не торопясь.

Казалось бы, все верно, а на самом деле — типичный пример того, как жизнь людей со всем сложнейшим переплетом отношений между ними подгоняется под некую схему.

Разумеется, в некоторых семьях происходит именно так, как рисуют себе иные «идеалисты». Но, очевидно, не во всех. Ибо тогда не стояла бы у ларька толпа мужчин с банками вместо кружек. Я поговорил с несколькими из них. И на вопрос: почему они не пьют свое пиво дома? — получил такие ответы.

Первый сказал:

— Жена мой знает только одну арифметику: кружка пива — литр молока. Дети мои, слава богу, без молока не сидят, да поди поговори с ней.

Второй сказал:

— Бери домой за бидоном, а потом обратно с пивом. Это из-за двух кружек-то? Лучше я их в желудке домой донесу.

Третий сказал:

— Жена моя не против пива, однако сама не пьет, в одному скучно пить.

Ну, как тут не пожелать Миассу пивных! А их там нет, во всяком случае три года назад не было.

Многие читатели и особенно читательницы выплюют на мою голову громы и молнии. Не обязано наше общество, скажут они, потакать пьяницам или даже просто любителям выпить. Оно должно помогать человеку бороться с низменными страстями.

Верно, должно, однако не пересуериствуя в этом. Было бы крайне досадно, если, скажем, помогая человеку бороться с курением — страстишкой довольно противной и достаточно вредной — в городе прекратили бы продажу папирос в табаке. Нет, снабжать жителей никотинным ядом нужно бесперебойно. Это звучит несколько парадоксально, однако тут все ясно, и ни один человек не станет утверждать противное.

Но вот как быть с другим ядом, не менее вредным для здоровья и значительно более вредным в социальном смысле, — с водкой? Снабжать этим ядом население нужно опять-таки бесперебойно, но этого недостаточно. Курить можно и стоя и сидя, на улице и дома, — специальных курительных заведений не требуется. С алкоголем — иначе, с ним не так все просто и не так все ясно.

Оглянемся немного назад. В 1958 году в печати, в письмах читателей, на собраниях горячо критиковалась существовавшая тогда практика торговли спиртными напитками. Наша общественность справедливо восстала против чисто коммерческого подхода к этому делу. И действительно, выпить и закусить тогда можно было в каждой подворотне. Все торговые точки, до самой маленькой точечки — киоска, где продавщице и повернуться негде, стремились выполнить план за счет водки. Ее буквально совали вам в руки. Пей — не хочу!

Протест общественности привел к запрещению торговли спиртными напитками на вокзалах и пристанях, в столовых, в закусочных, буфетах, во всех специализированных магазинах. Были ликвидированы все «заглаволкн», киоски с водкой, закрыты почти все пивные. Ограничили продажу водки и в ресторанах, правда, почему-то только водки, а, например, коньяк продолжали продавать сколько душе угодно. Ну и, конечно, водка скоро добилась равноправия с коньяком.

В Министерстве торговли РСФСР я познакомился с динамикой продажи спиртных напитков. Выяснилось, что в первый же год после введения ограничений потребление водки резко упало. Но потом кривая потребления снова начала подниматься, года за три дошла до прежнего уровня и медленно, но верно продолжает виться вверх.

Правда, по потреблению алкоголя на душу населения мы продолжаем отставать от развитых капиталистических стран. Кстати сказать, в этом соревновании, где каждая страна предпочитает оставаться на последнем месте, первое принадлежит Франции. Говорят, в Париже можно увидеть лозунг: «Французы! Помни о своих детях. Не пей больше литра вина в сутки!». Недалеко от Франции ушла Италия. Англичане, западные немцы, американцы, бельгийцы ваниры уменьшить зло, если его не удается вовсе искоренить.

Итак, я прошу без ухмылок, всерьез подумать о том, как разумнее подойти к организации «питейного дела», поскольку оно все равно существует и не может не существовать, во всяком случае пока не может.

Сначала о наших напитках. Если говорить о русских, украинцах, белоусах и вообще всех, живущих не на Кавказе и не в Средней Азии, где иные условия, иные традиции, то

Водка — напиток крепкий, если не крепчайший, это знает каждый. Наша водка очень популярна за границей, это тоже знают все. Однажды я наблюдал, как ее пьют иностранцы.

Специальный поезд с иностранными делегатами Всемирного конгресса архитекторов сопровождали несколько корреспондентов, в том числе и я. Не успел поезд тронуться, как в вагон-ресторан вошли два уйма народу, и все в один голос потребовали водки. Принесли и выпили, шведы и англичане уселись вокруг столиков, поставили перед собой бутылки с водкой и принялись ее пить.

Рядом со мной французы разлили водку в большие бокалы. Никакой еды на столе у них не было. Ну, думаю, сейчас они узнают, почем фунт лиха, хорошо поймут, что такое «водка рюсс», особливо выпив ее так вот, без закуски.

Закажал себе обед, и тоже не без графинчика. Выпил рюмку, вакуснл, сижу и поглядываю на французов, жду, что с ними будет.

ПОЧТА РЕДАКТОРА

НЕТ, ФИЛЬМ УЧИТ ДРУГОМУ

Просмотрев фильм «Обвиняются в убийстве», известный и уважаемый мной драматург В. Розов в своих «Размышлениях по дороге домой» («Литературная газета», № 13, 1970 г.) приходит к выводу, что картина хорошая. Но что в ней плохо?

«Я никогда не понимал авторов повестей, романов, пьес, сценариев. — размышляет В. Розов, — в которых мерзкие, находящихся в безвыходном положении, призывают лезть на нож, на пулю».

«Связаться с четырьмя пьяными громилами не храбрость — бессмысленность».

А ведь именно здесь-то и заложена одна из основных идей фильма, делающего его высоконравственным!

Укрепление правопорядка и законности — наша общая забота. Это уже стало у нас бесспорным, как аксиома.

О гражданском долге советского человека участвовать в борьбе с хищениями социалистической собственности, нарушениями общественного порядка и другими отрицательными явлениями говорится, в частности, и в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Непримиримость к преступным проявлениям, о которой мы так много говорим, означает, что борьба с ними должна стать делом всех и каждого. Эта непримиримость и воспитывается всем нашим строем, укладом жизни и, наконец, нашим законодательством в советских людях, всегда готовых даже с риском для жизни защищать интересы социалистического общества и отдельных его членов.

Для меня лично очевидно, что гражданин, а часто и гражданка, защищая народное добро от налетчиков и грабителей или задерживая опасных и вооруженных преступников (идя «на нож, на пулю»), не «жертвы», а герои. И вряд ли кто сомневается в том, что ордена и медали давят таким гражданам не за «бессмысленность».

Борьба с преступностью — всенародное дело, и если все мы будем проходить мимо правонарушений и преступных проявлений, то одним административным органам будет трудно поддержать порядок на нашей земле. Однако, если я правильно понял В. Розова, он думает иначе, считая, что «в нашем обществе есть группа лиц, специально предназначенных для борьбы с уголовным элементом. «Моя милиция меня бережет».

Верно, пусть бережет и, может быть, даже более активно. Это ее прямая обязанность. Ну, а мы, здоровые и сильные граждане, неужели мы должны проходить мимо безобразий и прятаться в пустяк от хулиганов? Ведь если так размышлять, то можно дойти до утверждения: «мой хата с краю».

И очень хорошо, что фильм учит как раз другому.

Ю. ТРЕЩЕТЕНКОВ,
юрист

А. ГИГАНОВ

ЕДИНОБОРСТВО ВО ИМЯ ИСТИНЫ!

Продолжаем дискуссию «Адвокат: права и проблемы». С доктором юридических наук С. Г. Березовской полемизирует юрист-практик, отдавший около тридцати лет прокурорско-следственной работе, Арсений Артемьевич Гиганов.

С ПОЛОЖЕНИЯМИ, высказанными в статье С. Г. Березовской «Совместная деятельность, а не единоборство» («ЛГ», № 15, 1970), можно согласиться лишь в той мере, в которой автором излагаются основные цели правосудия в СССР и узловые положения советского уголовно-процессуального законодательства.

Что же касается «полемического верна» статьи — взаимоотношения в суде обвинения и защиты, — то тут утверждения автора противоречат и закону, и фактам.

С. Г. Березовская утверждает, что в советском уголовном процессе, точнее говоря, в стадии судебного разбирательства уголовных дел, прокурор выполняет задачи не обвинительной стороны, противостоящей защите, а осуществляет высший, объективный и беспристрастный надзор за соблюдением законности, что в случае осуждения невиновного или назначения судом чрезмерно сурового наказания прокурор играет для восстановления справедливости «бо́льшую роль, чем защитник» (подчеркнуто С. Г. Березовской), поскольку он по должности обязан способствовать вынесению объективного приговора и «располагает бо́льшими организационными возможностями для полного раскрытия объективной истины».

Более ста лет назад К. Маркс, имея в виду уголовный процесс, писал, что соединение в одном лице функций обвинения и защиты противоречит всем законам психологии.

Но, видимо, для С. Г. Березовской объективные законы психологии существенной роли не играют. Прокурор обязан по должности, у него имеются организационные возможности, — значит, он и должен, и может быть в одно и то же время и обвинителем, и защитником, и более того — одновременно следить за точным исполнением законов при рассмотрении уголовных дел судом!

Посмотрим, выдерживает ли данная концепция столкновение с действительностью.

По мнению С. Г. Березовской, прокурор поддерживает обвинение в суде, то есть становится обвинителем лишь после того, как в ходе судебного разбирательства убедится в виновности и необходимости наказания подсудимого. В действительности же такое убеждение складывается у прокурора уже в ходе предварительного, досудебного расследования дела (если прокурор руководил им) и уж никак не позже, чем при изучении материалов уголовного дела перед утверждением составленного следователем обвинительного заключения и направлением дела в суд.

Если при изучении дела прокурор убеждается в невиновности обвиняемого, или в малозначительности совершенного преступления, или в невозможности применения уголовного наказания к обвиняемому, он прекращает дело; если прокурор сомневается в виновности обвиняемого или доказанности его вины, он направляет дело следователю для дополнительного расследования со своими письменными указаниями. Таковы обязанности прокурора, записанные в статьях 213 и 214 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Так происходит и в жизни. Убежденный еще до суда в виновности и необходимости наказания подсудимого, прокурор стремится доказать суду правильность выводов руководимого им предварительного расследования, потому он и именуется обвинителем, а не прокурором в статьях УПК, регулирующих ход судебного процесса с самого его начала.

Ответственность за сроки, качество и выводы предварительного следствия оказывает, как увидим дальше, решающее влияние на всю дальнейшую уголовно-процессуальную деятельность прокурора.

Да, согласен с С. Г. Березовской: прокурор в суде обязан обращать внимание на нарушения закона, кем бы они ни допускались, и, если они не устранены, его долг внести частные или кассационный протест. Однако высказанная ею твердая уверенность в действительном исполнении прокурорами этих обязанностей оказывается весьма хрупкой, когда ей противостоят факты. Кандидат юридических наук А. Н. Долгова при изучении судебно-прокурорских статистических данных за 15 лет (1950 — 1964 гг.) и конкретных протестов прокуроров за 1965 и 1966 годы по Белорусской ССР, а также Московской, Минской и Львовской областям пришла к выводу, что в среднем лишь около 38 процентов случаев отмены судебных решений из-за нарушений закона судами имели место по протестам прокуроров. Заметим, кстати, что прокуроры, по тем же данным, совершенно не приносили жалобы в пользу осужденных и изменяли в основном по жалобам осужденных и их защитников.

Не ясно, какую стадию уголовного процесса имела в виду С. Г. Березовская, утверждая, что объективно (?!) прокурор играет большую роль, чем защитник, для предупреждения судебной ошибки (необоснованное осуждение, чрезмерно суровый приговор). Если учесть, что при этом С. Г. Березовская упоминает об организационных возможностях прокуратуры, то, видимо, речь идет о стадии предварительного расследования. Но ведь на протяжении всей этой стадии защита к участию в деятельности органов расследования не допущена, доказательства собираются и проверяются лишь с точки зрения следователя и прокурора. А. Л. Быков изучил 800 уголовных дел, расследованных органами МВД города Москвы и рассмотренных судами в период с 1963 по 1966 год. По этим делам прокуроры до суда приняли решение об изменении обвинения на менее тяжкое по 2 процентам дел, а суды — по 23 процентам дел. Следовательно, прокуроры города Москвы по каждому пятому делу не предотвратили до суда обвинение гражданам в преступлениях, которых обвиняемые не совершали. А выполняли прокуроры эту свою обязанность, установленную в пункте 7 статьи 213 УПК РСФСР, в десять раз реже, чем требовалось. И лишь суд с помощью защитников пришел к законному решению.

Не вызывает сомнения правильность вывода многих ученых-юристов о том, что участие защиты в оценке доказательств и правильности квалификации преступлений с самого начала предварительного следствия значительно уменьшило бы количество таких и подобных нежелательных (мягко говоря) ситуаций.

Но, возможно, С. Г. Березовская имела в виду деятельность прокуроров по предупреждению судебных ошибок уже в стадии судебного разбирательства? Кстати, в статье подчеркивается, что прокурор, убедившийся в шаткости предъявленного обвинения, обязан отказаться от обвинения (если ясно, что подсудимый невиновен) или просить о направлении дела на дополнительное расследование (если обвинение недостаточно доказано).

И вот тут-то особенно наглядно воздействие тех самых психологических факторов, о которых писал К. Маркс. Если быть объективным — нужно просить суд оправдать подсудимого или возвратить дело на доследование. Но у прокурора еще до суда сложилось твердое убеждение в виновности подсудимого, отказаться от него так, сразу, нелегко. Да и вся работа по расследованию дела велась под руководством прокурора, обвинительное заключение им утверждено — легко ли поставить под удар свою и подчиненных работу? И в результате, например, по всему СССР в 1968 году из взятых на выборку 750 уголовных дел, по которым приговоры впоследствии были отменены, прокуроры поддерживали обвинение (полностью или частично) по 745* делам! Лишь по пяти делам прокуроры отказались от обвинения, значит, и от поддержания обвинения в суде. Обвинение в суде должны поддерживать лица, руководящие предварительным следствием, прокурор же обязан принятыми ему методами осуществлять высший надзор за законностью, в том числе и за действиями обвинительной власти на всех этапах ее деятельности.

По моему мнению, весь следственный аппарат целесообразно сосредоточить в министерствах внутренних дел, чтобы одновременно с розыскным аппаратом под единым руководством (и под высшим надзором прокуратуры) нацелить его на борьбу и против преступлений, и против тех нарушений общественного порядка, которые в большинстве случаев порождают преступления. Не исключены, разумеется, и другие конструктивные решения.

Защита же нужна именно как сторона в процессе, противостоящая обвинению, нужна она с самого начала предварительного расследования, когда подозреваемому в преступлении гражданину особенно необходима помощь специалиста-юриста.

По существу статьи С. Г. Березовской можно еще добавить, что она, справедливо указывая на недопустимость нервозности, нетерпимости, а иногда и насмешек над участвующими в деле лицами со стороны судей, призванных олицетворять беспристрастность, в то же время необоснованно возражает против полемического задора, который, к сожалению, нечасто встречается у наших судебных ораторов.

Закон (статьи 295—298 УПК РСФСР) предусматривает для высказывания мнений представителей обвинения и защиты именно полемическую форму, именуя их судебными прениями, оканчивающимися обменом репликами. При этом председательствующий вправе останавливать выступающих в судебных прениях, лишь «если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу», но не в случае даже чрезмерно острой оценки позиции процессуальных соперников — этого в законе нет.

Эмоциональная окраска полемики неизбежна, степень ее зависит от индивидуальных качеств полемиста и, конечно, от глубины его убеждения в своей правоте и в неправоте оппонента. При выступлении в суде стороны руководствуются «требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела» — так в статье 248 УПК РСФСР записано в отношении прокурора, справедливо это и для защитника.

По мнению В. И. Ленина, «...Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины».

Истина, рождающаяся в судебном споре, служит интересы государства и решает судьбу человека, так можно ли оставаться бесстрастным — и даже беспристрастным, — когда являешься одной из сторон в этом споре и уверен в своей правоте?

*** Управленческой ССР изменение приговоров в 76,5 процента случаев произошло потому, что суды первой инстанции назначали чрезмерно суровые наказания. И лишь 2 процента этих изменений — по протестам прокуроров. Соотношение роли прокуроров и защитников довольно убедительно. А вот данные по всему Союзу ССР — в 1967 году почти для трети всех кассационных жалоб имели целью усиление меры наказания, отмену оправдательных приговоров, а удовлетворены они были судами лишь в 0 процентах случаев.**

Степень объективности судебного надзора прокуратуры не является, пока остается основная причина, снижающая эту объективность. — ответственность прокуратуры за результаты предварительного расследования уголовных дел.

Обвинительная деятельность прокуратуры в настоящее время занимает в ее работе основное место и ущерб осуществлению высшего надзора за законностью, хотя этот надзор есть, по мнению В. И. Ленина, единственная обязанность прокуратуры («прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности...»). И того же. как нам известно, требует статья 113 Конституции СССР.

Многие юристы — и практики, и ученые — высказывают аргументированное мнение, что для осуществления высшего надзора за законностью необходимо освободить прокуратуру от административного (в том числе и в процессуальной форме) руководства следствием и дознанием, а значит, и от поддержания обвинения в суде. Обвинение в суде должны поддерживать лица, руководящие предварительным следствием, прокурор же обязан принятыми ему методами осуществлять высший надзор за законностью, в том числе и за действиями обвинительной власти на всех этапах ее деятельности.

По моему мнению, весь следственный аппарат целесообразно сосредоточить в министерствах внутренних дел, чтобы одновременно с розыскным аппаратом под единым руководством (и под высшим надзором прокуратуры) нацелить его на борьбу и против преступлений, и против тех нарушений общественного порядка, которые в большинстве случаев порождают преступления. Не исключены, разумеется, и другие конструктивные решения.

Защита же нужна именно как сторона в процессе, противостоящая обвинению, нужна она с самого начала предварительного расследования, когда подозреваемому в преступлении гражданину особенно необходима помощь специалиста-юриста.

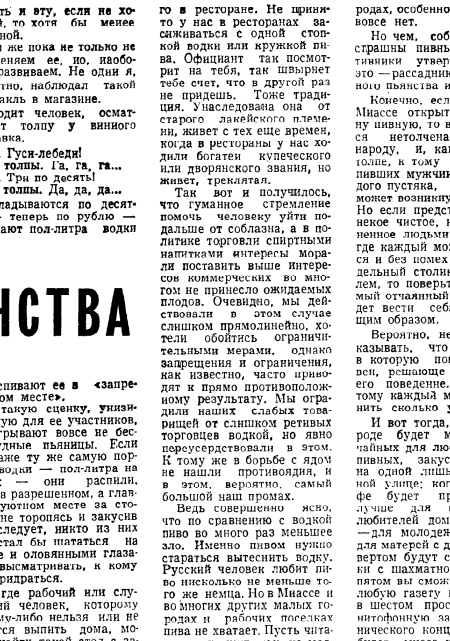
По существу статьи С. Г. Березовской можно еще добавить, что она, справедливо указывая на недопустимость нервозности, нетерпимости, а иногда и насмешек над участвующими в деле лицами со стороны судей, призванных олицетворять беспристрастность, в то же время необоснованно возражает против полемического задора, который, к сожалению, нечасто встречается у наших судебных ораторов.

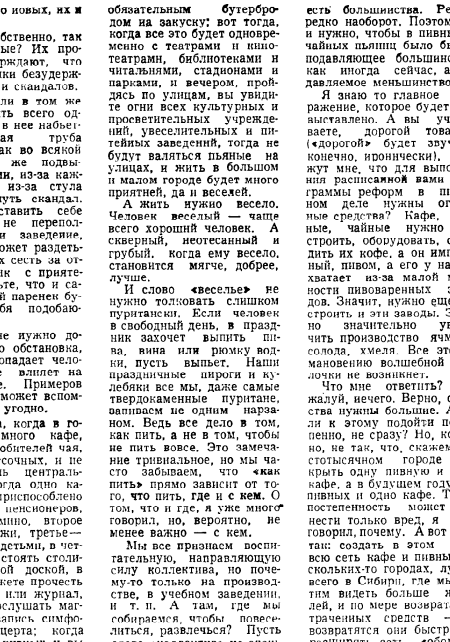
Закон (статьи 295—298 УПК РСФСР) предусматривает для высказывания мнений представителей обвинения и защиты именно полемическую форму, именуя их судебными прениями, оканчивающимися обменом репликами. При этом председательствующий вправе останавливать выступающих в судебных прениях, лишь «если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу», но не в случае даже чрезмерно острой оценки позиции процессуальных соперников — этого в законе нет.

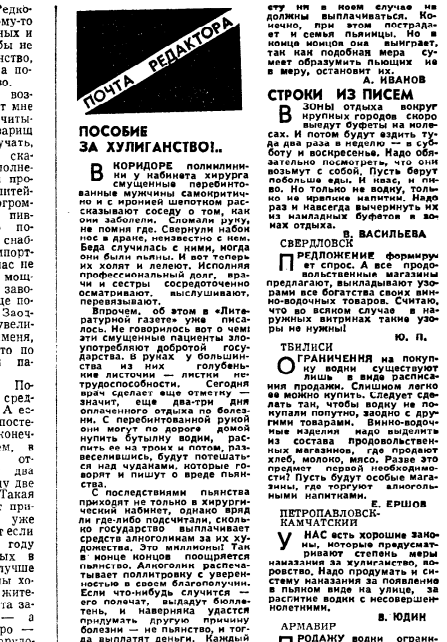
Эмоциональная окраска полемики неизбежна, степень ее зависит от индивидуальных качеств полемиста и, конечно, от глубины его убеждения в своей правоте и в неправоте оппонента. При выступлении в суде стороны руководствуются «требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела» — так в статье 248 УПК РСФСР записано в отношении прокурора, справедливо это и для защитника.

По мнению В. И. Ленина, «...Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины».

Истина, рождающаяся в судебном споре, служит интересы государства и решает судьбу человека, так можно ли оставаться беспристрастным — и даже беспристрастным, — когда являешься одной из сторон в этом споре и уверен в своей правоте?







Новости на каждом шагу.

Фото читателя Г. ЗЫКОВА

БЕЗ ПЬЯНСТВА

Съел обед, выпил всю свою водку и ушел, не дождавшись. К этому времени мои французы — как выяснилось, они перед тем успели плотно пообедать — отпили по три-четыре аперитивных глоточка из своих бокалов и выдули по бутылке пива каждый. Потом, уже поздно вечером, я проходил через ваш ресторан и опять увидел их со все еще не допитыми бокалами.

Да так можно пить и гремучую ртуть — не взорвешься! А я, между прочим, после графинчика не сразу и сообразил, сколько их, этих французов, сидело рядом со мной...

Нужен правильный, что в Западной Европе пьют хоть и больше нашего, но умело пьют, черт их побери! Пьют чаще всего на сытый желудок, а главное — напитки некрепкие или разбавленные, и выпивают свою норму понемногу, в течение, скажем, целого вечера.

Мы же, русские, пьем обязательно на голодный желудок и не спешим его наполнить, пока не выпьем всю свою порцию водки. Поэтому и закусываем каким-нибудь очаровательным, но малопитательным огурчиком или там соленым грибком. А после сытного обеда не станем пить водку даже под дулом пистолета.

Такова традиция, должно быть, исторически сложившаяся. А бороться с традициями трудно, в времени на искоренение вредных традиций нужно много.

Однако дело это не вовсе безнадежное. Немало вредных традиций мы уже искоренили, вытеснили новыми, хорошими. Можно вытеснить и эту, если не хорошей, то хотя бы менее скверной.

Мы же пока не только не искореняем ее, но, наоборот, развиваем. Не один я, вероятно, наблюдал такой спектакль в магазине.

Входит человек, осматривает толпу у винного прилавка.

Он. Гуся-лебедя!
Из толпы. Га, га, га...
Он. Три по десять!
Из толпы. Да, да, да...

Складываются по десятке — теперь по рублю — покупают пол-литра водки и распивают ее в «запрещенном месте».

И такую сценку, унизительную для ее участников, разыгрывают вовсе не бесправные пьяницы. Если бы даже ту же самую порцию водки — пол-литра на троих — они распили, сидя в разрешенном, а главное, уютном месте за столом, не торопясь и закусив как следует, никто из них не стал бы шататься на улице и оловянными глазами высматривать, к кому бы придраться.

А где рабочий или служащий человек, которому почему-либо нельзя или не хочется выпить дома, может найти такой стол с закуской? Только в ресторане, другого места нет. Но ведь в ресторан так просто не зайдешь, нужно и придоться после работы, и деньжат прихватить побольше.

Да и не насидишься долго в ресторане. Не принято у нас в ресторанах засиживаться с одной стопкой водки или кружкой пива. Официант так посмотрит на тебя, так швырнет тебе счет, что в другой раз не придешь. Тоже традиция. Унаследована она от старого лакейского племени, живет с тех еще времен, когда в рестораны у нас ходили богатеи купеческого или дворянского звания, но живет, трехлятая.

Так вот и получилось, что гуманное стремление помочь человеку уйти подальше от соблазна, а в политике торговли спиртными напитками интересы морали поставить выше интересов коммерции, к добрым не принесло ожидаемых плодов. Очевидно, мы действовали в этом случае слишком прямолинейно, хотели обойтись ограничительными мерами, однако запрещения и ограничения, как известно, часто приводят к прямо противоположному результату. Мы оградили наших слабых товарищей от слишком ретивых торговцев водкой, но явно пересуетствовали в этом. К тому же в борьбе с ядом не нашли противоядия, и в этом, вероятно, самый большой наш промах.

Ведь совершенно ясно, что по сравнению с водкой пиво во много раз меньшее зло. Именно пивом нужно стараться вытеснить водку. Русский человек любит пиво нисколько не меньше того же немца. Но в Миассе и во многих других малых городах и рабочих поселках пива не хватает. Пусть читатель вспомнит, как на встречных железнодорожных станциях любители пива осаждают вагоны-рестораны.

А если пива будет вдосталь, то где его пить? Хватит пальцев на руках, чтобы пересчитать пивные в Москве. А во многих городах, особенно новых, их и вовсе нет.

Но чем, собственно, так страшны пивные? Их противники утверждают, что это — рассадники безудержного пьянства и скандалов.

Конечно, если в том же Миассе открыть всего одну пивную, то в нее набьется неточная труба народу, и, как во всякой толпе, к тому же подвыпивших мужчин, из-за каждого пустяка, из-за стула может возникнуть скандал. Но если представить себе некое чистое, не перенасыщенное людьми заведение, где каждый может разместиться и без помех сесть за отдельный столик с приятелем, то поверьте, что и самый отчаянный паренек будет вести себя подобающим образом.

Вероятно, не нужно доказывать, что обстановка, в которую попадает человек, решающе влияет на его поведение. Примеров тому каждый может вспомнить сколько угодно.

И вот тогда, когда в городе будет много кафе, чайных для любителей чая, пивных, закусочных, и не на одной лишь центральной улице; когда одно кафе будет приспособлено лучше для пенсионеров, любителей домино, второе — для молодежи, третье — для матерей с детьми, в четвертом будут стоять столики с шахматной доской, в пятом вы сможете прочесть любую газету или журнал, в шестом прослушать магнитофонную запись симфонического концерта; когда будет много пивных и вы всегда сможете найти в них свежее пиво с мочеными горохом или солеными сухариками в придачу, а в иных и рюмку водки без наценки, как в ресторане (без! — иначе опять пойдут пить на бульвар), но с обязательным бутербродом на закуску; вот тогда, когда все это будет одновременно с театрами и кинотеатрами, библиотеками и читальнями, стадионами и парками, и вечером, пройдясь по улицам, вы увидите огни всех культурных и просветительных учреждений, увеселительных и питейных заведений, тогда не будут валяться пьяные на улицах, и жить в большом и малом городе будет много приятней, да и веселей.

А жить нужно весело. Человек веселый — чаще всего хороший человек. А скверный, неотесанный и грубый. когда ему весело, становится мягче, добрее, лучше.

И слово «веселье» не нужно толковать слишком пуританскии. Если человек в свободный день, в праздник захочет выпить пива, вина или рюмку водки, пусть выпьет. Наши праздничные пироги и кулебяки все мы, даже самые твердокаменные пуритане, запиваем не одним нарзаном. Ведь все дело в том, как пить, а не в том, чтобы не пить вовсе. Это замечание тривиальное, но мы часто забываем, что «как пить» прямо зависит от того, что пить, где и с кем. О том, что и где, я уже много говорил, но, вероятно, не менее важно — с кем.

Мы все признаем воспитательную, направляющую силу коллектива, но почему-то только на производстве, в учебном заведении, и т. п. А там, где мы собираемся, чтобы повеселиться, развлечься? Пусть слово «коллектив» не очень подходит, скажем, к молодежи, собравшейся на танцы. Пусть это называется как-то иначе. Но законы воздействия большинства на меньшинство здесь те же. И худшие подтягиваются до уровня лучших, то есть большинства. Редко-редко наоборот. Поэтому-то и нужно, чтобы в пивных и чайных пьянщ было бы не подавляющее большинство, как иногда сейчас, а подавляемое меньшинство.

Я знаю то главное возражение, которое будет мне выставлено. А вы учитываете, дорогой товарищ («дорогой» будет звучать, конечно, иронически), скажут мне, что для выполнения расписанной вами программы реформ в питейном деле нужны огромные средства? Кафе, пивные, чайные нужно построить, оборудовать, снабдить их кофе, а он импортный, пивом, а оно у нас не хватает из-за малой мощности пивоваренных заводов. Значит, нужно еще построить и эти заводы. Заодно значительно увеличить производство ячменя, солода, хмеля. Все это по мановению волшебной палочки не возникнет.

Что мне ответить? Пожалуй, нечего. Верно, средства нужны большие. А если к этому подойти постепенно, не сразу? Но, конечно, не так, что, скажем, в стопятисотом городе открыть одну пивную и два кафе, а в будущем году две пивных и одно кафе. Такая постепенность может принести только вред, я уже говорил, почему. А вот если такс создать в этом году всю сеть кафе и пивных в скольких-то городах, лучше всего в Сибири, где мы хотим видеть больше жителей, и по мере возврата затраченных средств — а возвратятся они быстро — расширить сеть «оборудованных» городов. К тому же такой способ позволит проверить: верно ли, что подобная реформа питейного дела принесет нам пользу, а не вред? Может быть, есть смысл поставить такой эксперимент?

ПОЧТА РЕДАКТОРА

ПОСОБИЕ ЗА ХУЛИГАНСТВО!..

В КОРИДОРЕ поликлиники у кабинета хирурга смущенные перебинтованные пациенты шепотом и с иронией шепотком рассказывают соседу о том, как они заболели. Сломали руку, не помня где. Свернули набок нос в драке, неизвестно с кем. Беда случилась с ними, когда они были пьяны. И вот теперь их хотят вызвать в исполнительно-профессиональный долг, врачи и сестры сосредоточенно осматривают, выслушивают, перевязывают.

Впрочем, об этом в «Литературной газете» уже писалось. Не говорилось вот о чем: эти смущенные пациенты злоупотребляют добротой государства, в руках у большинства из них голубеньких листочки — листки нетрудоспособности. Сегодня врач сделает еще отметку — значит, еще два-три дня оплаченного отдыха по болезни, с перебинтованной рукой они могут по дорогу домой купить бутылку водки, распить ее на ходу, а, развеселившись, будут потешаться над чуданами, которые говорит и пишут о вреде пьянства.

С последствиями пьянства приходят не только в хирургический кабинет, однако вряд ли где-либо подсчитали, сколько государство выплачивает средств алкоголикам за их художества. Это миллионы! Так и можно спросить: разрешите пьянство. Алкоголик распечатывает поллитровку в уверенности в своем благополучии. Если что-нибудь случится — его починят, выдут больничнетень, и наверняка удастся придумать другую причину болезни, чтобы государство, и тогда выплатят деньги. Каждый ли врач станет допытываться, где человек получил травмы себе? Даже побоится быть излишне строгим с пьянствующим больным, который может на его участке.

Пьянщу надо лишить такой уверенности. При заболеваниях из-за опьянения, из-за злоупотребления спиртным пособия по болезни не выплачивать. Конечно, при этом пострадает и семья пьяницы. Но в конце концов она выиграет, так как подобная мера сумеет образумить пьющих не в меру, остановит их.

А. ИВАНОВ

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

В ЗОНЫ отдыха вокруг крупных городов скоро выедут буфеты на колесах. И потом будут ездить туда два раза в неделю — в субботу и воскресенье. Надо обязательно посмотреть, что они возьмут с собой. Пусть берут побольше пива. И квас, и пиво. Но только не водку, только не крепкие напитки. Надо раз и навсегда вычеркнуть их из накладных буфетов в местах отдыха.

В. ВАСИЛЬЕВА
СВЕРДЛОВСК

ПРЕДЛОЖЕНИЕ формируется просрочено. Все торговые магазины предлагают, выкладывают товарам все богатства своих винно-водочных товаров. Считаю, что во всяком случае в наружных витринах такие уже не нужны!

Ю. П.
ТБИЛИСИ

ОГРАНИЧЕНИЯ на покупку водки существуют лишь в виде расписки продавцов. Сколько легко не можно купить. Следует сделать так, чтобы водку не покупали попутно, заодно с другими товарами. Винно-водочные изделия надо выделить из состава продовольственных магазинов, где продают хлеб, молоко, мясо. Разве это предмет первой необходимости? Пусть будут особые магазины, где торгуют алкогольными напитками.

В. ЕРШОВ
ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

У НАС есть хорошие законы. Но почему-то не предусматривают степень меры наказания за хулиганство, поощряют. Надо пересмотреть систему наказания за появление в пьяном виде на улице, за распитие водки с несовершеннолетними.

В. ЮДИН
АРМАВИР

ПРОДАЖУ водки ограничили: с 11 до 20. Правильно! Но сразу появились дельцы, которые тайком выдают бутылку в запретные часы. Берут 4—5 рублей. Их надо наказывать строго, немедленно увольнять из магазина и запрещенной работать в торговле.

ЧЕРНЫШЕВ
МОСКВА

В БРАТСКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Товарищи Л. И. Брежнев, Г. Гусак, А. Н. Косыгин, Л. Свобода и П. Е. Шелест на митинге в Праге после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой.

Горячие приветствия пражан.

Телефото специального корреспондента ТАСС **В. ЕГОРОВА**

ПРАЗДНИК ИСКУССТВА

Послезавтра в нашей стране начнутся Дни чехословацкой культуры. Программа праздника искусства наших друзей обширна и насыщенна. Лучшие музыкальные коллективы — «Слуки», «Лучицан», Пражский камерный оркестр, балетная труппа Остравского театра оперы и балета, солисты выступят на сценах многих городов Советского Союза. Если посмотреть на карту нашей страны и попытаться провести линию, определяющую маршрут выступлений наших чехословацких друзей, то она пройдет по многим республикам, городам и областям, имеющим дружеские связи с ЧССР. В городах, связанных с жизнью В. И. Ленина, — Казани и Ульяновске побывают артисты из ЧССР и выступят со своими лучшими концертными номерами. Во время Дней культуры на экранах многих кинотеатров страны будет организован ретроспективный показ чехословацких фильмов, а в Москве, Волгограде и Баку с 18 по 26 мая состоится Неделя чехословацких фильмов. В картинной галерее гор. Владимира уже открыта выставка «Северо-Чешская область в творчестве живописцев и графиков». В Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина будут показаны работы чешских художников Рабаса и Седлачека. Картины художника из Словакии Немчика увидят жители Тарту и Москвы. Гастроли Пражского мужского хора состоятся, помимо Москвы, Ленинграда и Минска, также в Риге, Вильнюсе и Каунасе.

Трудно перечислить все то, что покажут нам мастера искусств Чехословакии. В Доме композиторов столицы пройдет творческая встреча чехословацких и советских композиторов. На юбилейной выставке «Чехословакия—1970» выступят звезды чехословацкой эстрады К. Готт, В. Матушка, Э. Пиларова, И. Симонова и другие.

На Дни культуры приедет писательская делегация.

НА СОРОКА ЯЗЫКАХ

На 40 языках народов Советского Союза тиражом 54 миллиона 280 тысяч экземпляров в нашей стране изданы книги чешских и словацких авторов. Только в 1968—1969 годах нашими издательствами было выпущено 135 книг общим тиражом 4 миллиона 41 тысяча экземпляров. Эти цифры рассказывают о грандиозном труде переводчиков, издателей, полиграфистов, художников, благодаря которым читатели могут ознакомиться с произведениями классиков и современных авторов братской Чехословакии.

На днях в Комитете по печати при Совете Министров СССР состоялось открытие Декады книги Чехословацкой Социалистической Республики. Открывая декаду, заместитель председателя Комитета по печати при Совете Министров СССР Г. Мартиросян говорил о крепнущих связях народов СССР и ЧССР, о близости наших культур.

«Совсем недавно советский народ, все прогрессивные люди мира праздновали замечательную дату — сотую годовщину со дня рождения В. И. Ленина, — сказал советник посольства ЧССР в СССР, известный чешский поэт и переводчик произведений многих советских авторов Иржи Тауфер. — Сейчас мы отмечаем еще один юбилей — 25-ю годовщину освобождения Чехословакии героической Советской Армией. Мы отмечаем 25-летие победы над фашизмом, в которой решающую роль сыграли Советский Союз, социалистическое государство, руководимое ленинской партией, славная Советская Армия и могучий, удивительный, мужественный советский народ — этот настоящий герой XX века».

В дни, посвященные 25-летию Великой Победы, в Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы была открыта выставка книг Чехословацкой Социалистической Республики. Фонд книг на чешском и словацком языках во ВГБИЛ насчитывает 56 тысяч экземпляров. За последние десять лет он вырос более чем в полтора раза. К столетию со дня рождения В. И. Ленина библиотека получила из Чехословакии ряд юбилейных изданий. ВГБИЛ ведет обмен с 36 организациями Чехословакии.

На выставке — книги писателей и поэтов, хорошо известных нашим читателям, — Ю. Фучика, М. Пуймановой, М. Майеровой, В. Незвала, Я. Гашека, К. Чапека и многих других.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ЦВЕТЫ С БЕРЕГОВ ВЛТАВЫ

МНЕ очень повезло: я осмотрел выставку «Чехословакия — 1970» за два дня до ее открытия, да к тому же впечатления от нее помножились в памяти на то, что я видел в этой стране совсем недавно, в марте, когда берега Дуная и Влтавы были уже в зеленой дымке расцветающих деревьев, как сегодня берега Москвы-реки.

Громадный стеклянный куб здания, предоставленного Чехословакии под выставку, находится на ВДНХ рядом с павильоном «Космос», фактически у подножия натуральной модели космической ракеты «Восток».

Когда я пришел на выставку, заканчивались последние приготовления к открытию. Громадного здания не хватило для всех экспонатов — они размещены и под открытым небом. Вокруг них толпились монтажники и персонал выставки—деловитые, озабоченные люди в комбинезонах. Соседство с космической ракетой наталкивало на ассоциацию с последними приготовлениями к «запуску» выставки.

Наши друзья привезли сюда шесть тысяч цветов с корнями, сохраненными в доставленной в Москву чехословацкой земле. Цветы тоже не уместились в стеклянном здании, выбежали наружу и словно бы устремились к ракете, как тогда, при первом моем свидании с Прагой, в далеком 1945-м, устремились они к гусеницам и броне наших танков.

Выставка посвящена 25-летию освобождения Чехословакии Советской Армией. Некоторые фотографии на стендах возвращают нас к тем весенним дням, но основная задача — показать социалистическую Чехословакию сегодня. История страны органично входит в экспозицию. В центральном зале ковер из алых гвоздик раскинулся перед бюстом Ленина, вдохновенно выполненным скульптором Каваном. А напротив этой скульптуры, по другую сторону живого ковра, — двенадцать кажущихся старинными горельефов из истории Чехословакии. Ленин как бы видит перед собой историю страны в отсветах алых гвоздик. Над этой композицией возвышается государственный герб республики.

Наши друзья очень тонко продумали и осуществили сочетание техники и быта, серьезного и веселого, государственного и, если можно так выразиться, домашнего.

Я плохо разбираюсь в машинах, но они и меня восхитили своей отделкой, мощью, сочетающейся с изяществом. Конечно же, Чехословакия, активный член СЭВ, демонстрирует свои достижения в области электротехники, электроники, тяжелого машиностроения, химии, транспорта. В павильоне возвышается могучее сооружение, благодаря своим линиям кажущееся легким и напоминающее яхту. Но это горизонтальный бур, необходимый для горных разработок.

Другой экспонат — строительный кран 55-метровой высоты — в павильоне не уместился и стоит перед зданием, как аист около дома. Отличные чехословацкие автомобили были знакомы нам и раньше, но, наверное, самолеты-малолитражки поразят всех посетителей выставки. Если такой аэроплан стоит во дворе, надо только сесть в кабину, вырулить после короткого разгона взлететь. Это мечта будущего, но уже совсем не далекого. Ведь автомобиль тоже несколько десятилетий назад казался машиной, не доступной для нашего быта.

Хозяева выставки поставили перед собой задачу продемонстрировать уровень жизни в стране, в это он удается при помощи композиций, выполненных с большим вкусом и тактом.

Не просто успехи мебельной промышленности, но устройство и убранство квартир можно увидеть здесь. Удобно, добротно живут чехи и словаки.

Проелестен детский зал — по белым туннелям маленькие посетители пройдут к куклы разыгрывают сюжеты из чешских и словацких сказок. Туннели предусмотрительно построены довольно высокие — кто из взрослых откажет себе в удовольствии приобщиться к фантастическому миру короля-оленя?

Конечно же, мы будем любоваться знаменитым стеклом и украшениями, побываем на демонстрации мод. Приехали картины из знаменитых музеев Праги и Братиславы. Их надо увидеть!

Жизнь выставки обещает быть бурной и кипучей, потому что хозяева хотят показать нам свою страну в движении.

На охватывающем полукружности экране будет демонстрироваться цветной кинотриптих, повествующий о последних 25 годах республики. Фильм длится всего 7 минут, но за этот короткий срок можно увидеть многое.

В специально построенном зале мы вновь увидим представление «Латерна Магика». Давненько не было этого уникального зрелища в Москве. «Латерна» обошла чуть не весь земной шар за эти годы. Жаль только, что в зале всего 600 мест и в день будет даваться лишь два представления. Программа зрелища — новая, весьма разнообразная. О ней надо будет писать отдельно.

Предвосхищая события, хочу поделиться своей мечтой: как бы сохранить этот зал и сделать «Латерна Магика» москвичкой? Право же, ей необходима постоянная московская прописка...

В Москву приехали выдающиеся чехословацкие артисты и музыкальные коллективы. Восемь представлений в день будет даваться в зрительном зале выставки. Жаль только, что всего восемь.

Мы вновь встретимся с Карелом Готтом и его оркестром, с Вальдемаром Матушкой, увидим островский ансамбль «Музыка без капельмейстера», получим «Музыкальный привет из Братиславы», полюбуемся Пражиной и другими ансамблями.

Не только лучшие мастера искусств Чехословакии будут нашими гостями этой весной. Под гигантской декоративной хрустальной люстрой, изготовленной в городе Теплице (товарищи с 1-го Украинского фронта помнят этот город — он лежал на нашем пути в Прагу в мае 1945 года, на картах он значился «Теплице-Шанов»), встретятся делегации городов-побратимов — чехословацких и советских. Приедут партизаны, чтобы повидаться со своими товарищами. Встреча назначена у люстры...

Слышите, товарищи, сражавшиеся под Банска-Бистрицей и в Праге? Я представляю себе, сколь волнующими будут эти встречи. Но пусть освободители Праги и партизаны Банска-Бистрицы разделят со всеми нами на равных радость встреч с сегодняшней Чехословакией. Право же, всем советским людям одинаково интересно и душевно важно почувствовать ритм жизни братской страны, прошедшей недавно нелегкие испытания и гордо утвердившейся под социалистическим флагом.

Наш нерушимый союз и братское единство — вот тема, смысл и пафос этой выставки, скомпонованной с подлинным вдохновением семьюстами мастерами, прибывшими в Москву из Чехословакии и в предельно короткий срок вместе с нашими товарищами завершившими возведение выставки.

Чехословакия блеснула своими экспозициями в Брюсселе и Монреале, сейчас работает отличная выставка в Осаке.

Но московская — самая большая и самая яркая выставка из всех, какие показывала социалистическая Чехословакия: она компактно расположилась на 23 тысячах квадратных метров и, как я уже говорил, вышла за пределы павильона.

Выставка есть выставка, к ней готовятся специально, отбирают для нее самое лучшее. Это праздник, так и должно быть. Но, побывав в Чехословакии этой же весной, я видел ее будни, вошедший в размеренную колею труд ее людей на заводах, полях и фабриках. Выставка достоверно показывает результаты труда и, если хотите, характер народа, его социалистическое развитие.

Этим она ценна, этим она впечатляет.

Перед экспонатами выставки.

Фото Л. НИСНЕВИЧА

Берлин, май 1970

ЛЕГКАЯ влажная дымка окутывает поля; когда дорога поднимается вверх, видны красные и зеленые крыши домов, характерные силуэты корпусов предприятий, уходящие вдаль телеграфные провода...

Мы, двое бывших солдат, воевавших в Германии в сорок пятом году, едем к Одеру, откуда началось наступление наших войск на Берлин, где началась весна Победы...

Тогда это был долгий путь, измерявшийся метрами, — к Берлину шли десять дней. А теперь через полтора часа мы уже были на Одере.

Мы как бы идем навстречу прошлому. Но мы не одни: обгоняем колонну молодежи со знаменами, флагами, цветами. Они тоже идут к памятным Зееловским высотам, к тому холму, где в немецкой земле лежат тысячи советских солдат, где на самой вершине высится фигура советского воина-освободителя, смотрящего вдаль на мирные поля Германии.

Зеелов. На склонах еще видны поросшие травой воронки, следы траншей.

Нас встречает секретарь местного районного комитета СЕПГ товарищ Шрёдер. Он житель здешних мест. Был солдатом. Потом русский плен, стал антифашистом. Он хорошо знает, что такое Зееловские высоты, и хочет, чтобы об этом знали другие, — но его инициативе школьники из Буса разыскивают документы, списываются с советскими друзьями, восстанавливают биографии героев зееловских боев. По словам Шрёдера, недалеко отсюда, в Райтвайне, сохранился наблюдательный пункт маршала Жукова с ходами сообщений и траншеями. Да, ветераны приезжают сюда — недавно Зеелов посетили генералы Телегин и Боков...

Ветераны боев и немецкая молодежь — прошлое смыкается с днем сегодняшним. Так и в рассказе Шрёдера — цифры и факты, говорящие об успехах местных кооперативов, столь знакомые нам слова «стройка», «построили» — перемежаются с рассказом о памятных апрельских днях сорок пятого. О победе, из которой выросла новая, молодая жизнь. И советский солдат, стоящий на Зееловском холме, так же молод, как и те, кто сейчас кладет цветы к его подножию. Сменятся поколения, а он вечно будет современником молодости. И вечно будет видеться ему в огне и дыму дорога от Одера.

Вот и Одер — он разлился в этом году еще сильнее, чем в весну сорок пятого. Дорога прямо из-под ног уходит в воду. Вот тут были наплавной мост и паромная переправа. Мотоциклист-пограничник, подъехавший к нам, показывает сохранившиеся от тех дней столбы в воде...

Селение Кюнитц — левый фланг дравшейся здесь 150-й дивизии. У берега — щит с названиями частей армии Берзарина, которые в январе сорок пятого первыми вступили на немецкую землю за Одером.

«Честь и слава Советской Армии. Вечная благодарность советским воинам». Щит, поставленный теми, кто в год нашей победы начал строить новую жизнь на немецкой земле.

Еще километры — как легко и быстро промелькнули они. Восточная окраина Гросснендорфа. Тишина. Чуть поодаль работает трактор. Сюда, за пересечение канала и узкоколейки, ворвался батальон Твардохлеба и отразил атаки фашистских танков. К нам подходит тракторист. Узнав, кто мы, просит рассказать, как все было.

Мы стоим на этом поле с немецким парнем, ровесником Германской Демократической Республики. У него широкое загорелое лицо, и нам кажется, что он похож на Героя Советского Союза Фрица Шменкеля, чью фотографию мы видели в музее Карлсхорста.

Фриц Шменкель, сражавшийся в партизанской бригаде, потом казненный гитлеровцами, — и этот парень в комбинезоне, распахивающий ныне поля на Одере...

Вспаханные и зеленеющие всходами мирные поля — они тянутся и к Кунерсдорфу, где была прорвана вторая полоса обороны. Вот мирная, с которой просматривалась местность, и канал — еще один водный рубеж на пути к Берлину...

Мы сворачиваем на северо-запад, к маленькому населенному пункту Шпандау. Две улицы, поле, темнеющий на горизонте лес. Все памятно, все знакомо. В дни штурма Берлина здесь, на полевом аэродроме, базировался штурмовой авиационный полк. Отсюда поднимались Илы в дымное, горящее небо Берлина. Дорога к зданию, где помещался штаб полка. Теперь здесь Центральный совет Свободной немецкой молодежи, и мы попадаем на торжество, посвященное выпуску восьмых классов. Звучит музыка, произносятся речи. Бургомистр Курт Минерт поздравляет выпускников, многие учатся в школе, носящей имя Героя Советского Союза Мареськева.

Курт Минерт знает в Шпандау каждого. Он приехал сюда после войны четырнадцатилетним мальчиком. Здесь учился, работал каменщиком, двенадцать лет был бригадиром. Многое построено за эти годы его руками.

Новые дома, построенные новыми людьми. Он рассказывает о работе комиссий местного Совета и подчеркивает: главное, привлечь к нашему общему делу как можно больше людей...

Мы возвращались в Берлин. Вечерело. Солнце клонилось к горизонту. Оно было впереди нас. Теперь дорога шла в том же направлении, как и тогда. В Лихтенберге молча стоим у одной могилы. На черном гранитном камне — русская надпись: «Гаврилов Сергей Андреевич. Погиб 26 апреля 1945 года при взятии Берлина. Отдыхай, Сережа. Ты славно воевал. От друга войны Настенко».

Памятник поставлен 1 мая 1946 года. Сколько таких могил на немецкой земле!

МЫ прошли по старым дорогам, по старым тропам. Возможно, это слишком малый масштаб для больших исторических событий. Но вот входим в тот дом в Карлсхорсте, где была подписана безоговорочная капитуляция фашистской Германии. Здесь историко-мемориальные залы — и мы как бы вновь совершаем весь путь от тяжкого сорок первого, когда фронт проходил по Подмосковью и дорога на передовую вела через Красную площадь, мимо Мавзолея Ленина, — к сорок пятому году, к Берлину.

Вот она, карта Берлина, взятая в бункере Гитлера. На ней пометки, сделанные в последние дни, может быть, часы боев. Стрелы советских войск, сжавших последний очаг сопротивления, — район рейхстага и имперской канцелярии. Какой маленький кружок в центре большого города! Было время, когда Гитлер сам наносил стрелы на карту Европы, а в те апрельские дни даже карта Берлина оказалась для него велика.

В залах Карлсхорстского музея все сделано руками советских солдат, несущих службу в ГДР. Собраны оспенопаты, разысканы документы. Ведется переписка с участниками великой битвы за Берлин. Начальник музея майор Кудинов называет имя генерала Карпова — одного из инициаторов создания памятника, прославляющего подвиг советского солдата.

Человеческая память избирательна — каждому, кто участвовал в весеннем наступлении и штурме Берлина, запомнилось свое. Но чувство единое у всех. И не властно над ним время. С годами лишь появляется как бы второе измерение — историческое. Оно еще зорче и острее, ибо в его фокусе самое главное — великий подвиг советского народа, принесшего освобождение человечеству.

В ЭТИ дни великого праздника — двадцатипятилетия Победы и освобождения немецкого народа весенний Берлин украсился флагами.

На открытие величественного памятника Ленину собралось более ста тысяч человек. Это были волнующие минуты. Высоко поднялся Ленин над новыми районами Берлина...

А в день освобождения на эту площадь, к памятнику Ленина, снова пришли тысячи жителей Берлина встречать участников многомесячной международной мотоэстафеты «Знамя Победы». Это поистине была встреча с молодостью мира — комсомольцы, члены молодежных организаций всех социалистических стран проделали путь по дорогам страны социализма в 6,5 тысячи километров! Но мы не заметили усталости на их счастливых лицах — молодость не знает усталости.

Трудно рассказать обо всех встречах, которые в эти теплые, весенние дни прошли в Германской Демократической Республике. А ведь каждая из них — это судьба, живая, незабываемая история...

Радостно было увидеть в Берлине Рахимжана Кошкарбаева, водрузившего на рейхстаге первый штурмовой флаг Победы. Его пригласили на праздник немецкие рабочие судостроительной верфи, назвавшие свою бригаду по имени героя штурма рейхстага. Они вручили Рахимжану Кошкарбаеву медаль «Активиста социалистического труда» и сделали его почетным членом бригады.

А в маленьком бранденбургском селении Альтентрептове встретились советская женщина Ирина Линас и немецкий гражданин Петер Фрай. Ирина Линас приехала из Таллина. В 1945 году эта советская женщина нашла на улице в разрушенном доме ребенка. Никто не мог ей сказать, как его зовут, чей он и когда родился. Ирина назвала его Петром. Это распространенное имя. А так как он был спасен в дни освобождения, то и получил фамилию Фрай — Свободный.

Ныне Петер Фрай — железнодорожный рабочий здесь же, в Альтентрептове.

В Германскую Демократическую Республику, в Берлин, в эти дни приехало немало людей, не владеющих немецким языком, но чтобы понять друг друга, достаточно знать несколько слов: победа, освобождение, дружба, мир.

Победа, освобождение, дружба, мир — эти слова будто вобрали в себя смысл происходящего.

— Немецкий народ выражает глубокую благодарность воинам Советской Армии, свято чтит память 20 миллионов советских граждан, отдавших свою жизнь борьбе против фашизма, — заявил на сессии Совета мира ГДР, посвященной 25-й годовщине освобождения немецкого народа от фашизма, председатель Народной палаты ГДР, член президиума Совета мира Г. Геттинг.

...Нестройные, праздничные толпы людей на всех улицах Берлина.

Великий праздник освобождения — 8 мая 1970 года.

С утра в зеленеющем Трептов-парке перед памятником советскому солдату прошли со знаменами многочисленные колонны демонстрантов во главе с руководителями партии и правительства Германской Демократической Республики. Какое незабываемое зрелище единения и дружбы — немецкий народ отдает дань благодарности советскому воину-освободителю.

А вечером, в огромном, сверкающем огнями концертном зале «Фридрихштадт-паласте» собрались представители трудящихся Берлина на торжественное заседание Центрального Комитета СЕПГ, Государственного совета ГДР, Совета Министров, Национального совета Национального фронта Германской Демократической Республики. В президиуме Первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт, председатель Государственного совета ГДР В. Ульбрихт, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР В. Штоф, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК СЕПГ.

Среди гостей — посол СССР в ГДР П. А. Абрасимов, главнокомандующий Группой советских войск в Германии генерал армии В. Г. Куликов. На заседании присутствует делегация советских военачальников во главе с генерал-лейтенантом К. Ф. Телегиным, который участвовал в боях за Берлин, делегация Союза советских обществ дружбы и Советского общества дружбы с ГДР.

С докладом выступил член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР В. Штоф. Он выразил глубокую благодарность ЦК КПСС, Советскому правительству, всему советскому народу за исторический подвиг — освобождение немецкого народа, освобождение народов Европы от фашизма. ГДР, сказал он, будет как зеницу ока хранить и оберегать братскую нерушимую дружбу с Советским Союзом.

...Идут и идут в эти дни в Трептов-парке люди по алее, как бы стремящейся вверх, где в отдалении высится наш советский солдат. Он опустил меч и прижал к груди ребенка.

Молодая женщина кладет цветы к подножию памятника. Тогда, в сорок пятом, ей, вероятно, было столько же, сколько ребенку, которого держит на руках советский солдат...

В. СУББОТИН,
С. СМОЛЯНИЦКИЙ
специальные корреспонденты «Литературной газеты»
БЕРЛИН

РЕШИТЕЛЬНО ТРЕБУЕМ ПРЕКРАТИТЬ АМЕРИКАНСКУЮ АГРЕССИЮ!

Заявление Союза писателей СССР

Советские писатели, как и весь советский народ, с глубоким возмущением восприняли весть о новых наглых актах империалистической агрессии США против народов Юго-Восточной Азии.

Снова распороли небо Демократической Республики Вьетнам турбины реактивных бомбардировщиков и на мирные города и деревни республики обрушились американские бомбы. Черными крестами ползут по полям Лаоса и Южного Вьетнама тени американских бомбовозов, оставляя за собой выжженную пустыню. Напоминая времена бесноватого фюрера, тяжкие гусеницы бронированных машин с американским клеймом ломают в щепы пограничные столбы, попирая общепринятые нормы международного права и человечности. Жертвой американской агрессии стала нейтральная Камбоджа. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно приносимое изза океана оружие, вложенное в руки американских и сайгонских солдат, сеет на земле Индокитая разрушения и смерть. В напалмовом пламени рушатся библиотеки, больницы и школы, гибнут ни в чем не повинные женщины, старики и дети. Фугасные бомбы разносят в осколки бесценные памятники древней культуры.

Тем деятелям в Соединенных Штатах, которые все еще полагают, будто холом истории можно управлять мановением пальца с вашингтонского «Олимпа», пора бы давно понять, что процесс развития человечества необратим и народы, ставшие вершителями своих собственных судеб и завоевавшие независимость и свободу, никогда не согласятся снова надеть на себя ярмо рабства.

Мы, советские писатели, движимые идеями интернационализма и гуманизма, горячо поддерживаем заявление Советского правительства в связи с серьезным обострением обстановки в Юго-Восточной Азии, решительно требуем немедленного прекращения американской агрессии, безусловного вывода всех иностранных войск с территории Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и предоставления права народам этих стран самим решать свою судьбу.

Мы призываем всех честных писателей мира возвысить голос против преступлений чинимых на земле Вьетнама, Лаоса и Камбоджи американскими империалистами и их прислужниками!

Наш священный долг — крепить действенную солидарность с народами Индокитая, ведущими антиимпериалистическую борьбу за независимость, мир и счастье.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СУД ИСТОРИИ НЕОТВРАТИМ

Когда я услышала официальное объяснение американских властей, что вероломное нападение на Камбоджу совершено потому, что это якобы «необходимо для скорейшего вывода американских войск из Вьетнама», — признаюсь, я приняла это за неуклюжую шутку фельетониста. Но оказалось, что это слова самого президента!

Нарушая договоры и международные обязательства, вмешиваясь закулисными интригами и грубой силой в дела других народов, Соединенные Штаты, страна Линкольна и Вашингтона, превратились в кровавого жандарма. Сотни тысяч американских парней посланы Пентагоном жечь напалмом хижины вьетнамских и камбоджийских крестьян, убивать их женщин и детей, превратить цветущую землю в зону выжженной пустыни!..

Я гневно осуждаю агрессивные действия Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии, и не только я, — у меня сотни миллионов единомышленников, с возмущением взирающих на эти варварские действия.

Вера КЕТЛИНСКАЯ
ЛЕНИНГРАД

БЬЮТ КОЛОКОЛА ТРЕВОГИ

Прочитал Заявление Советского правительства о положении в Камбодже и сразу вспомнил партизанскую базу патриотов Патет-Лао в горных ущельях близ Самнеа. Американцы бомбили этот район, их самолеты шли волна за волной; людей в пещерах заваливало камнями, матери прикрывали телами прозрачные лица детей. А американская радиостанция в Танланде передавала: «В Лаосе ВВС США совершают полеты с разведывательными целями».

И вот теперь они заявляют: «В Камбодже американские войска находятся лишь для того, чтобы гарантировать жизнь американских солдат, расквартированных в Южном Вьетнаме».

Мы до сих пор слышим утверждения американских властей о том, что самолеты США нарушают воздушное пространство ДРВ и бомбят ее территорию ради того, чтобы «добиться справедливого мира». Я видел этот «мир» — города-руины и поля, сожженные напалмом. «Тихие американцы» перешли от мелких провокаций с пластиковыми бомбами к открытой варварской агрессии. Все помнят, чем кончил гриновский герой. Это было в самом начале. С тех пор на земле Юго-Восточной Азии погибли десятки тысяч братьев того «тихого американца», который решил научить азиатов своей «свободе». Американским парням теперь предстоит погибать в джунглях Камбоджи; но народ, сражающийся за независимость, никогда не смирится с интервенцией. Это аксиома для всех здравомыслящих, и опыт героической борьбы вьетнамского и лаосского народов против американской агрессии — явный тому пример.

Колокола тревоги бьют в Америке. Колокола звонят по погибшим, они предостерегают живых. Мир возмущен варварством XX века, варварством колонизаторов. Пятна крови смыть легче, чем пятна позора. События, происходящие сейчас в Юго-Восточной Азии, — это трагедия. Однако, несмотря на горе и жертвы, победит правое дело. Советские люди всей душой с теми, кто сражается против вандализма американских агрессоров. Советские люди всегда помогали и будут помогать народам, которые верят в прогресс и испытывают горячую ненависть к империализму.

Юлиан СЕМЕНОВ
МОСКВА

МЫ РАЗДЕЛЯЕМ ТВОЕ ГОРЕ, КАМБОДЖА!

Камбоджа всегда казалась мне страной из древней восточной сказки. Золотые воды Меконга. Тропики. Саванны в бамбуковом буйстве. Невиданные деревья: тиковое, камфорное, лаковое, красное. Слоны и тигры, бизоны и крокодилы. И трудолюбивый певучий народ. Удивительный, добрый народ, государство которого возникло еще в первом веке нашей эры. И с тех пор с огромным мужеством отстаивающий его свободу и независимость.

Ныне горят деревянные домики Камбоджи, гибнут люди под гусеницами танков.

30 апреля летим всей земли снялись разноцветные шарики. Мир готовился встретить праздник труда. В эту теплую вочь заревели моторы. Никсон дал приказ начать агрессию.

Во имя чего? Захватчик, как правило, не утруждает себя убедительной аргументацией. Мощь Соединенных Штатов обрушилась на крохотную Камбоджу, оказывается... ради спасения жизни американских солдат.

С гневом и ненавистью следит весь мир за развитием событий.

Американские агрессоры попрали нейтралитет Камбоджи и бросили свои войска, чтобы задавить национально-освободительное движение в этом многострадальном районе.

Кхмерский народ! Мы разделяем твое горе и гнев!

Богдан ЧАЛЫЙ
КИЕВ

СМЯТЕНИЕ И ГНЕВ АМЕРИКИ

Генрих БОРОВИК,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

ТРУДНО подыскать символ тому, что произошло в Соединенных Штатах за последние две недели.

Кровь в Кенте? Двухсотпятисячная толпа возле Белого дома 9 мая, требующая прекращения войны? Молодой негр, привязанный к деревянному кресту, — так сказать, распятая вола народа? Наймиты профбоссов, избивающие демонстрантов на Уолл-стрите, и полицейский офицер, который говорит, наблюдая расправу: «Осталось еще, я тоже ударю...»? Пустые аудитории 400 университетов и колледжей? Растерянное лицо президента, стоящего на ступеньках Линкольновского мемориала в окружении студентов? Мистер Агню, произносящий с телевизионного экрана очередную филиппику по адресу противников войны во Вьетнаме? Американские солдаты, мародерствующие в Камбодже?

Все это так или иначе отражает бурные события последних двух недель. Но если говорить о символе, то я бы выбрал эпизод, отчет о котором затерялся в виде небольшой заметки где-то на двадцатых и тридцатых страницах газет.

Покончил с собой Джеймс Шна — молодой (30 лет) член палаты представителей законодательного собрания штата Массачусетс. Его жена, открыв дверь спальни, увидела, как он двумя руками прижал к виску пистолет 38-го калибра. Она успела только вскрикнуть, и он нажал курок.

Меньше месяца назад я разговаривал с Джеймсом Шна по телефону. Его голос звучал бодро и энергично. Да и вообще все, кто знал его, отзывались о нем, как об энергичном деятеле, много делавшем для движения против войны во Вьетнаме.

Я позвонил ему сразу после того, как Шна представил за своей подписью в законодательное собрание штата Массачусетс нашумевший законопроект, который давал право молодым людям отказываться участвовать в войне, не объявленной конгрессом Соединенных Штатов. Законопроект был одобрен, подписан губернатором. Он был важен скорее психологически, фактически же он не мог повлиять на политику правительства. Ребят из Массачусетса будут посылать во Вьетнам так же, как посылали раньше. Но все-таки было много надежд. И, может быть, больше всего — у самого Шна.

Джеймс Шна не был ни хиппи, ни «безответственным интеллектуалом» (выражение вице-президента Агню). В свое время он даже поддерживал войну во Вьетнаме и хотел записаться в армию, но не прошел медицинскую комиссию. Постепенно он изменил свою позицию. «Я понял,— говорил он позже, — что нельзя вести две войны: против Вьетнама и против нищеты. Они несовместимы».

Он верил в демократию, верил, что правительство не может не считаться с волей народа. Но вот президент объявил о вторжении в Камбоджу, а через несколько дней одни молодые американцы расстреляли других молодых американцев в Кенте. И тогда Шна покончил с собой.

Его трагедия кажется мне символической. Она означает конец надеждам на то, что политику правительства США можно изменить демонстрациями протеста, петициями или даже законопроектом, принятым в одном из штатов.

В Америке последнее время много говорили об упадке движения за мир: утверждали, будто движение выдохлось, ибо администрация, мол, доказала, что сама стремится к миру (по-нашему — «вьетнамизация»). Но решение президента США о Камбодже, как вспышка зловещей молнии, осветила вдруг резко и ярко пропасть, разделяющую политику правительства и интересы народа. За вспышкой последовал взрыв, сила и значение которого для многих оказались неожиданными.

ПОКА президент, путая страничный заготовленной речи, выступал по телевидению, аргументируя вторжение в Камбоджу «заботой о мире», в одной из аудиторий Пельского университета большая группа студентов после каждой фразы президента хором предсказывала следующую и почти всегда угадывала. Демагогия администрации известна студентам наизусть.

Голос президента тонет в океане голосов «других».

«Это тяжелая школа. Смерть Бобби Кеннеди означала поворотный момент в нашей жизни. А теперь — вот это. Значит, все наши надежды — ничто... Я чувствую себя разбитым. Что это за демократия?» — вопрошает товарищ одного из кентских студентов, убитых 4 мая.

«Наша страна — фактически находится на пороге духовного — а может быть, даже и физического — краха», — это голос не студента, не хиппи, не члена организации «Черных пантер». Это сказал мэр Нью-Йорка республиканец Джон Линдсей.

Одна петиция, посланная в Белый дом и осуждающая политику президента, содержит 250 подписей. Это голоса не школьников, не длинноволосых «подстрекателей». Это мнение 250 чиновников государственного департамента.

«Президент проводит чрезвычайно опасную политику, которая представляет для нашей страны очевидный и не поддающийся измерению риск», — заявил сенатор Эдвард Брук.

О, можно перечислять эти голоса до бесконечности. Голоса людей, понимающих: стоящий за спиной Никсона военно-промышленный комплекс, подлинный хозяин страны, наживающийся на войне, ведет Америку к краху.

Громче всего голоса противников войны звучали 9 мая в Вашингтоне, во время грандиозной, антивоенной демонстрации, участвовать в которой приехали люди из разных городов США — близких и дальних. И полгода назад, 15 ноября, была такая же демонстрация, даже крупнее. Но в нынешней есть нечто новое, о чем стоит говорить особо.

15 ноября в Вашингтоне было холодно и неуютно. Резкий холодный ветер, голые ветви деревьев, жухлая трава. 9 мая погода была добрей: безоблачное небо, солнце, цветущие вишни. А настроение — злость и отчаяние. Гораздо больше злости и гораздо больше отчаяния.

15 ноября в Вашингтоне была самая крупная в истории США демонстрация против правительства. Чувство локтя опьяняло. Многим казалось: достаточно кричать всем вместе «Мир теперь же!» — и мир наступит.

Сегодня они убедились, что мнение миллионов не имеет значения для хозяев страны. И поэтому сегодня демонстрантам недостаточно песни «Дайте миру шанс». Сегодня они хотят решить для себя — что делать дальше.

Шесть месяцев назад люди пришли сюда, чтобы показать официальному Вашингтону: «нас много, и мы против войны».

Теперь они пришли сюда в поисках решения — как заставить правительство выслушать их.

— Вы спрашиваете, в чем отличие нынешней демонстрации от ноябрьской? — переспрашивает женщина из Нью-Йорка. — Сегодня люди злее. Гораздо злее. В такой день молодежь должна бы идти на пляж, ехать на пикник. Но она здесь.

— У нас теперь нет иллюзий, прекратит ли администрация войну. — доносится с трибуны. — Закрывайте конторы! Закрывайте заводы! Закрывайте, пока мы не остановим войну!

«Мы пришли сюда не для того, чтобы просто демонстрировать. Мы пришли, чтобы понять, куда и как идти дальше», — это говорит Бенжамин Спок.

«В ноябре мы выражали наш протест, — говорит Джим Демеуль, студент-юрист из Колумбийского университета. — Сегодня мы здесь не для того, чтобы демонстрировать, а чтобы остановить войну... Разница еще вот в чем: в ноябре после демонстрации мы вернулись в свои школы. На этот раз мы не вернемся. Забастовка...»

— Расширяйте забастовку! — призывает голос, усиленный мегафоном.

Парень в жилетке раздает сегодняшнюю «Дейли уорлд».

Короткая и энергичная статья Гэса Холла. Руководитель американских коммунистов пишет: «Существуют моменты, когда слова — даже самые воинственные слова — не имеют значения. Сейчас — один из таких моментов. Это, конечно, плюс, что либеральные сенаторы, конгрессмены и мэры высказываются против эскалации войны. Но народ — особенно молодежь — имеет право спросить: что вы сделали конкретно? Что вы конкретно делаете в связи с создавшимся положением?

Это плюс, что профсоюзные лидеры сделали заявления против политики Никсона. Эти заявления были бы особенно ценны год назад, месяц назад. Но теперь они недостаточны. Теперь вопрос состоит в том — что вы делаете в поддержку ваших слов?.. Резолюции, осуждающие войну, положительны. Но они не удовлетворяют сегодняшним требованиям. Нужны действия... Даже 15-минутная забастовка для подписания телеграмм и петиций была бы политически взрывчатой мерой... Жизнь призывает к новым инициативам, к новой форме единства — единству народа, победа мо-

Кентский университет. Солдат национальной гвардии в газовой маске бьет прикладом студента — участника антивоенной демонстрации.

жет быть результатом только новых форм, новых методов борьбы».

ЖАРА все сильней и сильней. Солнце трудится вовсю, наверстывая график запоздавшей весны. Речи с трибуны о том, как поступать дальше, что делать, чтобы протест стал действенным, перемежаются вполне рядовыми объявлениями — где не хватает потерявшегося мальчика 4-х лет, как оказать первую помощь при солнечном ударе, как соорудить газетный колпак на голову.

Люди послушно накрывают головы газетами, в которых помещен репортаж о том, как президент США пробовал на рассвете 9 мая установить «прямой контакт с молодежью». Накануне он долго не спал после пресс-конференции. Сидел у телефона, выслушивал отзывы друзей о своих ответах корреспондентам. Среди вопросов был один и о том, как он собирается установить контакт с молодежью. Президент ответил: «Я хочу попытаться сделать все, что могу. Правда, иногда они слишком громко кричат... Однако в индивидуальном порядке, я полагаю, беседовать с ними, участвовать в диалоге возможно...»

Он разговаривал по телефону до половины третьего ночи. Потом уснул. Но через час проснулся. Встал, позвал своего давнишнего камердинера, спросил: «Вы когда-нибудь видели памятник Линкольну ночью?» «Никогда»,— ответил камердинер. «Поехали»,— распорядился президент.

Через несколько минут президент США, его камердинер и несколько встревоженных, невыспавшихся агентов секретной службы поднялись на ступеньки Линкольновского мемориала. Конечно, сразу встретили студентов, которые почевали здесь, готовясь к демонстрации. Президента узнали, окружили. И состоялся первый диалог президента США с молодыми американцами в «индивидуальном порядке». Впрочем, по свидетельству студентов, это был скорее монолог, причем монолог странный, не имевший отношения к тому, что интересовало студентов.

— Мы сказали ему, — рассказывала студентка Джоан Пеллитьер, — что приехали в Вашингтон из Сиракуз и что наш университет объявил забастовку против войны в Индокитае, а он стал говорить что-то о нашей футбольной команде. Когда это то сказал, что приехал из Калифорнии, чтобы участвовать в демонстрации протеста, Никсон повел разговор насчет плавания на досках...

— Он больше говорил о своих поездках по разным городам, — делилась впечатлениями другая студентка. — Его не интересовало то, что волновало нас. Он перескакивал от одной темы к другой. Футбол, плавание. Нужно было долго ждать, чтобы задать ему вопрос. А когда, наконец, задавали, он прерывал и говорил о своем, не отвечая... Он, кажется, совсем не слушал и не слышал нас... Прощаясь, пожелал нам хорошо провести время и получить удовольствие от прекрасной погоды. Ему, наверное, показалось, что мы приехали сюда на пикник...

После беседы на ступенях Линкольновского мемориала президент поехал к Капитолию и показал там своему камердинеру палату представителей. Здесь к странным экскурсантам присоединились пресс-секретарь Белого дома Рональд Зиглер и еще два помощника президента. Теперь уже впятером они поехали в ресторан отеля «Мэйфлауэр» — завтракать. И заняли там столик в любимой комнате директора ФБР Эдгара Гувера. Президент съел (об этом позже проинформировал журналистов Зиглер) «рубленое мясо с яйцом, блюдо, которое он не ел более пяти лет». Насчет беседы со студентами Зиглер сообщил, что она была «милой».

Такова была первая попытка президента установить прямой контакт с молодежью, приехавшей в Вашингтон требовать прекращения позорной войны. Беседа эта состоялась через пять дней после того, как солдаты национальной гвардии расстреляли студентов Кентского университета.

КЕНТСКИЙ университет в штате Огайо никогда не славился ни научными достижениями, ни революционными настроениями студентов. В кампусе (университетская территория), как и в самом городке Кент, жизнь текла спокойно и тихо начиная с 1910 года, когда университет и был основан. Туда посылали дочерей и сыновей те, кто «выбился в люди» и хотел дать своим детям образование, в общем, люди среднего достатка. Там были студенты и с длинными волосами, и с короткими, одни носили «мраморные» джинсы, другие — обыкновенные. Но не одежда определяла их взгляды. После вторжения в Камбоджу кентские студенты оказались едины в осуждении войны и одними из первых выступили против новой эскалации.

Очередной антивоенный митинг начался в кампусе 4 мая в 11.50 дня — время ленча, когда студенты свободны от занятий, а в 12.20 четверо убитых уже лежали на земле.

Эту картину восстановили пока что журналисты. Главные свидетели — те, кто стрелял,— молчат. Солдатам категорически запрещено отвечать на вопросы прессы. Впрочем, даже если они заговорят, вряд ли это поможет установлению истины. Скорее, наоборот. Разве показания убийц в Сонгми помогли найти правду? А расстрел в Кенте сродни преступлению в Сонгми. Кровь, пролитая там, не запеклась, она тонким ручейком притекла в Кент.

...Четыре года я наблюдаю эти демонстрации. Я видел, описывал и фотографировал тысячи антивоенных выступлений, лозунгов, плакатов, митингов, ораторов, призывов. Иногда демонстрации огромны и впечатляющи, как 15 ноября 1969 года, когда четверть миллиона человек собрались возле памятника Вашингтону и пели вполголоса: «Мы говорим об одном: дайте миру шанс... Мы говорим об одном: дайте миру шанс...» Иногда малочисленны, но достойны не меньшего уважения. Нельзя не восхищаться людьми, которые четыре года подряд каждую субботу приходят на Таймс-сквер в любую погоду и несколько часов стоят там молча с плакатами, требующими окончания войны. Нельзя не восхищаться энергией и мужеством доктора Спока. Нельзя не сочувствовать и тем, кто идет по улицам Нью-Йорка, повторяя, словно наивную детскую считалочку: «Раз, два, три, четыре, пять, не пойдем мы воевать...» Они немного сделали за эти четыре года. Подняли массовое антивоенное движение в США, во всеуслышание сказали правительству мнение народа о войне во Вьетнаме, они повлияли на решение Линдона Джонсона не выставлять свою кандидатуру в президенты, они заставили Никсона выступать в избирательной кампании под лозунгом «Не противоборство, а переговоры». Они повлияли на многое в Америке.

Они не смогли повлиять лишь на одно — на политику правительства США.

Они не смогли добиться лишь одного — прекращения войны во Вьетнаме.

«Демократия» и «свобода слова», как оказалось, не имеют никакого отношения к политике. У народа — свобода слова, у правительства — свобода действий.

СТУДЕНТЫ Нью-Йоркского университета — 200 человек — захватили здание, где помещался университетский компьютер. Захватили, забаррикадировались и поставили условие: освободим электронный мозг, если будут собраны сто тысяч долларов для освобождения под залог «Черных пантер» из тюрьмы. Однако полиция обратила на все это минимум внимания: на студентов никто не нападал, никто не выкуривал их слезоточивым газом, никто не брал здания штурмом. Ведь есть разные способы борьбы с политическими противниками: от расстрела до полнейшего невнимания к их деятельности. Студенты, производящие электронный «кидиапшинг», просидели в здании чуть более суток и — что было делать? — покинули его.

Очень трудно в этой борьбе не устать, не опустить руки.

Я часто слышал, как во время антивоенных демонстраций кто-нибудь один кричит в микрофон быстро и слитно, не разделяя слов: «Чегомыхоти-им?» И тысячи, иногда десятки тысяч людей отвечают ему хором: «Ми-ира!».

«Когдаонмаму-ужен?» И снова многотысячный требовательный ответ: «Сейчасже!».

Это было привычно. Это ритуально повторялось на каждом митинге, во время каждой демонстрации. В последние дни появилось кое-что новое.

— Чегомыхоти-им? — спрашивал молодой голос на митинге в нижней части Бродвея.

— Ми-ира, — кричала ему в ответ многотысячная толпа.

— А что мы получили? — вдруг крикнул голос звонко и раздельно.

— Дерррьмо! — шумно выдохнула толпа.

И снова повторялось то же самое, и снова...

Нет, это, конечно, не только от бессилия. Это скорее от злости, от ненависти к войне и тем, кто ее ведет.

Ненависть, впрочем, разнородна и имеет разные адреса.

— Перестрелял бы их всех до одного, — громко, не стесняясь, бормочет вслед демонстрантам продавец или, может быть, хозяин бродвейского магазинчика, выражая вечную ненависть дюмпена к бунтарям...

А президент и вице-президент США откликнулись на убийство четырех студентов в Кенте заявлениями, суть которых можно выразить двумя словами «сами виноваты».

НЕЗАДОЛГО до трагических событий в Кенте президент США публично назвал студентов «шалопаями, готовыми взорвать кампусы». Вице-президент чуть ли не в каждой своей речи ругает противников войны во Вьетнаме. Многие американские газеты считают, что подобные высказывания, провоцирующие ненависть, помогли солдатам национальной гвардии нажать курок своих М-1 в тот кровавый понедельник в Кенте.

Нет, к сожалению, еще не вся Америка поддерживает демонстрантов, не вся Америка снимает шляпу перед телами четырех студентов, убитых в Кенте.

Квазипатриотические призывы всегда найдут сторонников размахивать флагом. Трудно поверить, что их большинство, но их все-таки довольно много. И это позволяет правительству манипулировать таким мистическим понятием, как «молчаливое большинство», которое якобы поддерживает официальную политику во Вьетнаме.

Кроме института Гэллапа и института Харриса, дающих более или менее верную картину общественного мнения в США, существуют так называемые частные опросы. После выступления президента Никсона по телевидению в связи с вторжением в Камбоджу Белый дом объявил, что «частный опрос» показал поддержку решения Никсона в отношении 3:1. Однако сенатская комиссия по иностранным делам получила огромное количество писем и телеграмм, в которых решение президента резко осуждается уже в пропорции 8:1. Согласно опросу, проведенному институтом Харриса за несколько дней до вторжения, 59 процентов населения были категорически против любого расширения военных действий в Индокитае.

Страна расколота. Раскола сверху донизу. Глубину этого раскола уточнит история, сейчас же можно твердо сказать, что большинство народа настроено против политики правительства сильнее и резче, чем два года назад, когда республиканцы проводили свою избирательную кампанию под лозунгом «Америка, мы снова объединим тебя».

Республиканская администрация не выполнила многих своих обещаний. Она нарушает международные договоры, она попирает конституцию собственной страны. Она выделяется даже среди своих предшественниц. Известный американский писатель-публицист Гор Видал как-то заметил, что в истории Америки случалось так, что войны были «прерогативой» президентов-демократов, а экономические депрессии развивались при республиканцах. Нынешняя же администрация совместила и то, и другое.

Америка охвачена сильнейшим кризисом, моральным и политическим. Ее официальная мораль загрязнена гораздо больше ее воздуха и рек. Ее политика служит уничтожению жизни. В условиях этого кризиса здоровой части Америки единство нужно, как чистый воздух. Но в отличие от того, что обещал президентский кандидат в 1968 году, ей нужно единство студентов и рабочих, белых и черных, молодых и старых. Единство народа, которое предлагают коммунисты. Только оно может придать антивоенным выступлениям решающую силу.

НЬЮ-ЙОРК

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Павел ХМАРА

ПОДРАЖАНИЯ

Прозаик тоже, в сущности, поэт, но потому лишь в переносном смысле, что звонких рифм традиционно нет в его поэтизированной мысли. Об этом нам не следует грустить, но мы хотим сегодня вместе с вами улыбки ради взять и попросить поговорить прозаиков... стихами!

Тайна

Ираклию АНДРОНИКОВУ

Я доставал кефир
из «ЗИЛа»
И думал: как прекрасен
мир!
И тут-то мысль меня
пронзила:
А ел ли Лермонтов кефир!
И я в святом каком-то
жаре,
захлопнув холодильник
«ЗИЛ»,
Как Демон, в тапочках,
в пижаме
Влетел в молочный
магазин.
Пронесся вихрем мимо
кассы,
Порывом поиска влеком!
Среди сметан, сырковой
массы,
Среди бутылок с молоком
Стояла дама, и привета
Она исполнена была...
— Скажите, бабушка поэта
У вас хоть раз кефир
брала?
— Брала! — глаза ее
сверкнули,
Затрепетали крылья вен,
И руки страстно протянули
Исчезнувший допотопный чек.
Я изучал его неделю,
Я с ним гулял, обедал,
спал,
Чего я только с ним
не делал,
Но тайну века разгадал!
Я понял, что ошиблась
дама,
Что, чек, теперь известный
всем,
Был чеком бабушки...
Хаяма
[Цена — два восемьдесят
семь].

«Деревенский детектив»

Вилю ЛИПАТОВУ

Он идет — тяжел, но бодр,
Заглядая по дворам,
Детектив Анискин Федор,
Вес — сто двадцать
килограмм.
Зубом цыкнет, зыркнет
глазом,
Лихо бровью поведет,
И народ не безобразит,
Ощущается народ.
Он научит, он поможет,
Он рассудит всех мудрей...
Он коров заставить может
Делать яйца из курей.
Удаль есть в его сноровке,
Да и что там говорить, —
Эх, ему б не по Кедровке—
По Петровке бы ходить!

«Неделя как неделя»

Наталье БАРАНСКОЙ

Горит восток зарею ясной.
С подножек граждане
сползят,
Я с Гулькой мчусь
галопом в ясли,
А Димка с Котькой в
детский сад.
У Гульки полнуна колготка.
Нам некогда ходить в кино.
В метро я сжата, как
селедка
По рубль тридцать за кило.
Вчера я опоздала снова.
Мой стеклопластик будет
жить!
В обед — сходить, купить
мясного,
Две пачки «Лотоса»
купить...
Пусть Димка сам погладит
брюки!
В руках две сумки —
тяжкий груз...
А Вентцель хороша в
«Науке»
Сказала про тезаурус!
Когда пришить крючок
на пояс?
Всегда бегу, всегда спешу...
Опять не написала
повесть!
А, падно, — завтра напишу.

РОГА И КОПЫТА

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

● **НАШ КОНКУРС**

С 15 мая по 1 июня стенгазета «Рога и копыта» проводит среди своих читателей конкурс под названием «АБВ». Условия конкурса: каждый участник должен придумать как можно больше слов из букв, напечатанных в таблице:

А Б В Г Д Е Е Ж И К
Л М Н О П Р С Т У Ф Х
Ц Ч Ш Щ Ы Ъ Ъ Ю Я.

Победителем будет тот, кто придумает наибольшее количество слов. Материалы на конкурс присылать в стенгазету «Р и К» с пометкой «АБВ». Итак, за работу.

Желаем удачи!

● **ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ**

На костях соперников пришли к победе ребята механического факультета. Первенство института по домино они удерживают уже третий год. Так держать, ребята!

● **МЭРЫ ПРИНЯТЫ**

На днях председатель Заводоцкого горсовета тов. Брудный Б. С. принял делегацию мэров из ряда городов Франции, находящихся здесь с дружеским визитом.

● **АВТОМОБИЛЕЙ МОЖЕТ БЫТЬ БОЛЬШЕ**

В письме в редакцию биолик Чепрунов предлагает предусмотреть в автомобилях систему воспроизведения. «Если они будут размножаться сами, — пишет Чепрунов, — то через пять лет поголовье автомобилей в стране увеличится в тридцать раз».

● **МИР ЗА 24 ЧАСА**

Известный в районе хулиган и дебошир Иван Сидоркин, решением районного суда выселен из города в течение 24 часов.

Теперь в районе установлены мир и спокойствие.

● **УГОЛОК БРАКОНЬЕРА**

Всего за 5 копеек любой меткий стрелок может подстрелить куницу, белку, оленя в открывшемся недавно тире в городе Новозаветове.

Олег ДМИТРИЕВ — РАССКАЗ

ДОЛЖОК

Сослуживец Костя Маслин попросил у меня взаймы двадцать рублей.

— Утром отдам! — сказал он, засовывая деньги в портмоне.

Было утро, был день и был вечер — два года прошло с этого рокового для меня дня, но Костя все не отдавал.

На первых порах он еще подмигивал мне и извинялся:

— Толик, за мной должок! Потерпишь, а?

Но вскоре и это кончилось. Возвращаюсь я из отпуска — сами понимаете, в каком состоянии мои финансы — и вспоминаю про Костю. Иду по коридору и вижу, что стоит мой приятель у кассы и внимательно пересчитывает довольно пухлую пачку денег,— наверное, получает очередную премию: он ведь у нас известный рационализатор. И тут я совершаю первую ошибку.

— Костя,— говорю я тихонько, — может быть, сегодня вернешь мне должок?

А Костя громким, хорошо поставленным голосом ставит меня на место.

— Как это бестактно напоминать мне в такую минуту...— обрывая фразу, он разводит руками и оглядывается, словно просит у очереди сочувствия.

Все с интересом и осуждением смотрят на меня, а я, как оплеванный, иду становиться в хвост. Казалось бы, жизнь дала урок, и успокойся. Но нет, начинают мои мозги чисто абстрактные логические построения: «Как же так? Двадцать рублей мои? Мои. Я их заработал честным, общественно полезным трудом? Заработал! Товарища выручил в трудную минуту? Выручил. У меня сейчас трудная минута? Трудная. Я ведь такой же человек, как Костя? Такой же!»

Но формальная логика не доводит до добра. Примерно через неделю прихожу из работы и совершаю вторую ошибку, непоправимую. Останавливаюсь около Маслина и внятно, на все КБ говорю:

— Помнишь, Костя, ты взял у меня двадцать рублей. Так вот через три дня...

Костя договорить мне не дал, а начал рыться в карманах, громко причитая:

— Да нет, простите, зачем же три дня? Я сию секундочку. Вот рубль на завтрак, три рубля дочке на апельсины... Так, гривенник, еще пятнадцать...

— Костя, — сказал я, еще не полностью понимая разряженность атмосферы в нашей комнате, — не обязательно сегодня... Я подожду.

— Да вы посмотрите — на нем лица нет! — закричала Зинаида Сидоровна, соседка Кости. И все присутствующие отшатнулись от меня, как от чудовища.

В обед секретарша Валечка обходила всех с подписным листом: Костя попросил одолжить ему до утра кто сколько может.

Зарплата была еще ой-ей-ей как далеко. Даже сторожиха Марья Петровна пожертвовала семьдесят копеек.

Подбежала Валечка к мне:

— Сколько?

Но когда я машинально полез в карман, поняла свой промах и подарила мне взглядом, полным такого презрения, что я принял валидол.

Костя обменял собранные деньги в буфете на две красные бумажки и перед уходом торжественно вручил их мне.

— Спасибо, товарищи! — он пожал каждому руку и гордо поднятой головой удалился на футбол.

Мне было плохо: на улице свирепствовала жара, а злосчастные десятки жгли, как раскаленные угли...

Через два дня я случайно услышал разговор на лестничной площадке второго этажа, где обычно курили.

— Нет, я, конечно, читал про Шейдоков и Гобсеков,— заливался тоненьким голосом наш профорг Васечка,— но увидеть это собственными глазами! Расскажи мне кто-нибудь такое — не поверил бы!

— А я верю, — декламировал неизвестный бас, видно, из другого отдела.— Нет-да и мелькнет еще в нашей действительности лицо кулака-мироеда. Пережитки прошлого еще весьма сильны.

— Но подумайте, — размышлял кто-то третий, — ведь он же учился в нашей школе, был пионером, пел у костра походные песни. Может быть, это дурная наследственность? Уму непостижимо...

Весь в поту удалился я на свое рабочее место.

А потом передали мне, что директор не утвердил мое повышение по службе. «Ничего не могу возразить — парень дельный, — сказал он, — да, говорит, болезненно, просто патологически жаден. Значит, с людьми не сработается. Я сам скупердяев не перевариваю».

И целый месяц ходил я на работу, чувствуя отчуждение коллектива.

Наконец, поймал Маслина в коридоре.

— Костя, — сказал я, — у тебя подходит очередь на «Запорожец»?

Костя перестал вырываться и заинтересованно спросил:

— А что?

— Сколько тебе не хватает денег?

— Триста двадцать пять!

Я быстро прикинул: как раз телевизор и холодильник...

— Так вот — я их тебе даю взаймы!

Костя засиял, пожал мне руку и крикнул:

— На полгода? А?

— На полгода!

Костя потянул меня в наше КБ.

— Товарищи! — сказал он. — Я на Анатолия не сержусь. У него в тот день была повышенная температура, да и дома всякие нелады. Войдите в его положение: а тут еще летний зной, на солнце всякие там протуберанцы...

Уже потом Зинаида Сидоровна мягко выговаривала мне:

— Помните, Толечка, что восстановить репутацию стоит значительно дороже, чем ее потерять.

И я был с ней абсолютно согласен.

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Роман СЕФ

Гриб

Гриб
Спрятался за пень,
Сдвинул шляпу
Набекрень,
Думает:
— Не так я глуп.
Чтобы лезть
Напрасно в суп.

Владимир ШЕХ

Добрый крокодил

— Я, —
Вздыхает Крокодил, —
Лягушонка проглотил.
Жаль отца его
И мать:
Будут плакать
И рыдать.
Но...
Могу им разрешить
Лягушонка навестить.

ЛЬВОВ

Э. УСПЕНСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ

Значит, так. Узнали мы про эту речку случайно. От туристов. Представляете — никаких тебе химкомбинатов, ничего. Один только завод анилиновый, и тот уже два года на ремонте.

Мы счасти забрали — и туда. День сидим удим, неделю — ничего. А без рыбы возвращаться не хочется. Мы к старику — хозяину.

— Говорят, у тебя сеть есть.

— Какая такая сеть? Нет у меня никакой сети. Сеть, это чего? Это через чего радио передают?

Мы ему:

— Дедушка, заплатим. Нам рыба нужна.

— Рыба всем нужна. А знаете, как у нас рыбнадзор поставлен? На глиссерах так и шастают.

Но все-таки уговорили мы его. Обещали достать пластинки Рахманинова. Он говорит:

— Ладно, так и быть. Пошли сеть ставить.

— А где ты ее хранишь, дедушка?

— А там, где ни один инспектор не найдет.

Снизает он с окон занавески тюлевые, скрепляет их. Смотрим — бредень получился сказочный!

— Только,— говорит, — ставить не я буду. Бабка моя. В случае чего, если охрана навалится, скажет, постирать вышла.

Ну вот ночью поставили сети у зарослей, утром снимаем — рыба! Я в жизни столько не видывал. Мы мелочь выбрасывали, а крупных складывали в бачонки из-под майонеза. Так две баночки домой и привезли. У меня и сейчас один пескарь дома живет, под печеносца замаскированный.

СВИТЕР ИЗ ПАРИЖА

Скажите правдиво, дорогой читатель, давно ль читали вы рассказ о жизни, в котором хоть что-нибудь не было выдумано? Авторы-юмористы наших дней, как на удивленье, пошли нынче завзятыми фантазерами и так и придумывают, так и придумывают одну лунную подробность за другой, слона сажают на подоконник, прикрепляют у граждан крылья за пазухой, а часы пускают наоборот, как бы самое жизнь желая одеть в шапку-невидимку. И художники-иллюстраторы идут у них на поводу.

Нет, сегодня я, как говорится, повешу свою фантазию на гвоздик и расскажу вам совершенно достоверную историю.

Итак, вот мой рассказ. Вот факты.

Дело было так. Один знакомый поехал во Францию. Достал путевку, все оформил, все собрал, купил билет и в составе делегации поехал. Проехал 2 540 километров, и на вторые сутки у него показался г. Париж.

Ну, я опускаю описание Парижа... А наш знакомый ходил по Парижу и, естественно, даже заходил в магазины, и не в один, чтобы в Париже купить что-нибудь из заграничной одежды, кому что. Что жене, что детям, что родственникам, что кое-каким очень близким знакомым, что себе — чтобы не зря ездил, чтобы приехал, надел, и сразу было видно, что был за границей.

И вот идет он один раз по Парижу с сумкой. Что-то уже купил, но смотрит, еще что купить. И вдруг он смотрит на один магазин и видит: возле него стоит очередь, что-то продают. В Париже! Знакомый, конечно, тут же кидается туда и на французском языке спрашивает:

— Кто крайний?

И он играючи выстоял во Франции очередь очень понравившейся свитер, очень, действительно, красивый, и решил, что будет, конечно, его сам носить, да и то не все время. И, весьма довольный, конечно, вернулся в Москву.

И вот он надел этот свитер! Все в отделе сразу обратили внимание, что он надел этот свитер. Очень одобрили, а знакомый рассказывал, как он в Париже совершенно случайно его отхватил, и все его очень хвалили, особенно женщины.

А одному так сильно понравился этот свитер, что он даже упросил знакомого на себе его поменять. Он надел свитер, покрасовался в нем, назначил в свитере свидание, а когда стал осторожно через голову снимать, то где-то в углу увидел ярлычок. На ярлычке совершенно иностранными буквами написано: «Made in USSR».

ДОСТОВЕРНЫЕ ИСТОРИИ

Николай БУЛГАКОВ

Подражание Пантелеймону Корягину

У знакомого, который ездил во Францию, конечно, глаза на лоб, полное расстройство и все такое. Он стал ругаться, что его накололи. Проклятый Париж. Одно название. И так далее.

Вот, дорогой читатель, довольно простая история из жизни, но в ней что-то есть.

ТЕТЯ

Вот еще одна вполне достоверная история.

Один знакомый как-то купил на сдачу в булочной лотерейный билет. Совершенно случайно.

Этот лотерейный билет он подарил своей тете на день рождения, так как его пригласили в воскресенье, и все магазины были закрыты, а без подарка ему приходить было неудобно. А лотерейный билет — это и заманчиво, и намек на счастье, и, вроде, не просто ерунда за 30 коп., а может, больше.

Тетя была очень довольна, смеялась, что выиграла автомобиль и на старости лет еще начнет учиться водить, а потом, чего доброго, и куда-нибудь поедет и т. д.

Смех смехом, а время шло.

Знакомый, конечно, уже забыл об этом лотерейном билете. И тетя тоже куда-то положила его и совершенно про него забыла.

Но вот подходит время тиража. И через несколько дней тетя получает вечером по подписке «Вечернюю Москву», как ни в чем не бывало разворачивает ее, но на последней странице видит таблицу лотереи. Тут она вспоминает про подарок знакомого. «Дай, — думает, — проверю!».

Она встает, надевает очки и начинает искать лотерейный билет. Тетя ищет его по всем местам, но он как сквозь землю провалился.

— Ты не видела, — говорит она на всякий случай дочке, которая в этот момент как раз пришла с работы, — куда я девала лотерейный билет? Последняя надежда, что ты знаешь, где он.

Дочка смотрит на нее и спрашивает:

— Какой лотерейный билет?

— Который мне племянник на день рожденья подарил, — говорит тетя.

Дочка качает головой, но тут вдруг неожиданно вспоминает:

— А, — говорит она.— Ты его, кажется, положила в «Полезные советы».

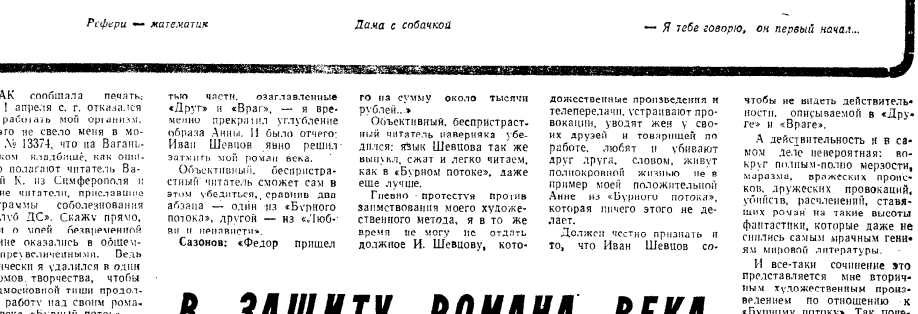
— Разве? — говорит тетя. Она быстро достает с полки «Полезные советы» и говорит: — Да, действительно, здесь. Скажи пожалуйста, ни за что бы не подумала! Вот что значит память молодая.

И она вынимает этот незаметный билет, про который не племянник к этому моменту, кстати, уже совершенно забыл.

Тетя берет билет, про который и сама чуть было не забыла, таблицу, садится поближе к свету и начинает сверять... И тут она видит, что у нее ни с одним номером не сходится.

ЧУДАКИ

(ЗАРУБЕЖНАЯ КАРИКАТУРА)



Рефери — математик

Дама с собачкой

— Я тебе говорю, он первый начал...

В ЗАЩИТУ РОМАНА ВЕКА

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ - ЛЮДОВЕДА

Как сообщала печать, 1 апреля с. г. отказался Но это не свело меня в могилу № 13374, что на Ваганьковском кладбище, как ошибочно полагают читатель Василий К. из Симферополя и другие читатели, приславшие телеграммы соболезнования в «Клуб ДС». Скажу прямо, слухи о моей безвременной кончине оказались в общем-то преувеличенными. Ведь фактически я удалился в один из домов творчества, чтобы в подмосковной тиши продолжить работу над своим романом века «Бурный поток».

Каково же было мое удивление, если не сказать огорчение, когда я, углубляя образ Анны, услышал под окном робкое дыхание и шепот влюбленных:

— Ты читал новый роман в трех частях Ивана Шевцова «Любовь и ненависть», милый?

— Еще нет, любимая.

— Это новый роман века. Посильнее, чем «Бурный поток» Сазонова. Хочешь, почитаем вместе?

И они по очереди стали читать вслух.

Заслушав первую часть романа, я не увидел в ней ничего такого, что могло бы конкурировать с моим «Бурным потоком». Но когда они стали читать вторую и третью части, озаглавленные «Друг» и «Враг», — я временно прервал углубление образа Анны. И было отчего: Иван Шевцов явно решил затмить мой роман века.

Объективный, беспристрастный читатель сможет сам в этом убедиться, сравнив два абзаца — один из «Бурного потока», другой — из «Любви и ненависти».

Сазонов: «Федор пришел утром в нетрезвом состоянии и улегся к жене под одеяло в чем был — в шляпе, плаще «болонье» и в резиновых галошах, а в зубах осталась недокуренная сигарета «Филипп Моррис».

— А-а-а!!! — тихо сказала Анна».

Шевцов: «Мать лежала посреди комнаты со вспоротым животом. При этом внутренности ее были вывернуты наружу и кишки обмотаны вокруг шеи. Сверху труп был обложен денежными кредитками разных достоинств, всего на сумму около тысячи рублей...»

Объективный, беспристрастный читатель наверняка убедился: язык Шевцова так же выпукл, сжат и легко читаем, как в «Бурном потоке», даже еще лучше.

Гневно протестуя против заимствования моего художественного метода, я в то же время не могу не отдать должное И. Шевцову, который пошел дальше меня. Он дополнил мой метод захватывающе-фантастическим содержанием. Герои его произведения — зам. министра Н. М. Фенин, его родственник — редактор Жирзала «Новости» М. Инофатьев, первый зам. редактора Кашеваров, фотограф А. Ларионов, художник Непомнящий и другие граждане—руководят министерством, журналом, снимают фильмы, вешают, разворачивают, раскатывают по Западной Европе и Соединенным Штатам, читают и оригинально комментируют художественные произведения и телепередачи, устраивают провокации, уводят жен у своих друзей и товарищей по работе, любят и убивают друг друга, словом, живут полнокровной жизнью не в пример моей положительной Анне из «Бурного потока», которая ничего этого не делает.

Должен честно признать и то, что Иван Шевцов сочувственно, чтобы не видеть действительности, описываемой в «Друге» и «Враге».

А действительность и в самом деле невероятная: вокруг полным-полно мерзости, мразма, вражеских происков, дружеских провокаций, убийств, расчленений, ставящих роман на такие высоты фантастики, которые даже не снились самым мрачным гениям мировой литературы.

И все-таки сочинение это представляется мне вторичным художественным произведением по отношению к «Бурному потоку». Так почему же роман И. Шевцова издают (и притом тиражом 200 тысяч экземпляров!!), а меня с моим «Бурным потоком» издательства поставили на очередь в план 1981 года, III квартал, да и то, если будет бумага.

Я решительно против претензии «Любви и ненависти» называться романом века.

В заключение я резервирую за собой право в ближайшее время вернуться на причитающемся мне полставки в руководящие круги «Клуба ДС», с тем чтобы своим творчеством доказать, кто истинный автор романа века, или, как говорят в народе, бестселлера.

К сему

Евг. САЗОНОВ,
автор романа века «Бурный поток», людовед

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва К-31, Цветной бульвар, 30. Телефоны для справок: 294-04-62, 295-00-00 доб. 63

А—02185 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Заказ 324 ИНДЕКС 50067

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.